

СЕДАГЕТ КЕРИМОВА

КОГДА ГРУСТЯТ ГОРЫ

Перевод с лезгинского

Баку – 2018

Перевод с лезгинского: Гаджи Ильясов
Редактор: Азизрин Севда
Художественный редактор: Наиля Баннаева
Художник: Рагима Мамедханова

Седагет Керимова. Когда грустят горы (роман, повести, рассказы, пьеса) – Баку, издательство «Сада», 2018, - 336 стр.

«Когда грустят горы» 27-я по счету книга известного мастера пера Седагет Керимовой. В нее входит ряд произведений, переведенных с лезгинского языка дагестанским переводчиком Гаджи Ильясовым. Это роман «Потерянный дневник», пьеса «Холодное солнце», повести «Судьбоносные мыши», «Несбывшиеся мечты» и рассказы. Все они пронизаны безграничной любовью к родному краю автора – Кусарам. Книгу можно назвать автобиографической и этнографической – красной нитью через нее проходят жизнь, традиции, обычаи, мечты и чаяния лезгин Азербайджана.

код: 664/07
ISBN: 5-86874-504-3

© Седагет Керимова, 2018.

О любовью к родному краю

Произведения Седагет Керимовой – это летопись жизни и быта лезгин Азербайджана на протяжении нескольких последних десятилетий. Она с любовью живописует родные места – село Яргун, город Кусары... В результате читатель, даже никогда не бывавший в тех краях, легко сможет представить себе все это – обсаженные садами улицы Кусаров, холм Кенчеб, таинственные развалины древних поселений, бескрайние леса, цветущие альпийские луга и отвесные склоны гор с нависающей над ними снежной шапкой Шахдага.

Эта вершина, как и другие горы Большого Кавказа – не просто элемент пейзажа. Это значимый для любого уроженца тех мест ориентир – не только географический, но и житейский. Местное население не отделяет себя от гор – оно сроднилось с ними, сплелось в едином существовании. Не случайно сборник называется «Когда грустят горы». Ведь эта книга – не только о людях, но и о горах, которые для кусарцев нечто неизмеримо большее, чем просто декорации их жизни.

Описания характеров у Седагет Керимовой отличаются такой же меткостью, как и описания местности. Мы видим характерные типажи в различных житейских обстоятельствах во всех ее рассказах, но особенно сильно ощущается это свойство ее пера в автобиографическом романе «Пропавший дневник». Как

живые встают перед глазами очень разные люди – взрослые и дети, мужчины и женщины, щедрые и скупые, храбрые и трусливые, открытые миру и погруженные в себя... Кто-то показан крупным планом, кто-то – вскользь, но и этого хватает, чтобы составить о нем мнение.

Каждая глава, фактически, выхватывает из общего фона, словно луч прожектора на сцене, жизнь той или иной семьи – соседей и земляков главной героини. Несмотря на то, что повествование в романе идет от лица девочки-подростка, автор по большей части избегает прямых оценочных суждений, предоставляя читателю самому делать выводы о взаимоотношениях героев и их моральных качествах. И подкидывает для этого массу деталей и подробностей, написанных живым, ярким, образным языком. Вместе с тем каждая глава так или иначе работает и на общий замысел – показать взросление главной героини, ее переход от детства к юности.

Легкий флер ностальгии – по покинутым местам или по минувшим временам – окутывает все произведения (рассказы, роман и пьесу), вошедшие в сборник.

Время, пожалуй, можно назвать одним из главных героев в романе «Пропавший дневник». Читатель буквально окунается в эпоху, очерченную, как правило, редкими, но показательными деталями. Подростки подрабатывают на совхозных полях, и это ничуть не зазорно – наоборот, привлекает возможностью заработать деньги самостоятельно. У одной из девочек отец – инвалид Великой Отечественной войны. В кинотеатре идет индийский фильм «Господин 420». Школьницы мечтают о модных свитерах. И так далее...

Наиболее ярко дух того времени передан в главе, рассказывающей о покупке телевизора. Этот еще непривычный на тот момент предмет стал, хотя и ненадолго, своего рода «очагом», вокруг которого в доме главной героини целое лето подряд

регулярно собирались родственники и соседи. Автор с теплотой пишет о том, как перед каждым «сеансом» устраивались чайные посиделки, на которые гости приносили домашнюю выпечку и другие вкусности, как долго люди обсуждали увиденное после просмотра... Телевизор в те годы сплавивал людей, и никто не мог вообразить, что со временем он же станет одной из причин отдаления их друг от друга.

Наряду с ностальгией по временам детства в произведениях Седагет Керимовой громко, во весь голос, звучит мотив ностальгии по родине. К примеру, в рассказе «Чарли», где речь идет о лезгине, осевшем в Германии.

Иногда тоска по родине сгущается до самых темных, пронзительных красок, как в пьесе «Холодное солнце», где показана судьба Ярмета, который после окончания Великой Отечественной войны освободился из фашистского плена, но так и не вернулся в родное село, навсегда обосновавшись в Турции. Вроде и близка родина, рукой подать – да не достичь ее... И даже визит в отчие края в преклонном возрасте ничего не изменит – все кончено, жизнь прошла вдали от родных мест.

А иногда тоска по прошлому показывается лишь мимоходом, глазами ребенка, у которого и пути-то жизненного за плечами – всего ничего, но он уже понимает, что новое, вытесняющее собой старое – это не всегда хорошо, хотя зачастую неизбежно. Например, от имени Азгар, главной героини романа «Пропавший дневник», автор высказывается о новой для того времени и тех мест тенденции – обносить дома высокими каменными заборами. Это непривычно для девочки, которая привыкла видеть зеленые улочки родного городка в обрамлении пышных садов. Ветви плодовых деревьев, перевешиваясь через низенькие плетни, радовали играющих на улице детей спелыми плодами, а жители домов, в свою очередь, могли наблюдать за тем, что происходит на улице. А между садами в плетнях были прорезаны калитки – настолько

соседи доверяли друг другу. В эту же тему – брошенная мимоходом фраза о том, что в те времена в Кусарах никто не запирает входных дверей – такое просто не было принято. Но вот выстроен первый каменный забор, и вскоре почти каждый житель этого городка сочтет своим долгом отгородиться от соседей, запечататься в своей «раковине». Читателю, как и самой Азгар, этот забор видится не столько реальным нагромождением речных камней, сколько аллегорией разобщенности, которая потихоньку начинает поглощать жителей тех мест...

Рассказывая о житье-бытье своих героев, Седагет Керимова филигранно встраивает их дела и заботы в более широкую канву – историю лезгинского народа, показывая это через сказки, легенды, обычаи и традиции. Даже школьные будни, работа на совхозном поле или поход с друзьями на Шагдаг оказываются так или иначе связаны с историей родного края.

Ее произведения очень интересны и с этнографической точки зрения. Там можно встретить описания свадеб, демонов (танцевальных церемоний), мелов (добровольных субботников, на которых всем миром помогали семьям, которые срочно нуждались в помощи – например, погорельцам). И везде красной нитью проходит тема взаимопомощи, взаимовыручки. А также грустная мысль о том, что в наши дни эта благая традиция поддерживать друг друга неуклонно сходит на нет. Здесь, пожалуй, стоит отметить, что этот же страстный призыв к единению и взаимопомощи неизменно сквозит и в поэзии Седагет Керимовой.

Среди этнографического материала, который щедро рассыпан в художественных произведениях в этом сборнике, стоит отметить и лезгинские народные песни. В этом плане особенно показательна пьеса «Холодное солнце», которую можно назвать без пяти минут мюзиклом. Песенный материал, как фольклорный, так и авторский, буквально пронизывает ее насквозь, сопровождая героев и в горе, и в радости. А одна из песен – о

любимой, живущей в селе Яргун – становится своего рода паролем, объединяющим влюбленных. Этот пароль звенит тонкой струной несбывшейся любви для них самих и симфонией состоявшегося счастья – для их детей...

Произведения, объединенные в этот сборник, помимо любви к родине и ощущения прекрасной ностальгии, роднит также тонкое, обостренное чувство справедливости, сострадания к людям и гуманизма. Вопросы морали для автора – не абстрактная тематика, а реальные ценности, которые заново открывает для себя каждое поколение. И тут, в отличие от других вопросов бытия, уже не делаются никакие скидки на то, что «времена не выбирают – в них живут и умирают». Человек всегда, во все времена в ответе за свои поступки перед другими людьми. Но прежде всего он в ответе перед своей совестью. Именно это в первую очередь хочет донести до читателя Садагат Керимова в своей прозе. И в этом отношении ее проза глубоко переплетена с ее же публицистикой, в которой неоднократно поднимались вопросы морали и нравственности, исследовались нюансы вечных ценностей и актуальные проблемы человеческих взаимоотношений.

В целом, новую книгу Садагет Керимовой «Когда грустят горы» можно назвать своего рода путешествием во времени. Прекрасным путешествием в прошлое с надеждой на светлое будущее, к которому она приглашает и своих читателей.

Наиля БАННАЕВА,
поэт-переводчик.

К читателю

Эта книга о моем родном городе – Кусарах пятидесятилетней давности. Полвека тому назад я оставила позади свое счастливое детство – время, овеянное сладким ароматом – в самом красивом, самом дорогом и незаменимом для меня уголке мира – в Кусарах. Когда я в шестнадцатилетнем возрасте поступила в университет, то обосновалась в Баку. Но я хотела сохранить в себе вкус того времени, словно вкус земляники на губах. С тех лет родные Кусары звучат у меня в ушах, как нежная лезгинская мелодия. Пятьдесят лет мое детство преследует меня, как тень, и я не могу его поймать. Пятьдесят лет я гонюсь за ним – и никак не догоню. Словно мяч, скатившийся вниз по холму, отдаляются от меня те дни. Ровно пятьдесят лет я ищу следы своего детства, словно песок, просыпавшийся сквозь пальцы.

Как мне не хватает тех Кусаров, тех кусарцев! Тогда все было по-другому. Другими были люди. Жили скромно, но были такими щедрыми... Добродушные, отзывчивые, все жили как одна семья – делились и радостью и горем, помогали всем, кто нуждался. Люди с пониманием и уважением относились друг другу. И как же всем нравилось принимать гостей!

Здесь говорили друг с другом на лезгинском языке. Люди других национальностей, которые проживали здесь – азербайджанцы, русские, евреи – тоже знали лезгинский. Здесь все люди имели прозвища, что говорил о веселом нраве местного населения. Сколько анекдотов знали и пересказывали кусарцы! Они

славились честностью, гордостью, простотой и трудолюбием. Сближало всех то, что как свой собственный дом, они любили и почитали Кусары.

Город отличался особенной архитектурой: аккуратные двухэтажные дома с открытыми верандами, окрашенные белой известкой, утопали в плодовых деревьях. У всех домов по фасаду были балкончики из досок. Трудно было найти дворик, не украшенный цветами. В летнее время чистоту улиц поддерживали уборочные машины.

С наступлением весны Кусарский парк превращался в излюбленный уголок жителей. Старожилы рассказывали, что когда-то вся эта местность была покрыта густым лесом. В парке, как память о том старинном лесе, красовались старые дубы, осины, березы, клены, тополя... Под их сенью отдыхали жители города.

Каждый вечер из парка доносились мелодии, модные в то время. На эти звуки шел и стар и млад. Танцплощадка в центре парка славилась на весь район. Здесь проводились конкурсы, состязания, выставки. Каждый вечер с наступлением темноты здесь гремели танцы. В те годы в Кусарах размещалась военная часть, поэтому здесь проживало много русских. Эти вечера оживляли именно они. Лезгинская молодежь обычно стеснялась выступать на таких вечерах, но порой и среди них находились смельчаки. Можно было смотреть бесконечно, как старшеклассники – зачастую знакомые нам девушки и парни – кружатся в ритмах вальса, танго, румбы, чарльстона. Мы, дети, заняв удобные места у самого забора, с замиранием сердца и завистью глядели на этих счастливых, демонстрирующих свое искусство танца. Уходили мы домой только после того, как родители присылали за нами.

Я не припоминаю в своей жизни ничего интереснее и забавнее коллективных просмотров любимых фильмов в кинотеатре,

который находился в парке. Дни, когда транслировались индийские фильмы, было не сравнить ни с чем! Как трудно было найти свободные места в зале! Никогда не забуду те минуты, когда весь зал хором плакал или смеялся. Это были незабываемые дни, самые светлые моменты моей жизни.

Невозможно говорить без восторга о кусарских свадьбах. Особенно об их танцевальных вечерах – демах, проходивших от вечера до рассвета. Не могу представить себе ничего более захватывающего, чем наши демы. Тот, кто видел это своими глазами, никогда это не забудет. В те годы лезгинские свадьбы играли по три дня и три ночи. В третий день свадьбы из дома жениха в дом невесты отправлялась веселая процессия. Женщины, неся подносы с подарками для невесты и распевая свадебную песню «Перизада», шли по улицам. Обычно две наиболее голосистые женщины-запевалы шли впереди. Они по очереди пели озорные куплеты, остальные им подпевали. Люди, услышав эти веселые голоса, бросив все дела, выходили на улицу или смотрели с балконов. В день, когда невесту приводили в дом жениха, перед ней разыгрывалось настоящее театральное представление. Самый запоминающийся вечер танцев – дем тоже проходил именно в третью ночь. Весь город праздновал этот день – танцевать имели право все присутствующие.

Гордостью кусарских свадеб считался Гаджибала. Такого великолепного арачи, то есть распорядителя свадебной церемонии, я не встречала больше никогда. У него был особый дар. То, как он организовывал это уникальное зрелище, было настоящей наукой! С хлыстом в руках, в старинных чарыках на ногах (их он для забавы надевал), он был украшением всех демов. Свадьбы, где он бывал арачи, проходили наиболее интересно, и кусарцы старались их не пропускать. Прежде всего он привлекал внимание своим сольным танцем. Размахивая палкой в воздухе, отгонял детей, расширяя в толпе круг для танцев, а потом

приказывал музыкантам сыграть «Лезгинку». В эти моменты у всех чесались пятки! Я за свою жизнь нигде не видела танца красивее и быстрее, чем у него.

Затем он постепенно брал в свои руки руководство демом. Прежде всего, организовывал очередь для желающих потанцевать. Их всегда бывало очень много. Гаджибала обладал таким авторитетом, что никто не осмеливался нарушать очередь. Пожилым он делал уступки, хозяева свадьбы могли танцевать без очереди, а все остальные должны были строго соблюдать очередь. В обязанности арачи входило и поддержание порядка на деме. Человек крепкого телосложения, он мог при необходимости за шиворот взять парня и вывести из дема. Пьяные не осмеливались приходить на вечер, ведь они не имели права танцевать. В случае, если с каким-то из мужчин не выходила танцевать ни одна женщина, он глазами делал знаки – и тогда кто-то из числа женской родни жениха обязательно выходил танцевать. Отказать ему никто не осмеливался.

В те времена невест подбирали именно на демах, ведь все танцы были парными. По тому, как танцует девушка, по ее движениям, можно было определить ее характер. Кусарские демы были истинными смотринами невест. Как жаль, что эта традиция в наши дни исчезает... Больно наблюдать и то, как подвыпившие мужики уродуют лезгинские танцы, портя народные традиции. Из-за безразличия людей и другие наши традиции неумолимо уходят в прошлое.

Когда мы были детьми, у нас были десятки игр, но особенно нас привлекали игры в скороговорки. Среди нас были мастера этого народного жанра.

Зимы в Кусарах суровые, но и в зимнее время обычно здесь проводились разного рода состязания. Еще с лета люди готовили санки и лыжи для детей – заказывали мастерам или покупали. И как сегодня дети разбираются в марках машин, в те

времена они оценивали качество саней. В Кусарах было много удобных мест для катания, но самым знаменитым местом считалась «Минайка» - наша улица с большим уклоном. Здесь могли одновременно кататься сотни детей! Другим излюбленным местом для катания с гор был холм Кенчеб, который мы называли Кирпичной улицей. Парней и девушек, мужчин и женщин одинаково привлекала эта зимняя забава.

На «Минайке» проходили различные соревнования. Одним из самых распространенных были гонки на санях. Помню, как разлетались искры из-под полозьев саней, влетающих на высоких трамплинах, возведенных из снега руками детей. Были несколько способов спуска. Самые отважные катались под «Лезгинку», то есть лежа на правом боку и вытянув левую ногу вверх, или наоборот. В воскресные дни в райцентре проходили соревнования по катанию на коньках и лыжах. Сюда съезжались желающие похозяйничать девушки и парни даже из соседних городов.

Как весело и торжественно проходили в школах новогодние елки! Для старшеклассников организовывали костюмированные балы – к ним готовились весь год. Какие костюмы шили – загаденье! Выбрать лучший было нелегкой задачей для жюри. До конца карнавала никто друга друга не мог узнать. А потом, когда все снимали маски, зал наполнялся хохотом ребят. До сих пор в моих ушах звенит этот веселый, беззаботный смех...

Многие события того времени, на которые я вроде бы не обращала внимания, оставили, оказывается, неизгладимый след в моем сердце. Кусарцы как зеницу ока хранили наши традиции. С годами все чаще вспоминаю я Кусары пятидесятилетней давности. Болью отдается в моей душе тоска по тем временам. Жаль, что все это осталось позади, превратилось в прошлое. Но чем больше я отдаляюсь от того времени, тем ярче все это оживает в моей памяти. Иногда мне кажется, что я живу не в

сегодняшнем, а во вчерашнем дне. Живу воспоминаниями. Удивительно, но мой мозг в деталях сохранил все то прекрасное, что мне посчастливилось увидеть в детстве. Многие, что происходило в моей жизни потом, стерлось из моей памяти, но воспоминания детской поры не увяли и не утратили своей красоты.

Я постоянно ищу следы своего детства, хочу восстановить Кусары того времени, которые мы потеряли когда-то. Иногда даже злюсь на себя – пойми, мол, нет больше тех Кусаров, они ушли в прошлое, их не вернуть! Задаюсь вопросами: кто отнял их у нас и почему? Не находя ответа, погружаюсь в тяжелые раздумья.

Сегодняшние Кусары порой доводят меня до слез смесью ломаного лезгинского с другими языками. Такое равнодушие к родному языку очень обидно. Я понимаю, что каждая эпоха заимствует у предыдущей только лучшее, ведь без этого нет прогресса. Но история, созданная на голом месте, перечеркнувшая старое – не история. Народ, не сохранивший традиции и обычаи, похож на дерево без корней.

В моем сердце лежит уникальный мир, в котором я храню свои Кусары и своих кусарцев. Там – все самое сокровенное, самое дорогое, связанное с Кусарами. Когда мне бывает тоскливо, больно, когда я грущу по прошедшим дням, по родному языку, по живым традициям моего народа, я заглядываю в свое сердце. Там я храню все, что уже давно потеряно.

Дорогой читатель! В этой книге – частицы этого моего мира. Ты найдешь здесь много из того, что стерлось из твоей памяти – следы давно ушедших лет...

С.КЕРИМОВА

Рассказы

Мужское слово

Уздали, будто из-под земли, доносится голос. Он еле слышен, а то и вовсе исчезает.

– Даха¹, тебя Ими² зовет!

Чей это голос? Не поймешь, кому он принадлежит.

– Эй, даха, тебя Ими зовет!

Кто-то еле слышно выговаривал эти слова.

– Кому говорю? Ими зовет!

В этот раз голос раздался совсем близко, но слов все равно было не различить.

Кто-то потряс его за правое плечо. Не помогло: Абумуслим не мог отойти от сладкого утреннего сна, не сравнимого ни с чем на свете. Ему все еще казалось, что голос звучит во сне. А как славно он спал – словно беззаботный ребенок! Не открывая глаз, он перевернулся с правого бока на левый и зажмурился – боялся прервать сон...

Дети с их улицы трясли ветку шелковицы, на которую забрался Абумуслим. Они трясли и трясли, а он кричал во весь голос:

– А ну пошли прочь! Вы что, безмозглые? Я же упаду! Бездельники, вот погодите, слезу – разукрашу вам рты не хуже, чем соком ежевики!

1. Даха – здесь: обращение младших к старшему брату.

2. Ими – дядя со стороны отца.

Но дети не унимались: распая его гнев, еще сильнее трясли ветку. Они определенно намеревались сбросить его с дерева. И добились-таки своего: он сорвался с ветки головой вниз и так ударился о землю, что его крик разнесся далеко-далеко...

Открыв глаза, Абумуслим увидел перед собой братишку – Багаудина. Поняв, что все происходило всего лишь во сне, он почувствовал облегчение.

– Что за люди, глаз не дадут сомкнуть... – пробормотал он.

Багаудин выжидающе смотрел на брата, собираясь еще что-то сказать.

– Чего тебе, БатІ? – сердито спросил Абумуслим.

– Тебя Ими зовет, – с опаской произнес Багаудин – рыжий, зеленоглазый, краснощекий мальчуган.

Разве Абумуслим в состоянии был его понять? Сказанное до него не доходило, да и БатІ вырисовывался перед его взором как-то туманно. Отяжелевшие от сна веки не позволяли толком открыть глаза. Но был упрям – не сдавался, впился, как пиявка. Своими маленькими руками он тряс старшего брата за широкое, упругое плечо и продолжал что-то говорить. Абумуслим наконец различил слово «Ими», отчего вмиг открыл глаза и попытался восстановить в памяти недавние события.

Усевшись на постели и спустив ноги на пол, он задумался. Но, ощутив тяжесть в голове, вновь откинулся на постель. Перед глазами пронеслись вчерашние события.

Прежде всего вспомнился затянувшийся далеко за полночь дем³ у Садика. Весело было – не передать! Он не припомнит такого бурного, просто великолепного дема за последние годы в Кусарах. Ох и наплясалась же молодежь! Никто не хотел выходить из круга, пока не онемеют пятки. В два часа ночи хозяйева свадьбы – отец и старшие братья Садика – хотели было

3. Дем – танцы на свадьбе, проходившие в ночное время.

остановить веселье, но Абумуслим, неизвестно почему, воспротивился этому и заскандалил, петухом наскაკивая на арачи⁴ и на всех тех, кто пытался его утихомирить.

– Никто не имеет права портить дем моего друга! – буйствовал он. – Мы будем танцевать до утра! Не трогайте нас!

Его невозможно было удержать. Орлом, раскинув руки, он выплясывал в кругу. Потом молотил кого-то кулаками, как кувалдой – кто знает, скольким от него досталось! Затем, как ни в чем не бывало, обойдя круг, приказал музыкантам:

– «Лезгинку»!

Музыканты медлили, и он повысил голос:

– Кому я говорю? У вас что, уши заложены? Я сказал: «Лезгинку»!

Но легче было распилить камень, чем музыкантам вновь оживить дем. Хозяевам свадьбы оставалось только сожалеть, особенно матери Садика. Видя расстроенный дем своего сына, она растерянно и недоуменно смотрела на Абумуслима. Он же не оставлял в покое музыкантов – заставил-таки их играть.

Пьяный и разгоряченный Абумуслим, обрадовавшись, опять оказался в кругу и пустился в лихой пляс. Он вновь и вновь заказывал музыкантам свои любимые мелодии... Что же было после? Это вспоминалось с трудом... В людей летели стулья, парни пустили в ход кулаки, женщины испуганно кричали... Абумуслиму на миг показалось, что его обдало кипятком, и тут же у него будто заledenело в голове. Неужели все это было на самом деле? Или это сон продолжается?

Он чувствовал себя надутым шаром, который плывет между небом и землей и никак не может опуститься. События прошлой ночи были невнятные, словно с того времени прошли годы. Его

4. Арачи – распорядитель танцев на свадьбе.

отяжелевшая голова была подобна ущелью, наполненному туманом, веки налились свинцом, отчего тяжело было открыть глаза...

Видя, что брат не хочет просыпаться, Багаудин прутиком, который был у него в руке, начал щекотать ему ноздрю. Абу-муслим громко чихнул. Багаудин, озорно улыбаясь, пощекотал ему другую ноздрю. Абу-муслим открыл глаза, увидел братишку, заливающегося смехом, и схватил его за руку:

– Ты меня злишь, БатІ! Не выводи меня из себя, говорю тебе! Не видать тебе теперь портфеля как своих ушей!

Багаудин, испугавшись, заплакал. В этом году он должен был пойти в школу, и старший брат обещал сходить вместе с ним и купить ему портфель. Надо было поднять настроение брату, чтобы он перестал сердиться. Но густые дугообразные брови Абу-муслима, грозно сдвинувшиеся на переносице, показывали, что дело это не из легких.

– Ну что я тебе такого сделал? Ты же никак не просыпался! А тебя Ими зовет...

Абу-муслим взглянул на наручные часы: они показывали девять. «И зачем я понадобился Ими с утра пораньше?»

– К добру ли? – смягчившись, спросил он.

– Откуда мне знать? – недовольно ответил братишка, расстроенный тем, что останется без портфеля.

– Ты знаешь все! Ну-ка, быстро говори, зачем я чуть свет понадобился Ими?

Багаудин разревелся.

– Смотри у меня, БатІ... Нечего тут нюни распускать. А то пройдусь по тебе разок! – пригрозил Абу-муслим. – У меня и так туман в голове...

Рыдания Багаудина стали громче.

В это время открылась дверь и вошла красивая полная

женщина. Это была Рагуят, жена Ими, которую все дети коротко называли Мис⁵.

– Мис, зачем Ими зовет меня? – угрюмо спросил у нее Абу-муслим.

Рагуят странно посмотрела на него и, прикусив указательный палец правой руки, покачала головой. Это означало: плохи твои дела...

У Абумуслима екнуло сердце. Он хотел было расспросить Мис о происходящем, но тут ее позвали с улицы. Как только она ушла, побледневший Абумуслим вскочил, быстро натянул брюки, застегнул рубашку и вышел на веранду.

С полукруглой веранды на втором этаже вся улица перед их домом просматривалась как на ладони. Абумуслиму показалось, что в тени трех старых черешен собрался весь род Мурадовых: отец – Ханмурад, трое братьев отца и их сыновья молча сидели в ряд. Здесь же были и вчерашние музыканты. «Они-то здесь зачем?» – с тревогой в сердце подумал Абумуслим. Увидев только что вошедшего во двор арачи Халидина, всеми любимого за его мастерство танцевать и следить за порядком на деме (кусарцы говорили, что его ногами шайтан отплясывает), Абумуслим совершенно сник.

Он бросил испуганный взгляд в сторону Ими. Шахмурада, самого старшего из братьев, все дети называли просто «Ими», остальных же величали по имени: Гюльмурад-ими, Пирмурад-ими, Ханмурад-ими. Богатырски сложенный, с закрученными густыми усами, рано поседевший Шахмурад ими был подобен ожившей скале. У него было большое сердце. Он был человеком, радеющим за село, гордящимся его людьми, проявляющим заботу о родственниках. Его уважали все, от мала до велика. И в горести и в радости не обходились без него, даже сельские аксакалы всегда советовались с ним. На всех торжествах,

5. Мис – сокращение от слова «имидин свас» – жена брата отца.

проходивших в Кусарах, самое почетное место предоставляли ему. Живущие в дальних краях родственники, приезжая в район, в первую очередь навещали Ими. Абумуслим, как и все остальные, тоже искренне почитал его. Месяц назад, вернувшись из Баку после завершения первого курса института, он в первую очередь проведal Ими.

Не только братья, но и их семьи, и другие родственники во всем прислушивались к Ими, никто не позволял себе прекословить ему. А для Ханмурада, отца Абумуслима, самого младшего из братьев, каждое слово Шахмурада было законом.

В роду Мурадовых бытовал обычай: перед семейными торжествами или же в спорных случаях они организовывали семейный совет, после чего действовали сообща. Вот так же, как и сейчас, собирались у того или иного из братьев и обсуждали важные семейные вопросы.

«О Аллах, что же случилось? – думал Абумуслим. – Почему дяди собрались здесь? И для чего я им понадобился?» Сердце у него колотилось, по телу струился горячий пот. Некоторое время он постоял на трясущихся ногах, не зная, как поступить, а потом наконец решился – будь что будет. И спустился во двор.

– Доброе утро! – неуверенно поздоровался он со всеми и стал перед Ими. «Что же со мной теперь будет?..»

У Ими была привычка: когда он сердился, то подкручивал свои усы. Вот и сейчас он делал это. Быстрые и ловкие движения пальцев его правой руки говорили о том, что он явно не в духе. Абумуслим заметил это, и его охватила неудержимая дрожь, но он постарался не выдать себя и выглядеть перед дядей спокойным.

На его приветствие никто не ответил, что лишило его остатков самообладания. Он не осмеливался даже поднять голову и посмотреть кому-либо из них в лицо.

– Ты звал меня, Ими? – с трудом, дрогнувшим голосом, выдавил он из себя.

Как приветствие, так и вопрос его повисли в воздухе. Значит, он натворил что-то серьезное. «Теперь всё! – ужаснулся он. – Мне конец!»

Вдруг Ими повернулся к музыкантам, раздался его властный голос:

– Играйте!

Не успел он произнести эти слова, как музыканты начали играть быструю музыку. Ими искоса сердито взглянул на Абу-муслима и резко сказал:

– Танцуй!

Не ожидавший ничего подобного Абумуслим ошеломленно посмотрел на него и замер. А потом испуганно, с дрожью, произнес:

– Зачем?

Голос Ими зарокотал, как гром:

– Танцуй, я тебе говорю! Вчера ночью ты разошелся оттого, что тебе не выпало очереди танцевать. Теперь можешь танцевать, сколько душе угодно. Танцуй! Гаси пыл своего сердца!

Абумуслиму показалось, что грянул гром и сверкнула молния... Будто все ледники Шахдага обрушились на него! Боль так пронзила его тело, словно в него воткнулись сотни стрел. Земля ушла из-под ног, он пошатнулся...

Ему разом вспомнилось все, что произошло вчера ночью на танцах. Перед глазами промелькнуло, как он ухватил за грудки арачи Халидина и обвинил его в том, что тот пропустил его очередь... Затем оказался в центре танцевальной площадки... Потом бросился в драку с музыкантами... Ударом кулака повалил на землю кого-то из парней...

– Не выводите меня из себя! – донесся до него грозный голос Ими.

Этот голос приказывал, и противиться ему не было никаких сил. Губы Абумуслима дрожали, ноги удавалось передвигать

лишь с невероятным трудом – они будто вросли в землю. Но он раскинул руки и начал танцевать...

– Живее, я сказал! – подстегнул его звенящий металлом голос.

Как ненавидел себя Абумуслим теперь! Гордость кусарских свадеб, известный своим блистательным танцем, любитель отплясывать на демах, сейчас он презирал и себя, и танцы. Лицо его пылало, в глазах плыл багровый туман, мысли больно жалили... Тот же подстегивающий голос рвал ему душу:

– Не жмись, танцуй от души!

Но разве здесь дем? Как в удовольствие танцевать у себя во дворе, перед дядями, да еще и без причины? Прыгать обезьяной... Народ его засмеет...

Провалиться бы ему сквозь землю! Еще чуть-чуть – и он рухнет на землю и разревется, как ребенок, на глазах у всех... Кто знает, как далеко расползутся сплетни об этом... Ох, как будут потешаться над ним друзья! А уж как девушки распустият языки!

Абумуслим танцевал минуту или даже меньше, но ему показалось, что это длилось бесконечно. Он не поднимал головы, не осмеливался взглянуть в лицо ни одному из сидевших. Но вдруг взгляд его упал на Багаудина. Он увидел не самого Багаудина, а только его полные слез глаза. Братишка стоял поодаль от сидевших взрослых, и вид у него был потерянный. Ему до боли обидно было видеть положение, в котором оказался старший брат Абумуслим, который всегда казался ему подобным Шарвили⁶. А теперь приходилось смотреть на то, как его брата буквально растоптали перед всеми!..

Абумуслим, ни жив ни мертв, едва держась на ногах, вновь и вновь вспоминал вчерашнее. Испорченное им веселье односельчан, бессмысленная драка, разгневанные хозяева свадьбы, обиженные лица уходящих девушек и парней... «Как теперь я

6. Шарвили – герой одноименного лезгинского эпоса.

буду ходить по улицам? Как теперь смотреть в лицо кусарцам? Как вынести упреки родственников, друзей?..»

Вдруг раздался тот же повелительный голос:

– Стой!

Музыканты прервали мелодию. Ими одним взглядом подозвал к себе племянника. Абумуслим, от страха не чуя ног под собой, подошел и стал перед ним.

– Ну как, успокоилось твое сердце? Вчера ведь тебе не оказали достаточно внимания. Очередь до тебя, видите ли, не дошла. Не дали потанцевать, сколько тебе хотелось. Зато сегодня тебе никто не мешал – вся площадка принадлежала тебе! И Халидин вдобавок, – Ими повернулся к арачи. Тот кивнул.

Ими стоял лицом к лицу с Абумуслимом и молча пронизывал его взглядом. Больше он ничего не сказал. Уж лучше бы обругал или вlepил пощечину...

Сначала Шахмурад-ими, а следом другие дяди и отец вышли со двора. Их сыновья, двоюродные братья Абумуслима, последовали за ними. Музыканты, собрав свои инструменты, также ушли вслед за Халидином. Абумуслим, как вкопанный, стоял посреди двора, стыдясь поднять голову и оглядеться. С веранды смотрели мать и Мис. В окнах мелькали лица его сестер. Куда теперь? Домой – стыдно. На улице тоже не покажешься. Вот бы под ним разверзлась земля...

Боясь, что в саду его увидят соседи, Абумуслим направился в хлев. Там он рухнул на кучу сена и зашелся в плаче. Он и не помнил, когда плакал в последний раз. А сейчас рыдал как ребенок... В конце концов слезы иссякли. Но куда деваться от нестерпимого чувства стыда, особенно перед Багаудином? Абумуслим чувствовал, что братишка тут – сидит в другом конце хлева, и, не издавая ни звука, смотрит на него. Присутствие младшего брата угнетало его.

Абумуслим лег на спину и, заложив руки за голову, уставился

в потолок. Спустя какое-то время он приподнял голову и покрасневшими глазами искал Багаудина. Обрадованный этим, мальчик бросился к нему, обхватил его ручонками, положил голову ему на живот и, не говоря ни слова, закрыл глаза, горестно вздрагивая. Его поведение вновь вызвало слезы у Абумуслима. Он почувствовал: ребенок изо всех сил старается не показать старшему брату, как он давится плачем...

Абумуслим прижал его к себе, поцеловал и ласково заговорил:

– Не плачь, Бат! Умную голову палка не достанет, а для глупой и кулака мало. Ими поступил правильно. Вчера я забылся, лишился ума. Ими следовало отколотить меня, переломать мне все кости!

– Даха, значит, ты больше не будешь танцевать? – испуганно спросил Багаудин. Труднее всего было видеть его жалостливый взгляд.

– Разве я смогу теперь появляться на людях? Наверное, мне больше не следует танцевать, – Абумуслим делился с мальчиком своим горем, как со взрослым.

– Даха, ты что же, и на моей свадьбе не станцуешь?

Вопрос танцев очень беспокоил Багаудина, он был значим и важен для него. Поняв это, Абумуслим погладил мальчика по голове:

– Непременно станцую, Бат! Но на твоей свадьбе я буду танцевать по-другому. А еще – не будь я мужчиной, если еще хоть раз выпью эту отраву, называемую водкой!

От радости у Багаудина заблестели глаза:

– Правда?

– Даю тебе мужское слово! – Абумуслим произнес это так решительно, что ему невозможно было не поверить.

Потом он встал и взял братишку за руку:

– А теперь пойдем купим тебе портфель.

День рождения

Мурад проснулся в полночь и забеспокоился, не обнаружив в другой комнате, на обычном месте, отца с матерью. Младший брат, пятилетний Риад, крепко спал, улыбаясь во сне, то приподнимая брови, то как будто глубоко задумываясь. Его вид рассмешил Мурада, который был на два года старше братишки.

– Риад, эй, Риад! – он попытался разбудить младшего, но тот продолжал пребывать в сладком царстве сна.

Мурад открыл дверь и вышел на веранду, но и там никого не оказалось. Он выглянул в приоткрытую дверь в сад. Родители сидели за столом под раскидистой шелковицей. Они говорили шепотом, но Мурад сразу почувствовал, что голос у матери дрожит. Время от времени она вытирала платком глаза. «Что с мамой?» – встревожился мальчик. И отец выглядел расстроенным, что еще сильнее взволновало его. Мурад не решился показаться им и стал подслушивать, о чем они говорят.

– Если не прооперировать Риада, мы его потеряем, – плакала мать.

Отец пытался ее утешить:

– Ты уверена, что доктор поставил точный диагноз? Не стоит спешить.

Голос у него звучал, как из глубокой ямы. Мурад никогда еще не видел отца таким потерянным.

– Это уже который раз... – голос матери задрожал.

Мурад впервые видел, чтобы мать плакала так горько.

Потом они долго молчали. Продрогший на ночной прохладе Мурад тоже замер, не зная, как поступить. Отец тяжело вздохнул:

– Где найти пять тысяч манатов? Это же не сто манатов, и не пятьсот. Нет никого, кто бы одолжил. Все, как и мы, с трудом сводят концы с концами.

– Да хоть и возьмем в долг, но ведь потом надо и возвращать, – в лунном свете лицо матери выглядело таким осунувшимся, а глаза так глубоко запали, что Мураду стало бесконечно жаль ее. Захотелось подойти и приласкаться к матери. Но он оставался на месте, продолжая прислушиваться к разговору взрослых.

– Кадыр, ребенок умрет, если мы не найдем денег!

Услышав эти слова матери, Мурад не выдержал – убежал и бросился на свою постель. Уткнувшись головой в подушку, он горько расплакался. «Если не прооперируют, Риад скоро умрет», – подумал он. Что означает смерть, Мурад знал хорошо. До сих пор не забыл, как хоронили соседа, дядю Магомеда. Тогда вместе с мальчишками с их улицы он тайком пошел на кладбище. Они видели, как мужчины лопатами бросали землю в свежую могилу, куда опустили покойника. Теперь Мураду мерещилась картина непередаваемого горя: вместо дяди Магомеда люди хоронили Риада, лопатами бросая на него землю.

Вскочив с постели, Мурад вытер глаза и подошел к младшему брату. Он взял маленькую, беленькую ручку Риада, спавшего, не подозревая ни о чем, и прижал к своим губам. Мурад вспомнил, что постоянно обижал братишку, часто доводил его до слез, бывало, что и поколачивал. Особенно изводил его, когда видел, что родители ласкают Риада. Без причины придирался к нему, отбирал его игрушки. Часто играл не с Риадом, а с другими детьми со двора. Как бы Риад ни упрашивал и умолял поиграть с ним,

он делал вид, что не замечает его. Порой он раздавливал ногой любимую игрушку Риада. И когда тот плакал, Мурад радовался.

Больше всего Мурада злила странная закономерность: если он расплатится, то родителей это не особенно трогает, но как только Риад проронит хоть слезинку, тотчас начинаются упреки:

– Сынок, не трогай ребенка, у него больное сердце!

Эти слова раздражали Мурада. «А у меня разве нет сердца?» – обижался он. Иногда Риад плакал неслышно, задыхаясь, как рыба, вынутая из воды. Ему казалось, что братишка делает так нарочно, чтобы взрослые пожалели его. Поэтому он обращался с Риадом очень грубо.

Теперь, глядя на младшего братишку, спавшего с улыбкой на губах, Мурад вспоминал все это.

«Если не прооперировать Риада, мы его потеряем», – эти слова, сказанные плачущей матерью, не выходили из его головы.

«Если не станет Риада, что я буду делать? – от этой мысли Мурад окончательно сник. – И мама с папой не смогут без Риада. Даже одного дня не вытерпят! У них разорвется сердце. И я останусь сиротой...» Впервые Мурад думал о младшем брате без ненависти, с любовью, жалея его. Он осознавал беду, которая им грозила.

«Где найти пять тысяч манатов?» – вспомнил он слова, сказанные отцом. Мурад обвел глазами комнату. Тут все их жилье: и кухня, и спальня, и гостиная. Два года назад на участке, выделенном им сельским советом, они с трудом возвели этот одноэтажный дом. Но никак не могли по-настоящему обустроиться, потому что большая часть заработанных родителями денег уходила на лекарства для Риада.

У Мурада совсем пропал сон. Он предавался рассуждениям совсем как взрослый. Перед глазами стояли отец с матерью, осунувшиеся от горя. «Если с Риадом что-то случится, они

этого не вынесут», – коченея от холода, снова подумал он...

«Нельзя сидеть сложа руки!», – решительно сказав это себе, он встал. Нашел телефонный справочник и положил перед собой. Оттуда на отдельный листок бумаги он стал выписывать номера телефонов родственников: дедушки и бабушки, дядей и тетушек с обеих сторон. Выписав на бумагу все номера, он взглянул на часы: четвертый час ночи. Родители все еще сидели в саду. Посмотрев на них в окно, Мурад положил исписанный листок под подушку и лег спать.

Наутро, когда Мурад проснулся, отец с матерью уже отвели Риادا в больницу. В другое время он бы обиделся, но сегодня только обрадовался этому. Не медля, он снял трубку телефона и позвонил дедушке.

Услышав спозаранку голос внука, старый Абдул встревожился:

– Внучек мой дорогой, к добру ли? Где мама с папой? Как Риад? – посыпались его вопросы.

– Все хорошо, дедушка. Ты завтра приедешь к нам?

– А как же! И я, и бабушка, и дядя, и тетя – все приедем. Завтра же твой день рождения!

– Чехи ба⁷, ты ничего не покупай мне в подарок, ладно.

– Почему, Мурад? Разве можно на день рождения ничего не покупать? Ведь одно удовольствие покупать подарок для внука!

– Принеси мне деньги! – понизив голос, стесняясь, сказал Мурад. И добавил: – Я сам куплю то, что мне нужно.

Услышав неожиданную просьбу внука, старый Абдул подумал: «Каких только уловок не знают нынешние дети!»

– Хорошо, внучек, будь по-твоему, – сказал он.

Мурад позвонил по другому номеру:

– Тетя Саяд, это я, Мурад. Доброе утро!

7. Чехи ба – дедушка.

– Доброе утро, Мурад! Как ты? Как Риад? Ничего не случилось? – с беспокойством спросила женщина.

– Все хорошо, тетя Саяд. Ты же завтра придешь к нам?

– Как не прийти? Мы все придем.

– Вы можете вместо подарка дать мне денег? – от стыда Мурад готов был провалиться сквозь землю, на лбу у него выступили капельки пота.

– Тебе нужны деньги, сынок? – тетя Саяд громко рассмеялась.

– Да. Тетя Саяд, только не говори папе и маме, что я звонил тебе, хорошо?

– Не скажу, не скажу, будь спокоен.

Мурад позвонил остальным родственникам. Потом он набрал номер своей учительницы Гамият, но не решился говорить с ней по телефону. Одевшись, он вышел из дома и направился в дальний конец села. Учительница Гамият, статная красавица, была любимицей первоклассников. Она приехала в село после окончания колледжа и первый год работала у них в школе.

Учительница, снимавшая комнату у тетушки Кевсер, вышла на стук Мурада. Сегодня ведь воскресенье, в школе нет уроков. Что привел этого мальчика к ней домой?

– Заходи, Мурад. У тебя какое-то дело ко мне?

– Нет, я не зайду. Я только хотел вас попросить: приходите завтра к нам домой! У меня день рождения. Вы придете?

– Приду, почему бы и нет?

Учительница, видя, что Мурад чего-то недоговаривает, спросила:

– Так что купить тебе в подарок?

Мурад, обрадовавшись, ответил:

– Вы не сумеете выбрать то, что я хочу. Если можно, принесите деньги.

Учительница, пораженная, рассматривала черноглазого первоклассника.

– Пусть будет так, я принесу деньги, – сказала она.

От нее Мурад направился в сельсовет, потом – к директору школы, затем – к агроному... Когда он обошел еще и сельские магазины и ларьки, было уже за полдень.

Дома на него посыпались укоры:

– Мурад, не надоело тебе носиться по улицам? Сколько можно пропадать неизвестно где, да еще и голодным?

Он ничего не ответил. Налив себе чаю, стал запивать им хлеб с сыром. Риад, очень бледный, сидел на диване. Когда Мурад заметил опухшие от слез глаза матери, у него пропал аппетит. Положив кусок хлеба на стол, он сказал:

– Завтра у меня день рождения.

– Знаю, сынок, – откликнулась мать.

– У нас будут гости, – стараясь походить на взрослого, сказал Мурад. Но мать не проронила ни слова, и он добавил: – Все свои.

И мать, и отец продолжали молчать, что обеспокоило мальчика.

– Я пригласил учительницу Гамият, будут и другие гости.

Родители удивились тому, что он говорил.

– Чан⁸, Мурад, последние деньги мы сегодня отдали за лекарства для Риада... – мать готова была расплакаться.

– Зарежьте двух кур и пожарьте, – сказал Мурад и вышел. Он не хотел, чтобы домашние видели слезы на его глазах.

На следующий день вечером дом наполнился гостями. Двое дедушек, две бабушки, дяди, тетушки Мурада, соседи, дальние родственники собрались, как на свадьбу. Столько людей сразу к ним приходило лишь несколько лет назад, когда они строили дом и организовали мел⁹.

Мать накрыла стол в тени шелковицы. Плов с курицей

8. Чан – ласковое обращение означающее «родной» («родная»).

9. Мел – добровольный субботник, работа сообща, когда оказывают помощь в некоторых, обычно определенных традицией, случаях.

распространял вкусный аромат, возбуждающий аппетит. В хьаре¹⁰ испекли свежий хлеб. Украшали застолье и домашний сыр, и только что сорванные с грядки огурцы и помидоры.

Домашние суетились и не замечали, что гости по одному заходят домой – в комнату, где сидел Мурад, – поздравляют его и выходят, оставляя деньги. Потом, по просьбе гостей, Мурада, а рядом с ним и Риادا, усадили во главе стола. Поаплодировали, когда на столе появился торт с семью свечами, испеченный тетей Саяд. Дедушка Абдул встал и, обращаясь к внуку, сказал:

– Дорогой мой внучек, сегодня тебе исполняется семь лет. Всевышний да ниспошлет тебе счастья! И ты, и твой братец Риад – растите здоровыми! И пусть будут всегда с вами отец с матерью. Да наступит день, когда ты окончишь школу и поступишь в институт. Теперь скажи нам свое самое большое желание и задууй свечи на торте.

Мурад встал, оглядел сидевших за столом и сказал:

– У меня единственное желание: чтобы Риад выздоровел. Ему требуется операция на сердце. Но если мы не сумеем собрать пять тысяч манатов... – в горле у него застрял ком, и он не сумел продолжить. Забыв о том, что надо задуть свечи, Мурад сел на место. Риад же, обрадовавшись, сам задул свечи.

За столом все притихли, как будто их облили водой. Гости избегали смотреть друг на друга, старались утереть навернувшиеся на глаза слезы.

Мать не выдержала – расплакавшись, встала и ушла в дом. Следом за ней поднялась и тетя Саяд.

Теперь все поняли, почему Мурад вчера просил их вместо подарков принести ему деньги. За безмолвствующим столом встала, наконец, учительница Гамият и сказала:

10. Хьар – особого рода печь для выпечки лезгинского хлеба.

– Мурад, ты очень умный мальчик. Ты умнее, чем мы думали. Мы тебя поняли. Даю тебе слово: мы не оставим тебя одного. Найдем выход, соберем деньги на операцию для твоего брата. Сегодня же организуем фонд помощи. Я сама поговорю с каждым. Ведь у нас в селе триста дворов.

О происшедшем в селе узнали и в райцентре. К счастью, в Кусарах, в клинике «ОКИ» на тот момент оказалась бригада врачей из Германии. Рассказ о братьях Мураде и Риаде из отдаленного села потряс руководителя бригады, пожилую женщину, профессора Марго Рихтер.

Когда она уехала в Германию, то распространила там информацию об услышанном и открыла в банке счет на имя Риада, на который начали поступать деньги с разных концов страны.

Через два месяца на машине «Скорой помощи» клиники «ОКИ» Риада с матерью привезли в бакинский аэропорт, а оттуда отправили в Германию. В течение месяца ребенка готовили к операции. Операция прошла успешно. Окончательно выздоровев, Риад с матерью вернулся домой.

Мурада, спасшего своего младшего брата от смерти, теперь знали во всем районе.

Еще через несколько дней на имя Мурада из Германии пришла телеграмма, в которой сообщалось, что ему отправлены подарки от тамошнего детского благотворительного фонда. На следующий день в село на двух машинах прибыли сотрудники посольства Германии в Азербайджане с подарками для Мурада. Всеобщее внимание привлек вставленный в рамку лист бумаги с названием фонда. Там было написано: «Мураду – самому доброму в мире брату».

Чарли

Уже много лет наши друзья, давно обосновавшиеся в Германии, звали нас к себе в гости. Особенно настойчив был Магомедхан:

– Почему бы вам хоть разочек не погостить у нас? Сколько можно работать? Поразвейтесь, посмотрите мир. Вспомните о дальних друзьях, узнайте, как они живут, – жалобно говорил он.

Наверное, тоска по родине и землякам не давала ему покоя. Как бы хорошо ни жилось на чужбине, а душа все равно тянется к родине.

Жена Магомедхана была немкой, и дети говорили на немецком. Поэтому он безумно скучал по родному языку. Все, кто приезжал в Германию, обязательно привозили ему номера газеты «Самур». Газету он прочитывал от корки до корки, потом звонил по телефону и делился с нами своими впечатлениями о прочитанном. Зная об этой его слабости, мы часто отправляли ему с друзьями лезгинские газеты и журналы, книги и диски с народными песнями. Однако, как он признавался, ничто не могло заменить живой беседы на родном языке.

Магомедхан был прав: дела да заботы не давали нам передохнуть. Управишься с одним – тут же возникает другое. Заканчивался и срок визы, отправленной нам Магомедханом с его лезгинскими друзьями, мы же никак не могли высвободиться и собрать необходимые документы. Так происходило уже не в

первый раз, и нам очень совестно было перед Магомедханом. Однако было отрадно, что наши друзья, живущие в Германии, находили возможность каждый год гостить у нас в Баку.

Однажды Магомедхан позвонил нам и поставил последнее условие:

– Имейте в виду: если и в этот раз не приедете в Германию, я серьезно обижусь на вас, не буду называть друзьями. Завтра мой брат Мурадхан доставит вам визы. Или вы в течение месяца приедете сюда, или я вычеркиваю вас из списка своих друзей!

На этом он завершил разговор, мы же запаниковали: как можно было потерять такого друга, как Магомедхан – человека добрейшей души, с сердцем, всегда распахнутым для друзей? Мы не знали другого такого молодого человека, кто так тянулся бы ко всему родному. Мы прекрасно понимали его тягу к соотечественникам, чувствовали на расстоянии его тоску по родине.

В этот раз мы без опоздания подготовили все нужные документы, и через десять дней уже были на пути в Германию. Как же были счастливы Магомедхан и его друзья Герей и Сабир, встретившие нас в аэропорту! «Чан жуванбур!»¹¹ Ваш приход – что солнца восход! Глядя на вас, я словно вижу родину!» – приветствовал Магомедхан нас с супругом.

Из аэропорта мы поехали по аккуратно заасфальтированной дороге сквозь зеленые леса и сады, и через несколько часов прибыли в город Цайц. Это старинный город в Северной Германии, отличающийся оригинальной архитектурой. Семья Магомедхана жила в маленьком поселке неподалеку от Цайца. Прекраснее этого райского уголка я ничего не видела в своей жизни! Здесь, в утопающих в зелени красивых домах, жили около сорока семей. Каждый домик, выстроенный в духе традиционной

11. Чан жуванбур – родные вы наши.

европейской архитектуры, был по-своему оригинален, ими можно было любоваться бесконечно.

– В этой стране никто не имеет права возводить себе дом по своему усмотрению. Проект рассматривается специальной комиссией города или села, и дом строят только после утверждения ею. Причем проекты обязательно должны отличаться друг от друга, – объяснил нам Магомедхан.

Особенно удивили нас палисадники, в которых росли неопишимо красивые цветы, декоративные кустарники и деревья. Живые изгороди из вечнозеленых растений радовали глаз. Окна и террасы домов тоже были увиты цветами. Куда ни глянь, всюду царил чистота.

Улицы были обсажены яблонями, грушами, вишнями, их ветки сгибались от тяжести плодов. Прямо от окраины села начиналась пшеничная нива, до которой тянулась асфальтированная дорога.

Здесь меня удивляло все, но более всего – заботливое отношение людей ко всему окружающему, чувствовавшееся буквально на каждом шагу. Природа была аналогична нашей, земля – такая же, но здесь везде царил сказочная красота, созданная руками человека.

Дом Магомедхана находился на окраине, расположившись между лесом и яблоневым садом. Перед домом раскинулся большой пруд, в круговую обсаженный высокими деревьями, ветви которых спускались почти к самой воде. Листья умиротворенно шелестели. На берегу пруда стояла скамейка из древесных кряжей. Несколько белых лебедей скользили по воде. Пару раз мы встречали здесь старичка, который кормил их хлебом.

Нам казалось, что мы пребываем в красивой сказке. Все здесь улыбалось нам. Жена Магомедхана Жаклин к нашему приезду

организовала торжественное застолье со множеством блюд, в том числе и лезгинских. Их дочь Мадлен и сын Аслан старались во всем нам угодить. Нас переполняли яркие впечатления.

После застолья Магомедхан повел нас посмотреть помещение его фирмы, расположенное на противоположном конце поселка. В центре зеленой лужайки площадью примерно в полгектара возвышалось довольно симпатичное сооружение. Мы открыли ворота и вошли, но тут же резко остановились, услышав рычание привязанной в сторонке громадной собаки.

– Чарли, успокойся! – сказал Магомедхан, пропуская нас вперед. Он подробно рассказал нам о деятельности своей фирмы, которая занималась скупкой старых машин, их ремонтом и перепродажей. Мы выпили здесь чаю и уже в сумерках вернулись домой.

Среди всего увиденного здесь особое впечатление на нас произвел участок луга посреди леса, огороженный металлической сеткой, где паслась отара овец. Там было много и новорожденных ягнят.

– Для чего эта сетка? – спросила я.

– Это загон для суягных овец, – улыбнулся Магомедхан. – Немцы экономны и бережливы. Когда трава на этом участке будет съедена, овец переведут на другую часть луга. Таким образом, они не смогут, разбредаясь, бесполезно скопытить весь луг. Сетка служит также защитой для ягнят.

У некоторых овец под брюхом висели сумки из ткани, что вызвало наше любопытство. Магомедхан, улыбаясь, снова пояснил:

– Сумочки нужны для того, чтобы вновь родившиеся ягнята не расшиблись при падении.

Незаметно пролетели десять дней. Все это время мы старались подмечать как можно больше и сохранить в памяти то изобилие, которое здесь было подарено людям природой и приумножено

их заботливыми руками. И при этом не переставали задаваться вызывающим огорчение вопросом: почему мы не можем вот так жить и работать у себя на родине? Побывав во многих городах, посещая музеи, прогуливаясь в парках, видя умение людей трудиться, их гордость за свою родину, мы постепенно познавали тайну успехов этой страны. Нам становились ясны причины того, почему Германия занимает особое место в Европе.

Наше путешествие подошло к концу – завтра мы должны были уезжать. Честно говоря, к тому времени мы уже соскучились по своим родным и беспокоились о них.

Было воскресенье. Магомедхан, сказав: «Перед дорогой желательнее отдохнуть», оставил нас одних и ушел по каким-то своим делам.

Мой супруг, которому попалась интересная книга, лежал на диване, а я вышла из дома и направилась к пруду. Там, сев на корягу под ивой, я через светлую завесу ветвей стала наблюдать за лебедями. Старый немец был на своем обычном месте. Держа в руке миску, он брал из нее кусочки хлеба и бросал лебедям, которые на лету хватали их клювами и проглатывали. Старик каждый день приходил сюда в одно и то же время, как на работу. Пока птицы кормились, он не сводил с них глаз, а когда они наедались, уходил с довольным видом.

С того места, где я сидела, хорошо было видно помещение фирмы Магомедхана. Вдруг я услышала знакомые голоса. Показалось, что промелькнули силуэты Мадлен и Аслана. «Что они там делают в воскресный день?» – подумала я. Мне уже наскучило сидеть в одиночестве и я, обрадовавшись, пошла по склону краем пруда. Со стороны леса Магомедханом была прорезана калитка – на всякий непредвиденный случай. Я отворила калитку и вошла во двор хозяйства, но там никого не оказалось. «Неужели я ошиблась? Разве это были не Мадлен с Асланом?» – обескураженно подумала я.

Неторопливыми шагами я направилась к зданию фирмы. Приятно было чувствовать запах травы, освеженной вчерашним дождем. Солнечные лучи словно щекотали глаза, заставляя жмуриться. В воздухе стоял запах намокшей сухой травы, дул сумеречный легкий ветерок.

И вдруг... У меня потемнело в глазах. Время остановилось. Сердце в груди замерло, ноги как будто вросли в землю, я не могла пошевелиться.

С другого конца луга, обсаженного деревьями, в мою сторону летело что-то громадное, напоминающее сказочного крылатого дракона. Я различила две передние лапы этого существа, плывущие по воздуху, лохматую голову и налившиеся от злости кровью глаза. Это был Чарли. Огромный, он и привязанный вызывал страх, поэтому его никогда не спускали с цепи. Почему же сегодня спустили?

В поселке все боялись собаки Магомедхана – говорили, что она злоющая, за хозяина кинется в огонь и в воду. Подобное я слышала еще в первый день нашего приезда. Я лишь однажды решилась кинуть Чарли кусок мяса – да и то, остерегаясь, издали.

До сих пор мне не приходилось видеть такого громадного пса. И ни одна собака не пугала меня так сильно. Летящий зверь приближался так быстро, что было ясно: от него не будет спасения. Я онемела, едва не лишившись чувств. «О Аллах! За что ты наслал на меня такое проклятье? В чем я провинилась, что ты так наказываешь меня? Почему не позволил мне умереть по-человечески, у себя на родине?» – проносились в голове страшные мысли. Вспомнила я недобрым словом и Магомедхана: «И зачем только ты нас пригласил сюда! Для какой-такой радости? Если не можешь присматривать за своим псом, зачем держишь его?»

Горечь подступила к горлу: неужели я умру вот так?

Между Чарли и мною оставалось каких-то пять-шесть шагов. «От судьбы не уйдешь. Это моя судьба», – смирилась я. Чарли подскочил ко мне. Его кроваво-красные глаза готовы были вылезти из орбит. В тот же миг у меня осевшим голосом вырвались слова:

– Чан, Чарли! Ну что ты, успокойся! Я же не чужая. Ты ведь хороший мальчик. Я тебе ничего плохого не сделала. Я же гость.

Произошло чудо. Собака, готовая прыгнуть на меня и разорвать на части, остановилась в шаге от своей жертвы и посмотрела мне прямо в глаза. Видя, что она меня слушает, я продолжала, не повышая голоса и стараясь оставаться спокойной:

– Чан, Чарли, ты не узнал меня? Ты же видел, сколько раз мы приходили сюда с Магомедханом! Сядь, отдохни. Разве можно обижать гостя?

Чарли на глазах преобразался – свирепое выражение исчезло с его морды. Но из пасти его продолжала течь слюна. Он внимательно смотрел на меня. Потом, приблизившись, обнюхал мою обувь. Мой страх постепенно стал проходить. Кто знает, действительно ли Чарли признал гостью своего хозяина, или на него подействовал мой голос, или же он вспомнил кусок мяса, который я ему бросила несколько дней назад?

А те, кого я немного раньше заметила издали, и вправду оказались Мадлен и Асланом. Как выяснилось, увидев, что Чарли со злощим лаем рванулся ко мне, они кинулись в здание, чтобы сказать об этом отцу. Неожиданно прогремел голос Магомедхана:

– Чарли! Чарли!

А Чарли в это время покорно лежал у моих ног. Теперь он охранял меня. Мой страх растаял, подобно облачку в небе. Я гладила пса по лохматой голове и ласково говорила:

– Какой ты умный! Животное, а помнишь добро! Не забыл кусок мяса, который я бросила тебе...

Магомедхан, а следом за ним Мадлен и Аслан подбежали ко мне. На них не было лица. Магомедхан держал в руке ошейник, который тут же застегнул на шее пса. Потом, обессилев, опустился на землю. У него дрожали губы.

– Какое несчастье могло случиться... Слава Аллаху, что обошлось.

Удивленный нашим с Чарли умиротворенным видом, Магомедхан взглянул на меня:

– Что произошло с Чарли? Как ты его успокоила? Другого он разорвал бы!

– Почему же ты выпустил собаку без ошейника? – упрекнула я его.

– Мы заперли ворота. Кто мог знать, что ты войдешь через калитку?

На наши голоса сбежались несколько соседей, которые также были удивлены случившимся. Да и как было не удивляться, видя обычно свирепого Чарли таким дружелюбным и милым? Я же, размышляя о бессловесном животном, умеющем добром отвечать на добро, готова была расплакаться от умиления.

В полдень, перед отъездом в аэропорт, мы по очереди попрощались со всеми нашими друзьями. Но прежде чем сесть в машину, я заглянула и к Чарли. Положила перед ним сосиски, вчера купленные в дорогу, и погладила его по голове: «Чан, Чарли».

Он поблагодарил меня своим умным и добрым взглядом.

Что еще сказать напоследок? Без этого необычного приключения с Чарли в нашей истории с поездкой в Германию чего-то не хватало бы точно...

Гнев змеи

Неги спустилась вниз накормить кур, подняла крышку ларя с ячменем и наполнила бадейку. Когда она насыпала корм, что-то кругленькое и маленькое, белого цвета, упало на траву. Присев на корточки, Неги подобрала находку. И тут на ее лбу выступил холодный пот. Она держала в руке... змеиное яйцо. Да, в этом не было никакого сомнения. Женщине показалось, что маленькая – с ноготь большого пальца – находка прожигает ей ладонь: сердце захлестнуло смешанное чувство омерзения и страха. Обескураженная Неги не могла ни бросить яйцо, ни смотреть на свою руку, в которой его держала. Она прошептала:

– Аллах всемилостивый! Хорошо, что я рассыпала корм в саду на траве, а не во дворе, как обычно. Ведь яйцо могло разбиться о камни!

Неги хорошо помнила, что набрести на змеиное яйцо – не к добру, может грянуть беда. «Что бы я делала, если бы яйцо разбилось!» Страх пронзил ее сердце. В жаркий летний день по ее телу прошла дрожь: маленькое яйцо было так же неприятно, как и сама змея. При мысли о крохотной змейке, которая могла оказаться в яйце, у нее подкосились ноги.

– Конечно, из змеиного яйца вылупится змейка с хвостиком, не цыпленок же! – проговорила она.

Но страх только усиливался. Неги не знала, как ей поступить. «Змея не откладывает по одному яйцу. Значит, в ларе должны быть и другие...»

Наконец, взяв себя в руки, она положила яйцо в бадейку, пошла и подняла крышку ларя, осторожно заглянула в него. Поверх ячменя лежали еще три яйца. Неги дрожащей рукой подобрала их и опустила в бадейку. Затем со страхом пошарила в ячмене рукой и нашла еще два яйца.

Теперь Неги не знала, что делать с этими шестью яйцами. «Если положить обратно в ларь, их могут найти дети. Как тогда устоять против змеи? Проклятая, как она сумела заползти в закрытый ларь?» Она хорошенько прикрыла ларь крышкой.

Неги с осторожностью отнесла змеиные яйца в заброшенный курятник в нижнем конце сада и положила их на шерстяную тряпку. Потом поспешно, с тревожно бьющимся сердцем, вернулась к ларю. Она хорошо знала природу гада, знала, что змея будет мстить за разрушенное гнездо. Если из ее яиц пропадет хоть одно, чего только она не натворит! Больше всего Неги боялась, что змея навредит ее детям.

Уставшая женщина, не чуя под собой ног, села на большой чурбан под яблоней, откуда хорошо был виден ларь. С тревогой дожидаясь появления змеи, она проклинала ее: «Чтоб тебе околеть, откуда ты взялась на нашу голову? В этом просторном мире тебе не нашлось другого места? Чтоб тебя чума поразила! Чтоб твой конец наступил!

Но ругалась она, страхась змеи, не в голос, а про себя. Ей вспомнились слова, некогда сказанные отцом: «Гнев змеи не проходит! Она будет стараться отомстить. Не успокоится, пока не ужалит врага и не впрыснет в него свой яд. Змея меняет кожу, но характер – никогда». Как же боялась Неги, что гад, оставшийся без гнезда, начнет преследовать ее детей!

Прошло немало времени, прежде чем Неги, услышав шипение, вскочила с чурбана. В нескольких шагах от нее в сторону ларя проползла толстая, длинная гюрза темно-пепельного цвета.

Страх словно парализовал Неги. Она застыла, глядя на гюрзу. Кожа змеи блестела под лучами солнца, по всей ее длине шла линия красивых овальных узоров. Достигнув ларя, гюрза подняла свою треугольную голову с устрашающими глазами и посмотрела по сторонам, несколько раз выпустила и втянула обратно длинный, узкий язык. Затем поднялась на крышку ларя, проникла в него и шумно закопошилась там. Неги застыла ни жива ни мертва, взыв:

– О Аллах, помоги, отведи от меня беду!

Вдруг что-то камнем ударилось о землю: это была гюрза, выползшая из ларя. Она забилась на месте, свиваясь и развиваясь. Потом приподняла голову, злобно огляделась по сторонам и с шипением обползла вокруг ларя, после чего скользнула под навес, где ударом хвоста скинула на пол и разбила всю посуду, стоявшую в стенной нише. Затем подползла к глиняному горшку с кефиром и выпустила в него упругую струю яда. И наконец вытянулась на полу.

Неги, окаменев, продолжала стоять, не зная, что предпринять. Мрачная мысль сверлила ей мозг: «Не найдя своего гнезда в сохранности, змея причинит вред моей семье!» Женщина то и дело поглядывала в сторону садовой калитки. Она боялась, что во двор войдут дети: «Не дай Аллах, если кто войдет – змея всю свою злость сорвет на нем!»

Уже, казалось бы, успокоившаяся змея вновь начала яриться. Неги решила было лопатой отрубить ей голову. Но вспомнив о яйцах, бросила лопату, взяла большую палку и приблизилась к гюрзе. Та не заметила женщину, и Неги, собравшись с духом, ударила змею палкой. Гюрза угрожающе приподняла голову и

приготовилась к броску на Неги. Но та побежала в сад. Оглянувшись, Неги увидела, что змея ползет следом.

Приблизившись к заброшенному курятнику, Неги стала наблюдать за змеей. «Найдет ли она яйца?» – со страхом думала она. Да, нашла, нашла сразу же! Женщина почувствовала облегчение. Гюрза несколько раз обползла вокруг яиц и, казалось, недавний гнев отпустил ее. Невольно Неги поймала себя на мысли, что жалеет гюрзу. Словно скинув с плеч тяжелую ношу, женщина подумала: «Матери все одинаковы, будь то человек или животное – все готовы отдать жизнь за своих детей».

Неги собиралась уже уйти в дом, когда заметила, что гюрза оставила новое гнездо и поползла обратно к дворовому навесу. Женщина со страхом последовала за ней. Под навесом гюрза ударом хвоста опрокинула на пол горшок с кефиром и заползла в него. Затем вывалялась в пыли и вновь заползла в разлившийся кефир. И снова, и снова... Вконец испортив его, гюрза устремилась к своему гнезду.

Неги застыла на месте, совершенно потрясенная...

Побесме

Судьбоносные мыши

На ней что-то странновато двигалось. Кто-то ходил по ней мелкими шажками. И не один – их было несколько!

Бике прошиб холодный пот. Она в страхе разлепила отяжелевшие веки. Искоса огляделась, но ничего не разглядела в темной комнате. Подумав, что ей почудилось, она вновь закрыла глаза.

Но только она хотела заснуть, как вдруг на ней опять что-то зашевелилось, и она различила мелкие шажки. «Да кто же это?» – подумала она. Вот ведь напасть! Ходили уверенно, без боязни.

Бике охватил озноб. Боязливо дрожа, она приподнялась и села на постели. Вдруг что-то с грохотом упало на пол. Бике затаила дыхание, не зная, что делать. От испуга девушка не могла встать с постели и включить свет. Она долго прислушивалась к звукам в темной комнате. Однако они не повторились. «Не сон ли приснился мне?» – подумалось ей. «Да, наверное, это был сон», – успокоила она себя.

Бике пыталась закрыть глаза и уснуть. С тревогой в сердце ворочалась с боку на бок. Все же через некоторое время, в раздумьях, она стала незаметно засыпать.

Девушка еще не успела забыться, как тут же вновь открыла глаза, вздрогнув, как от удара молнии. Теперь она ясно ощутила, что по ней ходят. Неожиданно для себя она так завизжала, что сама испугалась. Непонятные существа, заволновавшись, с шумом посыпались на пол. У Бике душа в пятки ушла. Она

спрыгнула с кровати и быстро включила свет. В нору в углу комнаты на ее глазах юркнула большая мышь. Девушка задрожала. Смешанное чувство брезгливости и страха хлынуло ей в сердце. Она с ужасом застыла у двери. Вновь вернуться в постель боялась: сердце подсказывало, что мыши не дадут ей покоя.

Приблизившись к окну, Бике бросила взгляд наружу, но ничего не увидела в темноте. Тьма рождала у нее такие же темные мысли. Девушка вся была в испарине от духоты и страха. Наконец она решила выключить свет и вновь лечь спать. Вытащила из шкафа одеяло и накинула поверх простыни. «Накроюсь с головой, а то еще мыши заберутся в волосы. Упаси Аллах, если острые, как колючки, коготки этих пакостников застрянут в косах, и я не смогу их расплести! Тогда придется отрезать их», – подумала Бике.

Летняя жара и страх душили ее, но она не осмеливалась откинуть одеяло. Брезгливость перевешивала страх. Ничто не вызывало у девушки такого отвращения, как мыши. При их виде у нее начинало чесаться все тело. Вот и теперь ей казалось, что все ее тело зудит, как от крапивницы, и покрылось волдырями. Измученная, она скинула с себя все и села на постели. Но когда веки отяжелели, вновь с головой укрылась одеялом, оставив лишь маленькое отверстие для дыхания, и закрыла глаза...

Через некоторое время Бике опять почувствовала на себе тяжесть. У нее заохлоло сердце. Она высунула голову из-под одеяла и ужаснулась: на одеяле примостилась куча крупных мышей. От ее душераздирающего крика они попрыгали на пол.

В эту душную летнюю ночь Бике дрожала как осиновый лист. Она быстро оделась. Забеспокоилась, не найдя на столе кольцо, снятое с пальца. «Сама же положила, куда оно могло деться? – проговорила она. – Только постель, шкаф, два стула – маленькая комнатка. Куда же кольцо могло деться?» Увидев, что кольцо блестит у мышиной норки, она разозлилась:

«Пакостники поганые, вы и кольцо мое хотели украсть?»

Она открыла дверь и вышла наружу. В этой районной гостинице кроме нее никого не было. Она вспомнила сказанное вчера сторожем, старым дядей Сефтером:

– Доченька, если боишься спать одна, с тобой останется моя старуха.

Тогда Бике засмеялась:

– Дядя Сефтер, журналистке не положено бояться. Мы привыкли преодолевать трудности.

– У нас в районе нет таких людей, кто косо взглянул бы на гостя. Спи спокойно, доченька.

Вспомнив эти слова, Бике про себя сказала: «Почему же дядя Сефтер не предупредил меня, что тут водятся мыши?»

Девушка нехотя направилась к навесу, увитому виноградной лозой, села под ним за стол и стала смотреть на звезды. Часы показывали лишь начало пятого. Райцентр еще спал. Вдали перекликались петухи, потом опять наступила тишина.

От утреннего ветерка она продрогла, но не решалась пойти в комнату и взять жакет. Не хотелось еще раз столкнуться с мышами. Лучше уж потерпеть прохладу. Она сидела, подобрав ноги, засунув ладони под мышки и съежившись. Весь вчерашний день она ездила по селам, устала, и теперь ее неудержимо клонило в сон. Да и сегодня с утра были намечены поездки, встречи с людьми. Как же она, не поспав хотя бы часок, проведет долгий рабочий день? Нервная, с дрожащими губами, она никак не могла привести в порядок свои мысли.

Над краем земли заалело, что придало небосводу неописуемо красивый оттенок, и Бике глаз не могла отвести от этого зрелища. Вчера вечером она вернулась из поездки уставшая и не обратила внимания на живописный сад. Теперь же, в блеске утренних лучей, ее очаровала открывшаяся картина. Сад с плодовыми деревьями и декоративными кустарниками утопал

в туманной дымке, от которой, казалось, кружилась голова. Дерево рядом с нею было усыпано ранними яблоками. Она протянула руку, сорвала яблоко и с удовольствием съела. Потом встала и прогулялась по саду.

Одноэтажная гостиница в пять комнат располагалась рядом со зданием райкома. В маленьком райцентре, расположившимся меж гор и лесов, жили очень гостеприимные, добрые люди. Бике вспомнился вчерашний день. При встречах ее одаривали кто чем мог: национальными шерстяными носками, чабрецом, мятой... Многие приглашали ее в гости, а когда она отказывалась, обижались. Но Бике не хотела стеснять людей. Для нее привычнее и удобнее было оставаться наедине с ручкой и бумагой.

В шесть часов открылись ворота, во двор вошли дядя Сефтер и его жена, тетушка Изафе. Оба несли сумки. Бике почувствовала запах свежесдобитого в тануре¹² хлеба. «Когда же она успела испечь хлеб?» – подумала девушка.

Увидев, что их гостя прогуливается в саду, они удивились. Тетушка Изафе спросила:

– Дочка, почему ты так рано встала?

Бике не захотела говорить о ночном происшествии.

– Хочу досыта насладиться горным воздухом.

– Ты права, доченька, – сказал дядя Сефтер. – Вечером можно лечь рано, но утром, в эту чудесную пору, грех оставаться в постели. В такое время полезно прогуляться на свежем воздухе – крепнет здоровье, продлевается жизнь.

Муж с женой вошли в гостиницу. Через некоторое время женщина вышла с подносом. Поставив поднос на стол, она сказала:

– Доченька, мы принесли тебе сливки и мед. Поешь, выпей чаю.

Бике застеснялась:

12. Танур – конусообразная печь для выпечки хлеба. Применяется также в качестве сушилки для фруктов.

– Ну зачем так утруждаться... Еду я привезла с собой.

– Мы не допустим, чтобы ты питалась сухим хлебом, привезенным из Баку!

Дядя Сефтер и тетя Изафе сели рядом с нею. Заметив опухшие глаза девушки, они забеспокоились:

– Ты случайно не заболела?

– Нет.

– А что с тобой? Выглядишь неважно...

Бике нехотя призналась:

– Мыши не дали мне поспать.

– Что? Мыши? – удивились они.

– Да.

– Здесь никогда не водилось мышей, дитя мое! – сказала женщина.

И мужчина подтвердил ее слова:

– Доченька, мы с женой работаем здесь вот уже двадцать лет. До сих пор мы ни от одного гостя не слышали, чтобы здесь были мыши.

– Не знаю, что и сказать. Они необычные, больше похожи на амбарных крыс. Если не верите, я покажу вам их нору.

Они втроем вошли в комнату. Муж с женой поразились, увидев мышиную нору. Дядя Сефтер покачал головой:

– Похоже, нора свежеврытая.

У него на губах заиграла улыбка:

– Мыши разбираются в красоте! Они, например, тянутся к золоту. Такая красивая девушка, как ты, здесь в гостях оказалась впервые, что они не оставили без внимания.

Бике приняла его слова за шутку, но мужчина добавил:

– Нет, это не просто слова. Красота очаровывает мышей. Особенно красота молодой женщины. Они сразу чувствуют приятный запах. А уж когда видят золото...

Вспомнив свое кольцо, найденное у мышинной норы, Бике засмеялась...

Не успев выполнить всю намеченную работу, Бике в тот же день вернулась в Баку. Ей не хотелось провести еще одну ночь в гостинице этого отдаленного района, где она натерпелась страха от мышей. Думая о предстоящих выходных, она вспомнила о Кусарах – давно не видела родителей и младших сестер. И Бике выехала в район навестить родных.

Автобус прибыл в Кусары в сумерки. Соседи, сидевшие у ворот своих домов, вызвали у Бике улыбку. «Что ни говори, лучше родного края нет! Не найти другого места, где так сильно веет теплом. Здесь все родное», – подумала она.

Бике застала мать с сестренками на скамейке у дома. Она обняла и приласкала их. И очень обрадовалась, увидев с ними бабушку. Она сжала в объятиях старушку, приехавшую из села Яргун в Кусары погостить в семье старшего сына, расцеловала ее.

– Чан баде¹³, душа моя! Как же я рада видеть тебя! Как я соскучилась по тебе!

Бабушка Аният ответила:

– Чан хтул¹⁴, как хорошо, что ты приехала – словно дом наполнился солнцем! А то я не находила себе места, скучала по тебе.

Старушка Аният была особенно привязана к своей первой внучке. С годами девочка все больше походила на свою бабушку. Родные, рассматривая фотографии бабушки в молодости и внучки, удивлялись их сходству. Все больше замечалось у них и сходство характеров.

После ужина Бике рассказала родным о том, что приключилось с нею в командировке в дальнем районе. Но они не придали ее рассказу особого значения. Мать посмеялась:

13. Баде – бабушка со стороны отца.

14. Хтул – внук, внучка.

«Привиделось тебе все!» Сестры, не дослушав, занялись своими делами. Только бабушка переменялась в лице от ее слов, что не ускользнуло от взгляда Бике. «Что такого я сказала, почему у нее испортилось настроение?» – подумала она. Бике переменяла тему разговора и больше не упоминала о мышах.

Ночью, когда она уже засыпала, бабушка зашла к ней в комнату.

– Бике, ты спишь?

– Нет, баде, – ответила Бике. Она встала, взяла бабушку за руку и усадила ее рядом с собой на кровать.

Видя состояние бабушки, девушка встревожилась:

– Баде, ты выглядишь не очень хорошо! Не обидел ли тебя кто? Даже в лице как-то изменилась. Ну-ка, скажи, что с тобой?

– Чан бадедин, да стану я твоей жертвой, – сказала бабушка, – меня расстроило то, о чем ты рассказала.

Бике, засмеявшись, спросила:

– Почему же они встревожили тебя? Расскажи!

Бабушка пристально посмотрела в красивое лицо своей внучки и ласково сказала:

– Сейчас расскажу...

В селе Яргун жило немало известных родов. Например, Камуяр были мастерами. Среди них славился на всю округу Пирмурад – кузнец в Келедхуре¹⁵. К нему, богатырю с огромными закрученными усами, в кузницу приходили почти из всех сел Кусарского района и даже из других районов. Никто лучше него не умел обтягивать железными шинами ободья колес. Он надевал вынутую из огня железную полосу на деревянное колесо и пускал его вниз по склону. Когда колесо скатывалось в

15. Келедхур – возвышенность в селе Яргун.

реку, и от него исходил пар, Пирмурад довольно подкручивал усы. Он был мастером и по дереву. Далеко расходилась молва об окнах и дверях, сделанных его руками. «Пирмурад по одному гвоздю не бьет дважды!», – говорили о нем односельчане. Он умер в девяносто лет, с горькой обидой в душе: ни один из пяти сыновей не продолжил его дела.

Прошло много лет. Как-то сельчане услышали стук молотка из кузницы Пирмурада. Что такое? Пошли посмотреть – и поразились: богатырски сложенный молодец с закрученными усами бил по железу на наковальне. Казалось, что это молодой Пирмурад... Алимурад, сын Гаджимурада, младшего сына Пирмурада, перенял мастерство и характер своего дедушки.

Прошло около трех лет, и Аният невестой вошла в дом Алимурада. Этой молодой семьей, созданной по любви, не могли налюбоваться близкие, да и посторонние люди. Красивую, добрую, трудолюбивую невестку полюбили и свекор со свекровью, и обе золовки. Три года домашние жили дружно. Однако потом отношения в семье стали портиться. Невестку пугал тяжелый характер свекрови. Менсият выискивала у нее промахи, осыпала придирками. Причина была в том, что Аният не могла родить. «Такую пышную свадьбу сыграли единственному сыну! Его ровесники уже давно стали отцами. Моя же невестка уподобилась бесплодному дереву».

Сначала такое говорилось только дома, потом об этом узнали и родственники, затем недовольство Менсият распространилось по всему селу. Когда Аният слышала об этом, то от стыда отмалчивалась.

Еще свекровь злило то, что невестка боялась мышей. Крики Аният часто будили домашних по ночам. Но никто не верил ей, особенно когда она, вся в испарине, говорила, что по ней топчутся мыши.

Этот страх стал овладевать Аният через месяц после

свадьбы. Как-то свекровь открыла яму глубиной в два аршина в углу двора, вручила Аният мешок и попросила, чтобы та набрала зерна из ямы. Аният спустилась по лесенке. Когда ее нога коснулась брезента, накинутаго на зерно, послышалось шуршание. Ничего не подозревавшая Аният приподняла брезент и, увидев целую кучу мышей, так громко вскрикнула, что у свекрови, стоящей над ямой, задрожали ноги.

Менсият сердито крикнула:

– Что случилось опять? Чего визжишь, будто змея тебя укусила?

Аният была не в состоянии ответить. Одна из мышей каким-то образом попала ей под платье и поползла по спине. Оказавшись в западне, мышь отчаянно барахталась и больно царапала женщине спину своими коготками, словно колючками. От страха Аният не могла издать ни звука. Заметив ее оцепенение, свекровь спросила:

– Что ты молчишь, свас¹⁶? Язык проглотила?

Аният не могла ни слова вымолвить, ни шелохнуться. С трудом вылезла она из ямы. Увидев ее лицо – бледное, без кровинки, – свекровь не на шутку испугалась:

– Говори скорее, что случилось?

Аният кое-как дала понять, что не может шевельнуться, потому что у нее на спине мышь. Свекровь попыталась извлечь зверька из-под платья невестки, но мышь вцепилась в косу Аният. На вопли невестки из дома выскочили встревоженные золовки. Свекровь тоже исходила криком:

– Взрослая женщина, а боишься маленькой мышки! стыдно! Люди услышат – засмеют!

Но до того ли было Аният? Она чуть дышала от страха. А свекровь все не могла оторвать мышь от длинной косы невестки.

– Никак не отцепить проклятую... – пробормотала свекровь.

16. Свас – невестка.

– Уж не собираешься ли ты отрезать мои косы? – ужаснулась Аният.

– Не косы, женщина – только те пряди, в которые мышь вцепилась!

Кевсер принесла ножницы. Свекровь отрезала почти половину косы со вцепившейся мышью, швырнула на землю и рубанула по ней лопатой.

Чувство омерзения погнало Аният в дом. Надо было быстро нагреть воду и омыть тело, к которому прикоснулась мышь.

Свекровь же, негодуя на невестку, сбежавшую, не завершив дела, сама спустилась в яму. Каково же было ее удивление, когда увидела, что мыши растащили большую часть запасов пшеницы!

В тот же день обнаружилась и другая неприятность: мыши не оставили ни единого фундука от более чем ста килограммов, насыпанных горкой. В стенных нишах валялась лишь ореховая скорлупа.

И свекровь обеспокоенно сказала:

– Как бороться с этими тварями, когда у мыши каждые три месяца рождается по десять детенышей? Если их развелось так много, жди голода...

С тех пор Аният с криком просыпалась по ночам. Но домашние упорно не верили, что по ней топчутся мыши, а свекровь даже как-то сказала своему сыну:

– Все ли в порядке с головой у твоей жены?

Алимурад каждый раз пытался внушить Аният:

– Даже если в амбаре или в яме для зерна и завелись мыши, то дома их нет. До сих пор в этом доме не было ни одной мыши!

На какое-то время Аният успокаивалась, но потом все повторялось.

Однажды Аният, проснувшись, увидела мышей, которые

убегали, спрыгнув с нее. Она показала мужу нору, где они спрятались. Алимурад увидел мышь, юркнувшую в щель между двумя досками под дверью.

Утром он забил щель и сказал жене:

– Теперь мышам неоткуда появляться, можешь спать спокойно.

Однако не прошло и недели, как Аният с криком проснулась среди ночи. Алимурад рассердился:

– Что случилось, я руш¹⁷?!

Побледневшая от страха Аният указала мужу на дыру в углу комнаты.

Алимурад поразился:

– Наверное, заново вырыли.

Услышав о мышьиной норе в гостиной, свекровь нахмурилась. Она немедленно забила дыру толченым стеклом и заштукатурила. Несколько дней мыши не давали о себе знать, но потом вырыли дыру в другом углу комнаты... Одно за другим проделывали лазейки, без конца нарушая покой семьи. Особенно от этого страдала Аният. Ставили мышеловки, но эти мелкие пакостники в них не попадали. Завели кошку, но и она не справлялась.

Однажды свекровь, призадумавшись, сказала:

– Наверное, эти твари решили разрушить наш дом.

В середине июля, когда подоспела пора уборки урожая, село заволновалось: говорили о том, что в колосьях нет зерен. Услышав такое, Алимурад с Аният пошли на свое поле и, обескураженные, убедились, что пшеничные колосья пусты. Это было что-то невиданное.

– Хорошо, если не дойдет до голода! Мыши прибрали весь урожай, – судачили сельчане.

Опасения сбылись. В 1930 году в селе и во всей округе

17. Я руш – эй, девушка; здесь женщина.

немало народу пострадало от голода.

Уже наступил декабрь, но стояла теплая погода. Менсият наскребла остатков муки в ларе и напекла лавашей, после чего сказала Аният:

– Надо сходить в поле и разрыть мышинные норы.

Аният не поняла, о чем говорит свекровь.

В тот день они и еще двое соседей отправились в поле. На земле с высохшей травой хорошо выделялись мышинные норы.

Свекровь остановилась у одной из крупных нор и сказала невестке, что надо рыть. Аният начала выбирать почву вокруг норы. На глубине в пол-аршина лопата наткнулась на что-то мягкое, и Аният прекратила копать. Свекровь разгребла землю руками и радостно воскликнула:

– Да тут целый амбар пшеницы!

– Вы только гляньте на работу этих пакостников! – удивилась одна из соседок.

Укрытые сверху стебельками и листьями, зерна пшеницы были собраны так аккуратно, что мышинным амбаром можно было залюбоваться.

– Нечего время терять – надо обойти и другие норы, – сказала свекровь невестке. Видя, что Аният медлит, старуха добавила: – Не бойся, мышей здесь нет – они разбежались от страха.

До вечера в мешке Аният набралось немало пшеницы. О своей находке они со свекровью сообщили односельчанам, которые тоже стали собирать пшеницу из нор полевых мышей. Никто не возвращался с поля с пустыми руками. Самым упорным удавалось насобирать по несколько мешков.

Потом дети повадились разрывать норы мышей в лесу. Они возвращались домой с карманами, полными лесных орешков. Голодающие люди не оставили ни одной мышинной норы неразрытой. Не выдержав натиска людей, мыши бросили свои обиталища и куда-то исчезли.

На следующий год в полях народился такой богатый урожай,

что сельчане не могли управиться с уборкой. В течение дальнейших нескольких лет никто не видел мышей в этих краях. Но еще долго говорили о трудолюбии мышей. Их даже ставили в пример ленивым людям...

Мрачное лицо Кевсер был окутан туманом. Всегда радостно говорливая, подвижная, словно ее черти щекотали, девушка в тот день с утра была не в духе и молча занималась домашними делами. Видя ее состояние, Аният не выдержала:

– Что с тобой? Тебя кто-то обидел?

– Нет! – нехотя ответила девушка. По тону было видно, что она встревожена и о чем-то умалчивает. С Кевсер, веселый голос которой всегда бодрил домашних, явно происходило что-то не то. Заметив, что она упорно что-то ищет, Аният спросила:

– У тебя что-то пропало?

Наконец девушка промолвила:

– Кольцо...

– Какое кольцо – с дорогим камнем?

– Да, то, что мне мама подарила.

– Ты не помнишь, куда положила его, когда сняла с пальца?

– Я оставила его на столе.

Аният обшарила всю комнату, но кольца как не бывало.

Вечером о пропаже узнала вся семья. Остальные тоже занялись поисками, но так и не нашли кольца.

– Может, оно упало в хлеву, когда ты доила корову? – спросила Милей. Но слова младшей сестры Кевсер оставила без внимания. И по-своему утешила мать:

– Чан диде¹⁸, если суждено быть пропаже, то пусть обойдется кольцом, что теперь поделаешь. Его никто не носил, и оно просто лежало.

18. Диде – мама.

А потом тихо добавила:

– Вечером, когда я пошла на родник, оно было у меня на пальце. И я хорошо помню, что на ночь сняла его и положила на стол.

– У нас что – дома завелся вор, чтобы вещь пропала со стола?

Слова свекрови, в которых ей почудился намек, укололи Аният в самое сердце. «Не меня ли подозревает?» – подумалось ей. А Менсият продолжала упрекать дочь:

– Какая же ты рассеянная! Уже не впервые с тобой такое...

Через некоторое время после этого случая пропало кольцо самой Менсият. Старуха рассказывала соседке Сенем:

– Четыре или пять лет подряд я вообще не снимала свое обручальное кольцо. Даже когда месила тесто. Вчера почему-то сняла и положила на стол, а утром его не нашла. Удивительное дело!

Дочери тщательно обыскали дом, но кольца не нашли. В конце концов все занялись своими делами, и про происшедшее забыли.

Верно говорят: беда не приходит одна. Однажды, увидев, что свекровь и золовки сидят в гостиной хмурые, Аният с беспокойством спросила:

– Что опять стряслось? На вас лица нет!

Милей указала на стенную нишу с распахнутыми дверцами:

– Исчезли золотые украшения.

У Аният оборвалось сердце. Она знала, что на верхней полке стенной ниши в гостиной, в маленькой стеклянной вазе, лежит горсточка золотых украшений. Как и у всех в селе, в доме Гаджимурада тоже ничего не запиралось на ключ. Золотые изделия хранились на верхней полке, куда не могли дотянуться дети. Они годами лежали там, в стеклянной вазе. Несколько месяцев тому назад Аният вынула их, вымыла с содой и натерла до блеска. Теперь, вспоминая, она укоряла себя: «Не было у тебя заботы, кроме как возиться с побрякушками...»

Молва о том, что из дома Гаджимурада исчезли золотые изделия, распространилась по всему селу. На роднике, на киме¹⁹, на току, на мельнице – словом, везде, где собирались люди – только об этом и говорили. Эти слухи долетали и до Аният.

Как-то, вскапывая огород, она услышала беседу двух женщин, проходивших по улочке:

– Вряд ли это дело рук постороннего. Скорее всего, вор кто-то из домашних.

– Действительно, откуда постороннему знать, что и где лежит у тебя дома?

– До этого случая у нас в селе не было воров...

Аният не дослушала – ей показалось, что ее ударили по голове молотком. Не устояв на ногах, она рухнула на землю. Но вскоре овладела собой. Собрала все силы, поднялась, вернулась домой. Голова у нее кружилась, в глазах темнело. Вдруг до нее донесся голос свекрови:

– Где наша дорогая невестка? – слова «дорогая невестка» прозвучали иронически. – Вскопала пядь земли и уже устала?

– Разве она не может устать, мама? – вступилась за нее Милей. В отличие от Кевсер, она очень любила невестку.

Аният, стиснув зубы, встала. Легче таскать тяжести, чем выслушивать насмешливые намеки свекрови. И она присоединилась к домашним, которые взбивали шерсть.

– Аният, ты выглядишь неважно, – ехидно сказала Кевсер.

– У меня голова болит, – ответила невестка.

Свекровь не взглянула в ее сторону и продолжала заниматься своим делом. У нее с невесткой уже давно не было прежних добрых отношений. У Аният из-за этого сердце кровью обливалось. А свекровь не горевала о чужой дочери, которая, взяв на себя все обязанности в доме, как муравей

19. Ким – годекан, место общинного схода.

трудилась с утренней зари до полуночи. Старуха не упускала случая приглубить своих дочерей и не замечала невестку, подобную бесплодному дереву.

Все это вытерпела бы невестка, если бы Алимурад оставался прежним. Однако муж тоже переменялся. Он перестал говорить с ней ласково, быть добрым к ней, часто задумывался о чем-то. Они становились чужими друг другу, что еще больше угнетало ее.

Причин для отчуждения было достаточно. Прошло три года после их свадьбы, а жена не рожала. Алимурادا все больше раздражало и то, что каждые две-три ночи она с криками вскакивала с постели. Вдобавок из дома стали пропадать золотые вещи, в чем мать и Кевсер подозревали невестку. Поэтому Алимурад давно уже приходил домой поздно – только чтобы поспать. Когда он возвращался из кузницы, еду ему подавала мать.

В большом семейном кругу Аният чувствовала себя одиночкой. Одна только Милей общалась с ней по-прежнему и даже после пропажи золота не изменилась.

Милей, красивая, как весенний цветок, была рассудительной девушкой. И невестка в ней души не чаяла – каждое утро расчесывала ее длинные волосы, заплетала их в две косы, а потом, расцеловав ее алые щечки, говорила:

– Нет в нашем селе девушки красивее тебя! Кто знает, сколько парней сходят с ума по тебе.

Милей тянулась к Аният, старалась помогать ей во всех делах. Как-то Аният сказала ей:

– У меня есть просьба к тебе. Дома ничего не делай – я все беру на себя, а на родник будешь ходить только ты.

– Почему, Аният? – удивилась девушка.

– Я не хочу выходить из дома.

– Пусть будет так. Это мне нравится. Хоть десять раз в день могу ходить за водой! – обрадовалась Милей.

Уже целый месяц Аният не выходила из дома. Любители позлословить и над этим посмеивались, распространяли сплетни. Дошли эти слухи и до родных Аният.

Несмотря на то, что родные ее жили в том же селе, Аният редко навещала отчий дом. Но встревоженная слухами, мать послала за нею. Увидев поспешно входящую в дверь исхудавшую старшую дочку, Сафинат ахнула:

– На кого ты стала похожа, дитя мое?

В стенах родного дома, в теплом кругу родных сердце Аният растаяло. Подойдя к матери, дочь положила голову ей на грудь и зарыдала, как ребенок. Вздволенные мать и братья не знали, что и делать. Когда-то беззаботная, счастливая Аният, веселый голос которой будоражил все вокруг, теперь напоминал опавший, пожелтевший осенний листок. Сафинат прослезилась:

– Родная, что с тобой? Расскажи мне о своем горе... О чем ты переживаешь? Может быть, мы сможем тебе помочь?

«Берегите незапачканность языка и безгрешность рук», – всегда учила Сафинат своих детей. И именно потому, что хорошо знала своих детей, она не поверила слухам, дошедшим до нее. Она хотела выслушать саму Аният. Из печального рассказа дочери, никогда не зарившейся на чужое добро, умевшей ладить с людьми, мать поняла, что та ни в чем не виновата.

– Возвращайся к себе, – сказала она дочери. – Скоро я приду к Менсият.

– Мама, дорогая, только не ссорьтесь, – попросила Аният.

– Зачем же ссориться, доченька? Но это дело надо серьезно обсудить. Надо объяснить всем, кто подозревает тебя. Ведь не зря гласит поговорка: лучше лишиться глаза, чем жить с запятнанным именем. Твое имя они не сумеют замарать. У меня взрослые сыновья. Эти сплетни бросают тень и на них. В селе только о тебе и говорят. Тут надо принять меры, – утешая этими словами Аният, мать проводила ее.

Вечером между Сафинат и Менсият состоялся откровенный разговор.

– Менсият, в селе поговаривают, что золото украла твоя невестка. Что это за разговоры?

– Язык без костей! Что поделаешь против любителей поболтать? На каждый роток не накинешь платок.

– Но разговоры исходят из этого дома.

– Сестрица, что ты хочешь этим сказать? – разозлилась Менсият.

– Если есть что, говори прямо. Почему ты подозреваешь Аният?

– Кого же мне подозревать? – невольно вырвалось у Менсият.

Сафинат и не думала, что услышит такое. Ее словно кипятком ошпарили. От подступившего к горлу кома у нее задрожал голос:

– Нехорошо подозревать человека без всякого на то повода, Менсият. Побойся Аллаха, он накажет за такую несправедливость!

Аният, стоявшая за дверью, слышала разговор и готова была провалиться сквозь землю. В одном она не сомневалась: больше не может оставаться в этом доме. Как должное восприняла она слова матери:

– Я заберу свою дочь. Ни дня не оставлю ее в доме, где на нее клеветают!

– Зачем ей оставаться здесь, когда она добилась того, чего хотела? Если хочешь забрать дочь, потерпи два дня, пусть Гаджимурад вернется из Кусаров, а то я не сумею объяснить ему.

– Пусть будет по-твоему...

В большом доме веяло могильным холодом. Аният от страха не осмеливалась войти в гостиную. Но наконец все же присоединилась к семье. Села на ковер и глазами, полными слез, посмотрела на свекровь:

– Тетя Менсият, ты и вправду считаешь, что я украла золото?
Свекровь со злостью ответила:

– Займись своим делом!

Аният еще раз убедилась в том, что ей не верят. Никогда еще не чувствовала она себя такой несчастной и слабой. Ей не хотелось жить...

Два дня тянулись как два года. До той поры в жизни Аният не бывало таких тяжелых, горьких, безнадежных дней. Скорбь переполняла душу молодой, ни в чем не повинной женщины. Она чувствовала себя отверженной.

Среди родных мужа она была так сильно подавлена обидами, происходящее так больно ранило ее сердце, что она уже перестала что-либо понимать. После стольких пропаж Аният сама готова была заподозрить себя. От ее мыслей веяло тьмой и горечью.

Будучи не в силах заснуть, Аният осторожно, чтобы не разбудить сладко спавшего на боку Алимурата, открыла дверь и вышла наружу. Во дворе она села на лавку под шелковицей, дрожа от пронизывающего ночного холода. Как быть, что делать? От Менсият бессмысленно ждать добра. Свекровь желала как можно быстрее расстаться с невесткой, «не дающей тепло-го семейного уюта». Аният однажды слышала, как она сказала старой соседке: «Теперь надо найти Алимурату невесту, которая рожала бы детей».

Угнетенная горестными мыслями, Аният посмотрела на часы: была половина пятого. «Завтра в это время я буду в от-чем доме», – подумала она. И от этой мысли ею овладела та-кая тоска, что она чуть не расплакалась. Аният казалось, что внутри у нее глубокий колодец, наполненный ее горькими сле-зами. Сейчас ей хотелось лишь одного: найти укрытие, где мож-но было бы выплакаться.

Сама не своя, она вышла за ворота и направилась к берегу реки. От весенних ливней в горах Самур бурлил. Пенистые

волны возбуждали страх в сердце Аният. Они бились по камням, обдавали ей ноги холодными каплями. Не вернет ли Самур, ожесточившийся от селей, ее прежнее терпение и самообладание? Она ничком упала на холодные камни и по-детски зарыдала. «Что может быть горестнее для горской женщины, чем вернуться от мужа в дом отца? Я там не вытерплю ни дня, – думала она. – Но что же делать?»

Долго плакала Аният, облегчая тяжелую ношу на сердце, потом уставилась на пенистые волны реки: «Только Самур поможет мне освободиться от этой боли. Его волны успокоят мою душу». Она встала и сделала два-три шага к реке. Но тут ей померещилась мать, которая умоляла:

– Пожалей меня, дитя мое...

Слова матери прозвучали так явно, что Аният отступила назад: «У меня не все в порядке с головой...» Впервые она подумала не о себе, а о родных, и устыдилась своего намерения. Ее охватило чувство душевного облегчения, и она неспешно направилась в сторону села.

Берег остался позади, когда она увидела Мердали, сидевшего на склоне справа от дороги. Мердали несколько месяцев как работал учителем в сельской школе после окончания института в Баку. «Что он подумает о молодой женщине, которая возвращается на рассвете одна с реки?» – эта мысль пронзила сердце Аният.

Дома все еще спали. Аният тоже решила прилечь. Коснувшись головой подушки, она тут же погрузилась в сон...

В течение десяти дней у нее был сильный жар. Тело ослабло, не было сил открыть глаза и что-то сказать. Временами она различала голоса свекрови, Алимурата, золовок. В течение всех этих дней в обеих семьях не знали покоя. А в селе продолжали обсуждать все происходящее в доме Гаджимурата.

Обе семьи молили Аллаха, чтобы он отвел беду от Аният. У Сафинат от слез не просыхали глаза. Она и Менсият страдали больше всех. Менсият боялась, что худшее с невесткой

произойдет в ее доме, и желала ее скорейшего выздоровления, чтобы потом расстаться с нею. А Сафият молилась о том, чтобы болезнь перешла на нее, а дочь выздоровела. Диагноз Аният не смог поставить ни сельский врач, ни районные врачи. А один из них, пожилой человек, сказал:

– Когда больной не хочет выздороветь, врачи бессильны.

Аният не открывала глаз, не отвечала на вопросы и угасала, как свеча. Все, навещавшие больную, жалели ее. Никто не вспоминал о том, что было прежде – забыли и о пропавшем золоте, и об объявившемся в селе воре. А если даже и не забыли, никто не решался даже за глаза упоминать об этом.

На десятый день Аният неподвижно лежала на постели, разостланной на ковре в гостиной. Только по мерно вздымавшейся груди можно было понять, что она еще жива. Дом наполнился родственниками.

Вдруг земля затряслась, в доме все заскрипело и загрохотало. Через короткое время этот ужас повторился. Казалось, что кто-то ухватился за дом и трясет его, как дерево. Завыли собаки, заголосили петухи, раздалось ржание лошадей, слились в одно мычание коров и бляение овец. Люди растерялись и не знали, что делать. Наконец, кто-то крикнул:

– Это землетрясение!

Все выбежали наружу. Село было взбудоражено. Кое-где обрушились деревья и электрические столбы. Детский плач отзывался болью в сердцах взрослых.

Когда люди немного успокоились, семья Гаджимурада вспомнила о больной невестке, оставшейся лежать посреди комнаты. Войдя в дом, они увидели, что Сафинат по-прежнему сидит у изголовья дочери.

Заметив обвалившуюся стену, Менсият горестно ахнула:

– О Аллах, что это за ужас был!

Вдруг ее нога провалилась в щель между двумя разошедшимися досками. От боли у нее вырвался крик. Алимурад, пытаясь

помочь матери выбраться, угодил рукой во что-то непонятное. Это было мышинное гнездо, устроенное под досками пола, и оно было заполнено какими-то поблескивающими предметами.

Алимурад вытащил из мышинного гнезда целую горсть золотых изделий. Все пропавшее – кольца, серьги и прочее – оказалось здесь. Все, кто находился дома, изумленно молчали, не в силах вымолвить ни слова.

– О, проклятые мыши, на что вы только не способны! – воскликнула Менсият. – Каких только уловов нет у вас!

– Кажется, вор нашелся, – глубоко вздохнула Сафинат.

– Что случилось, диде? Ты сказала, что нашелся вор?

От голоса Аният все замерли. Сафинат не сумела скрыть слез.

– Да, доченька, нашелся. Золото, оказывается, утащили мыши...

Аният неожиданно поднялась и села на постели. Она бросила взгляд на мужа:

– Хоть теперь-то ты веришь мне?

Ни Алимурад, ни кто-либо из его семьи не могли вымолвить ни слова. Аният с печалью в глазах посмотрела на свекра, свекровь, золовок, потом на свою маму:

– Диде, уведи меня в наш дом.

Сафинат с дочерью молча вышли за дверь.

Вот так Аният, слегшая по ложному обвинению свекрови, благодаря божественному чуду природы встала на ноги.

На следующий день в селе только и говорили, что о землетрясении, происшедшем ночью. «Аллах милостив к нам, – говорили сельчане, – ущерб не так уж велик. Обвалившиеся стены можно подновить – просите у Аллаха здоровья». Говорили и о кладе, обнаружившемся в мышинной норе в доме Гаджимурада. И все упоминали Аният...

Бабушка Аният умолкла. Бике не выдержала:

– Говори же, что произошло потом?

Старуха печально улыбнулась:

– Сельчане убедились, что Аният ни в чем не виновата. Она выздоровела, но в дом мужа не вернулась. В течение двух лет Алимурад упрашивал жену, но она не изменила своего решения. В конце концов, Алимурад женился на другой девушке из села. Но и она не родила ему детей. Аният, когда ее сердечные раны зарубцевались, вновь вышла замуж.

– За моего дедушку Мердали! – воскликнула Бике.

– Да. Мердали давно был влюблен в меня. Но его родители не хотели в невестки разведенную. Однако потом мы хорошо поладили. Я родила семерых детей, Мердали всегда гордился ими.

– А что случилось с Алимурадом?

– Видя, что и у второй жены нет детей, он женился в третий раз. Но не судьба была бедняге иметь детей. Он так и ушел из жизни, не оставив продолжателя рода.

Бабушка Аният поцеловала внучку в лоб:

– Внученька, будь осмотрительна, берегись этих мышей.

Она вышла из комнаты.

Рассказ о судьбоносных мышах завершился. Но Бике не могла заснуть. Она размышляла о событиях, произошедших когда-то в селе Яргун...

Несбывшиеся мечты

С самого детства меня удивляла точность имен кусарцев. Будь то мужчина или женщина, неважно – каждый носил наиболее подобающее ему имя. Словно родители, нарекая своих детей, заранее угадывали характер, который у тех разовьется, а дети, подрастая, старались полностью соответствовать своим именам. Вот как Саяханум²⁰, соседка моей бабушки.

Не знаю другого человека, кому бы так точно подходило его имя. Неужели отец с матерью при появлении Саяханум на свет уже знали, что их малютка вырастет простодушной? Или же они, не думая о смысле слова, дали дочери имя Саяханум только потому, что и сами были простодушными людьми?

В селе все, в том числе и дети, звали ее просто Саяханум, даже когда она состарилась и стала немощной. Почему-то к ней – девушке с постоянной ласковой улыбкой на лице, доброй, без капли зазнайства, отзывчивой, умеющей проникаться заботами других, не пристало никакое прозвище, не то что к другим. Никто не припомнит, чтобы Саяханум повысила голос, глянула сердито, ввязалась в спор, кому-то ответила недовольно, кого-то ненароком обидела. На зов она откликалась: «Гъай²¹, чан!» Просили ее о чем-то – отвечала: «Сейчас!» и безотлагательно исполняла просьбу. Она не знала слова «нет».

20. Саяханум – от слова «сая», со сложными смысловыми оттенками. Здесь: простодушная, неизменно простая при всех своих достоинствах.

21. Гъай – да.

Высокая и худая, рыжеволосая, с белой кожей, зеленоглазая, она всегда носила платья блеклых тонов, отчего выглядела невзрачной. Кто знает, умей она наряжаться, как ее сверстницы – может, могла бы казаться и привлекательной. Зимой и летом она ходила в одинаковом облачении, а с наступлением холодов надевала все свои одежки одну на другую. Она была настолько тощей, что ее худоба терялась в платьях.

Моя бабушка очень любила Саяханум – при каждом удобном случае зазывала ее к себе домой, осыпала ласками, одаривала ее наравне со своими внуками. А когда девушка уходила, бабушка глубоко вздыхала. Она говорила, что Саяханум пришла в этот большой мир, чтобы нести крест печали и горя. Когда девочке исполнился годик, мать ее слегла, проболела месяц и умерла. Отец вновь женился. Мачеха, Фаизат, родила одну за другой четырех девочек. Нет, она не была падчерицу – Саяханум не подавала для этого повода, была покорной, называла мачеху «диде» (мама).

Еще в детстве, случайно узнав от родственников, что Фаизат ей приходится мачехой, Саяханум начала втайне тосковать по родной матери. Дни девочки проходили серо, жизнь ее походила на тлеющий кизячный огонь: не разгорится и не погаснет. Она рано осознала, что колесо ее судьбы повернуло не в ту сторону, и повзрослела раньше времени. Уже в пять лет она приглядывала за сестренкой в колыбели. Она росла, и постепенно все домашние заботы переходили к ней. Днем обслуживала семью, а ночью качала колыбель с младенцем. Вставала она утром раньше всех. Было непонятно, кто установил такой порядок в доме, только обязанностей у Саяханум все прибавлялось и прибавлялось. Испечь хлеб, вычистить ковры, накормить скотину, обстирать семью, принести хворост из лесу все это Саяханум делала молча и в одиночку.

Была у нее отличительная черта: не заговаривала до тех пор,

пока к ней не обратятся. Ничего не произносила первой, не задавала вопросов, потому что была очень стеснительной. На все обращения отзывалась с искренней доброжелательностью. Она сторонилась людей, предпочитая пребывать в одиночестве, и при этом всегда находила себе какое-нибудь занятие. Если уставала от работы, незаметно удалялась и отдыхала, не попадаясь никому на глаза. Передвигалась она неслышно, как тень.

Саяханум была правой рукой мачехи. Приказы и поручения Фаизат сыпались на нее с утра до вечера. Наведываясь к бабушке, я постоянно слышала по соседству голоса тети Фаизат и ее падчерицы.

- Я руш, Саяханум!
- Гъай!
- Отгони корову в стадо.
- Сейчас!
- Затопи печь.
- Сейчас!
- Вытряхни ковры.
- Сейчас!
- Приготовь что-нибудь на ужин.
- Сейчас!

Иного ответа она не знала. Слово мачехи было законом для падчерицы. Закончив одно дело, она тотчас же бралась за другое, порученное Фаизат. И до чего же старательно она выполняла все домашние дела!

Саяханум всегда оказывалась подле мачехи, словно читая ее мысли и чувствуя, что нужна ей. Она никогда ни у кого – ни у отца, ни у мачехи – ничего не просила. Что ей в семье перепадало, тем и довольствовалась. Когда ее угощали сладостями, она не съедала их сразу, как младшие ее сестренки, а хранила в кармане и через некоторое время отдавала сестрам, чтобы порадовать детишек.

С детства она привыкла садиться за стол последней. Ела

стеснительно и раньше всех вставала. После ужина без напоминания убирала со стола, мыла посуду. К этому в семье тоже привыкли. Никто, кроме нее, не проявлял подобного рвения в домашних делах. Сестры почему-то относились к ней как к чужой, с безразличием – от них она ласкового слова не слыхала. Саяханум же во всем старалась им угодить.

Ее отец, Алибег, целыми днями был занят на полевых работах и не мог уделять достаточно внимания дому, семье, детям. Саяханум робела перед своим неразговорчивым отцом. Когда он приходил домой, она находила себе работу где-нибудь в саду, чтобы не попадаться ему на глаза. Отец же ее просто не замечал. С остальными дочерьми он изредка мог о чем-то поговорить, но ему и в голову не приходило подумать о своей старшей дочери Саяханум. Он вспоминал о ней только в тех случаях, когда что-то поручал ей. Подрастая, она все больше сторонилась не только отца с мачехой, но и сестер.

Саяханум не суждено было пойти в школу вместе с ровесниками. Дома никто и не вспомнил о том, что ей надо учиться. Когда ей исполнилось девять, по настоянию директора школы ее все же отправили на учебу – вместе с семилетней сестрой Сахибат. Саяханум несла и свою сумку и сестренке помогала. Когда они приходили домой, Фаизат заботливо делала с Сахибат уроки, Саяханум же, забросив сумку с учебниками, принималась за домашние дела. На подготовку уроков у нее не хватало времени. Заниматься уроками, как Сахибат, она не могла, потому что все дела по дому лежали на ее хрупких плечах. А Фаизат и не настаивала на этом.

В школе Саяханум, стесняясь своего возраста, не участвовала в играх с остальными детьми из класса, сторонилась их. Она легко усваивала сказанное учителем, однако на вопросы отвечала с трудом, смущаясь и забывая при этом даже то, что знала. Учителя это подметили и не были к ней особенно требовательны. Не по-

лучалось у нее и красиво и разборчиво писать – выходили одни каракули. Зато она всегда, без напоминаний, вытирала классную доску мокрой тряпкой, подбирала упавшие на пол бумажки. Когда дети ссорились, разнимала их по-взрослому. За эту ее заботливость все к ней относились уважительно.

После окончания восьмого класса Саяханум перестала ходить в школу. Ни отец, ни мачеха не настаивали на учебе. Отныне ведение всего домашнего хозяйства было полностью возложено на нее. Рано утром она провожала в стадо скотину, вечером встречала ее, ухаживала за садом, возилась в огороде. Сестренки Саяханум, в отличие от нее самой, были ухоженными и подрастали красавицами. Как только появлялись деньги, Фаизат покупала обновки двум старшим дочерям, чтобы они могли покрасоваться, а их одежда переходила к младшим. Саяханум, никогда не глядевшей в зеркало, из одежды перепало то, что никому не нравилось. Что ей давали, то и принимала молча.

Саяханум очень любила свою семью – и отца, и мачеху, и сестер. Когда кто-нибудь из них заболел, она теряла покой: неустанно заботилась о больном, натирала спину козьим жиром, готовила хинкал и заставляла есть его с чесноком и кислой кизиловой подливой. И все это она делала с любовью. Места себе не находила, пока больной не поправлялся. Когда же заболела она сама, то ни к кому не обращалась за помощью. Даже с высокой температурой всегда была на ногах, в обычной беготне. И болезнь, как будто понимая, что Саяханум хворать некогда, скоро отступала.

Вот так проходили годы Саяханум, прибавляясь к ее возрасту. Все ее сверстницы уже вышли замуж. Зная добрый, ласковый характер Саяханум, сватались и к ней. Но Фаизат никак не решалась выдать ее замуж.

– Как я буду обходиться без Саяханум? – говорила она и вы-

проваживала сватов под разными предложениями.

Ее родные дочери заневестились одна за другой, что прибавило хлопот Саяханум, ведь надо было готовить приданое для сестер. Она была подобна умудренной опытом матери, выдавшей замуж семерых дочерей: засучив рукава, мыла, затем сушила и теребила шерсть, набивала матрасы, шила одеяла.

В их доме одна за другой отшумели свадьбы. Каждый раз свадебное застолье готовила Саяханум. После того, как разъезжались гости, она мыла всю посуду и наводила в доме порядок. И все это она делала с радостью, от всей души желая счастливой жизни сестрам. Пусть отношения между ними и Саяханум были не самыми лучшими, однако она в сестрах души не чаяла, словно это она их родила, вырастила и теперь провожает в чужой дом.

Имени самой Саяханум теперь уже никто не упоминал, все забыли, что была такая девушка, и смотрели на нее как на зрелую женщину, будто такой она и появилась на свет.

Однако ошибались те, кто считал, что ею не может овладеть чувство любви, что для этого Саяханум, мол, слишком уж простовата. Ведь никто не задумывался о том, что происходит у нее в сердце. А в ее сердце вспыхнула первая любовь, и произошло это при необычных обстоятельствах.

Как-то на закате Саяханум опушкой леса возвращалась домой с огорода, где окучивала фасолевыми кусты. И вдруг увидела мужчину, лежащего на тропинке.

– Я вах²², не поможешь ли мне? – обратился он к ней.

– Сейчас, – ответила Саяханум и подошла поближе.

– Кажется, перелом, – страдальческим голосом сказал мужчина, указывая на свою правую ногу.

Мужчина выглядел беспомощным. Саяханум осторожно прикоснулась к его правой ноге. Он вскрикнул от боли.

22. Вах – сестра.

– Несколько дней тебе придется полежать, потребуется по- кой, – по обыкновению невозмутимо произнесла Саяханум.

– Я археолог, уже целую неделю нахожусь в этих краях. Се- годня должен был уехать в Баку. Как же мне теперь быть? Два часа я тут пролежал, но никто не появлялся. Благодарю Аллаха, что послал мне тебя. Вот что, я дам тебе денег – пожалуйста, найди кого-нибудь, кто поможет мне выбраться отсюда.

Мужчина вынул из кармана купюры и протянул Саяханум. Улыбнувшись, Саяханум отвела его руку.

– Пока я дойду до села и вернусь с кем-нибудь, наступит ночь. А тут скоро завоюют волки. Не дай Аллах, еще нападут на тебя.

– Как же мне быть, вах? – расстроился мужчина.

– Сейчас...

Произнеся привычное слово, Саяханум опустила на кор- точки. Подставив плечо, помогла мужчине встать на ноги. И не- ожидално взвалила его себе на спину, как ребенка. Сделала она это так быстро, что мужчина не успел и глазом моргнуть. Когда он, застыдившись, запротестовал, Саяханум спокойно сказала:

– Другого выхода нет, стха²³. Не стоит терять время, пора в путь.

Обескураженного мужчину поразила сила, которая чувствува- лась в руках этой хрупкой на вид женщины. А в сердце Саяханум пробуждалось незнакомое ей чувство, которое ее окрыляло.

Она шла, время от времени останавливаясь, чтобы передох- нуть. Мужчина – его звали Рухсат – рассказывал о себе. Ему тридцать четыре года, он одинок, окончил институт в Баку и там же живет.

Саяханум, слушая его, молила Аллаха, чтобы эта дорога не кончалась. Ей в жизни не выпадало дня лучше этого! От мужчины, впервые встретившегося ей, которого она несла на спине, в ее тело проникал непонятный для нее огонь. Но в

23. Стха – брат.

одном не было сомнения: этот огонь не доставлял боли, нет – напротив, он пробуждал чувство, заливающее смягчившееся сердце трепетным счастьем.

Ей никогда не доводилось говорить с женщиной. В жизни она близко видела только одного мужчину – отца. Боготворила его, преклонялась перед ним, боялась его. Никогда не делала ничего такого, что не понравилось бы отцу – не осмелилась бы даже подумать о подобном. Но и припомнить не могла, чтобы хоть раз о чем-нибудь толком поговорила с ним.

Да, впервые она почувствовала запах мужчины, отчего у нее запылали щеки.

Когда они дошли до дома, уже стемнело. Увидев ее с незнакомцем, Фаизат вытаращила глаза:

– Кто это, я руш?

Не успела Саяханум раскрыть рот, как заговорил Рухсат. Сильно конфузясь, он рассказал о том, что с ним приключилось. Пока мачеха и странный гость знакомились друг с другом, Саяханум подготовила в гостиной место, где он мог бы прилечь, затопила печь, замесила тесто. В гостиной она приложила к поврежденной ноге незнакомца тесто, обернув сверху нагретой чистой тряпкой.

– Дня два тебе придется полежать, не двигая ногой. А потом сможешь ходить.

Услышав такое, Фаизат удивилась. Саяханум дома почти никогда не было слышно. До сих пор к ней никто не приходил, не называл ее по имени. У нее не было подруг. И вот она притащила на спине домой незнакомца мужчину!

В течение этих двух дней Саяханум ухаживала за гостем, выказывая огромное радушие. С позволения мачехи зарезала курицу, сварила суп. Потом расстелила перед гостем скатерть. Сама из экономии не стала есть. Время от времени она приносила гостю чай. Безмолвно проявляя заботу, Саяханум забыла про отдых.

На третий день Саяханум сняла повязку с ноги гостя. Подставив плечо, помогла ему встать. Видя, что Рухсат, хоть и прихрамывая, уже держится на ногах, она пошла к соседскому парню и попросила его отвезти гостя на своей машине в город.

Уезжая, Рухсат подал руку своей благодетельнице и, глядя ей в глаза, сказал:

– Саяханум, я у тебя в неоплатном долгу. Ни от кого я не видел такой доброты! Этого я никогда не забуду. Ты славная девушка, да благословит тебя Аллах! – и поцеловал ее в щеку на глазах у всех.

Лучше бы он этого не делал! От поцелуя щека Саяханум запылала.

Рухсат вынул из кармана бумажку и протянул ее девушке:

– Здесь мой домашний адрес и телефон. Будешь в Баку – позвони обязательно!

Прощавшись с Фаизат и Саяханум, Рухсат сел в машину. «Вот он уедет, и больше я его никогда не увижу», – подумала Саяханум. Ей казалось, что ее сердце вот-вот разорвется или вырвется из груди. Хоть разок бы еще приблизиться к нему, сказать что-нибудь... Но она, не двигаясь с места, лишь тихо произнесла:

– Это ничего, что еще прихрамываешь. И на боль в ноге не обращай внимания. Через пару дней все пройдет...

Рухсат выглянул из окна машины, улыбнулся ей и помаhal рукой.

Машина тронулась, запылила по грунтовой дороге и скрылась за домами. Саяханум вдруг показалось, что это село – чужое, и люди – тоже чужие. И сама она уже не та, не прежняя Саяханум. Все изменилось, стало неродным.

Саяханум не помнила, когда она плакала в последний раз. Наверное, ее слезы давно иссохли от тоски одиночества и от печали по несуществующему для нее счастью. Но сейчас у

нее встал комок в горле. Ведь в этом огромном мире не было никого, кто сердцем болел бы за нее, кто считал бы ее родной. Она стремилась угодить всем, но до нее самой никому не было дела. Когда она болела и лежала в лихорадке, то закрывала глаза и думала о птицах небесных. Самым большим желанием Саяханум было обрести крылья. Порой она представляла, как летит птицей в облаках и смотрит сверху на земной мир...

Прижав правую ладонь ко все еще горячей щеке, Саяханум ускользнула в сад и там, за стогом, ничком упала на землю. Она плакала беззвучно, слезы лились ручьем, и она их не сдерживала. Перед ее взором неустанно стояло обросшее бородой, но светлое от улыбки лицо Рухсата. Мир для нее был пуст без него, все отступило куда-то далеко.

Она помнила каждое слово, произнесенное Рухсатом, каждый разговор с ним. Снова и снова повторяла его слова, адресованные ей, как выученные наизусть строки стихотворения, как слова любимой песни. Она любила его взгляд, улыбку, одежду, обувь. Все это для нее было дорого. Вспоминала, как чистила его ботинки, как стирала и сушила его носки. Тайком, лаская, гладила их. Вспоминая все это, она украдкой горько плакала.

Да, никому не было дела до Саяханум, никто о ней не думал, и она хорошо знала об этом. Она понимала, что навсегда останется для Рухсата лишь случайной знакомой. Разве он вспомнит о ней – такой невзрачной девушке? Эта мысль была мучительна, невыносима и делала ее несчастной.

С того дня Саяханум резко переменилась. Это ощущалось даже в ее осанке. Она не могла держаться прямо, как раньше. В глубине ее души словно что-то подломилось. Она превратилась в ходячую тень. Еще бы! Никогда не знавшая радости жизни, единожды вкусившая мгновение счастья, теперь она ко всему потеряла интерес. Порой она хваталась за сердце, но не придавала этому значения и, как обычно, молчала. Саяханум, которую

все привыкли видеть живой и энергичной, невозможно было узнать. В свои тридцать она выглядела пятидесятилетней.

Ее сестры удачно вышли замуж и жили благополучно. А дни Саяханум протекали по-прежнему в заботах об отце с мачехой. В ее жизни ничего не изменилось: тот же дом, те же дела... Так и проходили ее серые дни и ночи.

Каждый день, управившись с делами, она одиноко усаживалась где-нибудь в углу, обхватывала руками колени, опускала на них голову, закрывала глаза и предавалась сладким мечтам. К ней являлся образ Рухсата – ее всепоглощающее желание. Это были самые дорогие воспоминания в ее жизни. Она могла часами сидеть вот так, без движения.

Саяханум была признательна судьбе за то, что она наградила ее встречей с Рухсатом. Она благодарила Аллаха за то, что имела возможность в течение целых трех дней ухаживать за ним, слушать его, видеть его прекрасное лицо, наблюдать, как он ест и пьет, смотрит в окно. Без него она не знала бы, что значит любовь. Он украсил ее жизнь любовью и оставил ей невыносимую боль от этой любви. Рухсат был единственным светлым лучом в ее жизни.

Проходили дни, месяцы, годы, и границы ее мечтаний расширялись. Она старалась быстрее управиться с делами и уединиться в каком-нибудь углу. Как на работу, она спешила туда – в свой дом, выстроенный в мечтах.

В них она, в белом одеянии невесты, вышла замуж за Рухсата. Теперь он стал ее мужем, они жили в своем доме, где было много детей. Саяханум ласкала и голубила их. Муж гладил ее по волосам. Она готовила еду, потом они все дружно, большой семьей, сидели за столом и ужинали. Затем, полные блаженства, выходили в сад, сплошь засаженный цветами, и там все отдыхали... Как счастлива была Саяханум в такие минуты!

Ей было свойственно любить всех, кто ее окружал. Всем им

она преданно прислуживала. А отца любила особенно, буквально преклоняясь перед ним. Поэтому смерть отца непередаваемой болью отозвалась в сердце Саяханум. После этой утраты она долго не могла придти в себя.

Теперь они жили в большом доме вдвоем – Фаизат и ее падчерица Саяханум. Через два года после смерти отца мачеха слегла. Саяханум ухаживала за ней как за ребенком. Ночью расстилала свою постель на полу, у ее ног, чтобы, если вдруг мачехе что-то понадобится, та могла бы ее разбудить.

Саяханум выглядела старше своей мачехи. Глаза ее стали плохо видеть, она уже не могла работать иголкой. Занимаясь домашними делами, она быстро уставала, но по-прежнему продолжала вести домашнее хозяйство: держала корову, работала в огороде.

Однажды Фаизат заболела и чуть не умерла. От страха Саяханум показалось, что на нее рушатся стены дома. Мачеха была ее единственной опорой. Никто из сестер не любил Саяханум – они стеснялись своей старшей сестры. Навещая отцовский дом, они будто не замечали ее. Казалось, что они не желают видеть ее и даже слышать ее голос. Подобно самой Фаизат, они обращались с Саяханум как со служанкой. Фаизат же ни разу не упрекнула дочерей за такое отношение к единокровной сестре.

Саяханум, не умеющая обижаться на кого-либо, не придавала этому значения – напротив, старалась больше уделять внимания сестрам, которые сторонились ее. Они приносили ей паласы и ковры для стирки, матрасы и подушки, чтобы она перебрала в них шерсть, поручали ей и другие дела. Саяханум ни в чем им не отказывала – охотно стирала их вещи, высушивала, отутюживала и возвращала обратно. Когда сестры оставались довольны ею, она радовалась, что сумела угодить родным. Подобные мелкие радости составляли смысл ее жизни. В целом сестры были

довольны тем, что Саяханум заботится об их матери, что позволяло им не утруждать себя посещением родительского дома...

Три дня длились как три года. Все это время Саяханум вымаливала у Всевышнего выздоровления для мачехи. На третий день Фаизат пришла в себя. Открыв глаза, она увидела стоявшую над ней Саяханум. Вдруг у мачехи на глаза навернулись слезы, она с трудом подняла исхудавшие руки и протянула их к падчерице. Но та не поняла ее. И тогда Фаизат прерывающимся голосом сказала:

– Чан Саяханум, наклонись ко мне...

Падчерица так и сделала. Фаизат неожиданно для Саяханум прижала ее к себе и расцеловала ее впалые щеки.

Потрясенная таким поступком Саяханум не могла поверить в то, что видели ее глаза, и в то, что слышали ее уши. Ее мозг отказывался понимать действия мачехи, ее невиданную ласку, ведь за всю жизнь Саяханум слова доброго не слыхала от этой женщины. Та даже ни разу не погладила ее по голове. От Фаизат, щедрой на ласки собственным детям, Саяханум ни разу не слышала слова «чан» – ни в детстве, ни в зрелом возрасте. Что же теперь происходит со старухой?

Саяханум печально смотрела на старую немощную женщину, лежавшую перед ней. Она не могла вникнуть в ее мысли, понять ее. «Всю жизнь меня ни во что не ставила, а теперь вдруг подобрела?» Это кольнуло Саяханум в самое сердце, вызвало чувство протеста в ее душе: «На что мне теперь ее ласки?»

Фаизат умоляюще смотрела на Саяханум. Возможно, впервые в жизни она задумалась о своей падчерице и о том, о чем до сих пор думать было как-то некогда. Она не находила времени для проявления мало-мальской заботы о девочке, которую родила другая. Не думала, что наряду с родными дочерьми надо было и ее жизнь устроить. Поняла ли она теперь, что именно по ее вине эта мученица – сирота, оказавшаяся в ее

власти, никогда никому не перечившая, не знавшая жизни за пределами своего дома – не свила своего гнезда и состарилась в отцовском доме? Почему только теперь она поняла все это? Почему до сих пор ни одна струнка не дрогнула в ее душе? Почему в ее сердце не вспыхнула хотя бы искорка любви к этой несчастной? Почему по отношению к падчерице она всегда была бесчувственной, как камень?

Перед глазами Фаизат промелькнули фрагменты жизни Саяханум. Та всегда была в хлопотах, никогда ничего не просила и не жаловалась, безмолвно принимая отпущенное ей судьбой. В большом двухэтажном доме, среди большой семьи, она проводила свои дни в одиночестве. Не равнодушие ли Фаизат было причиной того, что Саяханум стала несчастной? Ведь человек дарит ласку и внимание даже кошке или собаке, живущей рядом с ним. В чем была повинна эта бедняжка, которая покорно находилась там, куда ее забросила жизнь?словно метла: куда поставили – там и стоит... Почему ее так обделила судьба?

Фаизат пристально вглядывалась в иссохшее, морщинистое лицо состарившейся Саяханум, словно впервые ее видела. В первый раз в жизни Фаизат захотелось услышать голос ее сердца...

Она вспомнила то время, когда ее старшая дочь Сахибат была еще младенцем. Саяханум тогда только что исполнилось три годика. Фаизат держала Сахибат на руках, а Саяханум цеплялась за подол ее платья. Однажды Фаизат чуть было не наступила на нее. Со злостью оттолкнув девочку, она крикнула:

– А ну отойди от меня!

Саяханум упала и ударилась головой о камень. Она вся побледнела, и ее маленькое тельце выглядело бездыханным... Придя в себя на руках у Фаизат, она заплакала. С того дня девочка больше не цеплялась за подол ее платья.

Эта картина встала перед глазами Фаизат так, как будто все

происходило сейчас. Сердце пронзила боль. С трудом приподнявшись и все еще держа падчерицу за руки, она выкрикнула:

– Саяханум, твоя азба²⁴ убивает меня!

Уставившись на нее потухшими, запавшими глазами, Саяханум молчала. Непонятное поведение мачехи вызывало у нее досаду. Она не привыкла слышать от нее такие слова, и потому чувствовала себя как на иголках. Сейчас она желала только одного: чтобы мачеха поскорее выздоровела и встала на ноги. Ей, Саяханум, не под силу одной справляться с домашними делами. И дома, и в огороде накопилось много работы.

Возможно, Фаизат угадала ее мысли, и оттого пришла в еще большее смятение. Сейчас ей ничего не нужно было от Саяханум, кроме теплых слов. Ее родные дети жили вдали от нее. Из четырех дочерей не оказалось ни одной, кто сердцем болел бы за мать, откликнулся бы на ее зов. Ее дети выросли бесчувственными – ничего не знали, кроме собственных забот своего дома, своей семьи. Мысли об этом не покидали Фаизат. Она познала боль одиночества, поняла, что значит быть покинутым родными. Почему же так сложилось? Ответ на этот вопрос, она, быть может, нашла только теперь – одновременно с наступившим пониманием того, какой грех она взяла на душу.

– Саяханум, скажи правду, ты прокляла меня? Иначе мои дочери не отдалились бы от меня. Они не выросли бы такими холодными!

Саяханум не знала, что значит не любить кого-либо. А проклинать кого-то ей и на ум никогда не приходило. Она недоуменно посмотрела на мачеху, как бы безмолвно вопрошая: «О чем ты? Как ты могла так подумать?» Не ответив, она вышла из комнаты.

Через некоторое время она принесла мачехе чай и спокойно сказала:

24. Азба – здесь: проклятье.

– Выпей, тебе полегчает.

Старуха удивленными глазами смотрела на нее, ловила ее взгляд, ища в нем милосердие. Но впервые, как ей казалось, глаза Саяханум будто заледенели – они обдавали ее холодом. Лихорадочная дрожь пробежала по телу Фаизат.

– Почему ты так усердно ухаживаешь за мной, разве ты не устала? Почему ты не любишь себя хотя бы немного? Что ты за человек? Разве у тебя нет души? Почему ты не научилась ценить себя? Почему ты позволяла мне издеваться над собой? – взывала старуха.

Саяханум никак не реагировала на ее слова, даже не дрогнула, будто они и не относились к ней. Она молча ушла в хъран кІвал²⁵ – в этот закуток, долгие годы служивший ей укромным уголком. Сейчас она не могла думать ни о чем другом, так как настал тот час, когда она, по обыкновению, предавалась своим сладким мечтам. Здесь ее поджидала любимая семья, ласковый муж Рухсат, их две дочери и два сына. Саяханум предстояло приготовить им ужин, рассказать сказку самому младшему сыну – Таибу. Каждый вечер она убаюкивала его новыми сказками, иначе он никак не мог уснуть.

Она прилегла на овчинный тулуп, расстеленный у холодной печи. Лицо женщины светилось счастьем. Порой ее губы трогала улыбка: она говорила со своими детьми. А когда Рухсат погладил по волосам, Саяханум блаженно закрыла глаза.

Услышав душераздирающий крик, доносящийся из дома, Саяханум вздрогнула и выбежала во двор. Мачеха, упавшая с постели, лежала на полу: глаза ее все еще были открыты.

Земля ушла из-под ног Саяханум. Она винила себя в том, что ее не было рядом, когда отлетала душа Фаизат. Она не могла поверить в то, что мачехи больше нет. Ведь Саяханум была привязана к ней, как собака к своему хозяину. Всевышний дал

25. Хъран кІвал – пристройка для выпечки хлеба.

ей последнюю пощечину. Саяханум дошла до той черты, за которой уже ничего не было. В огромном мире у нее больше никого не осталось.

До сих пор не видевшая ни от кого никакой помощи – напротив, сама всем ее оказывавшая, – она довольствовалась тем, что ей было достаточно и воздуха, которым дышали ее родные. Теперь не осталось и этого воздуха. За что же разгневался на нее Всевышний? За что насыляет на нее горести и муки?

Но со временем Саяханум привыкла к своему одиночеству. Эта привычка далась ей без труда, ведь и среди родных она всегда была одинока.

Однажды, когда она в очередной раз пребывала в мире сладких грез, ей вдруг вспомнилась оставленная Рухсатом бумажка, на которой он собственной рукой написал адрес и телефон. А может, повидаться и поговорить с ним? Эта мысль не покидала ее. И Саяханум впервые в жизни отправилась в Баку. Несколько часов пути в автобусе – и вот она в городе. На такси она поехала по адресу, указанному на бумажке.

Сердце колотилось, руки неудержимо дрожали, когда она постучалась в дверь. Ей открыла неопишимо красивая девушка лет семнадцати-восемнадцати.

– Это квартира Рухсата? – спросила Саяханум.

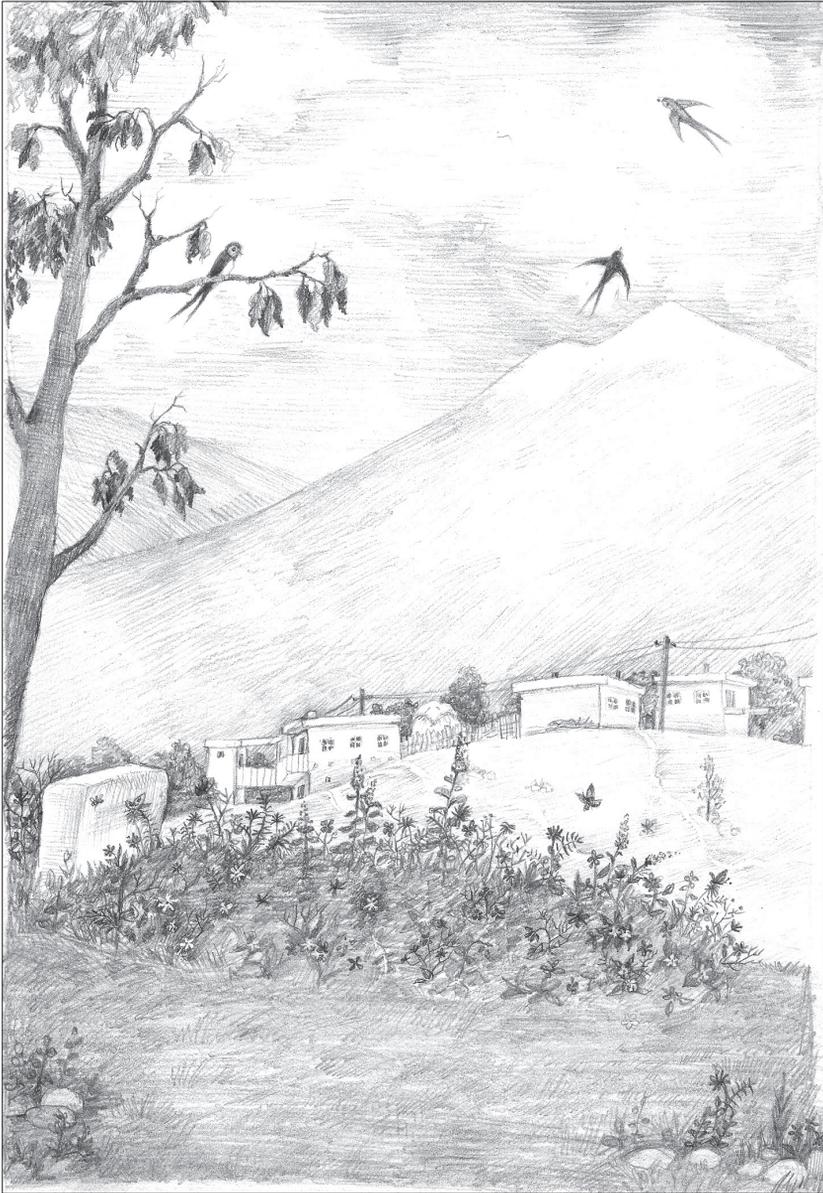
– Да, его квартира, а я его дочь, – ответила девушка. – А вы кто? На их голоса в прихожую выглянул седовласый мужчина.

– Кто там?

От его голоса сердце Саяханум замерло. Это был он – изменившийся, состарившийся и располневший Рухсат. Чтобы не упасть, Саяханум прислонилась к стене.

– Тетя, кто вам нужен? – спросил Рухсат. Следом за ним появилась миловидная женщина – наверное, жена.

Печально смотрела Саяханум на этих троих и не находила слов, чтобы заговорить. Открыла было рот, но вдруг, придя в

смущение, постеснялась назвать себя. Запнувшись, она наконец произнесла:

– Извините меня, дети мои. Я ищу квартиру своего сына. Кажется, он живет в соседнем доме, я перепутала адрес.

Она невольно заглянула вовнутрь. Посреди просторной, красиво обставленной комнаты стоял большой круглый стол, накрытый белой скатертью. Оттуда доносился запах вкусного обеда. Но не этот аромат обжег ее сердце – из квартиры веяло ароматом счастья. Взглянув еще раз на Рухсата, она отвернулась и стала спускаться по лестнице.

В тот же день Саяханум вернулась в село. За один этот день она так состарилась, что увидевшие ее на улице соседки ахнули:

– Наверное, не может перенести разлуку с мачехой...

Теперь у Саяханум не осталось в жизни никакого желания. Ничто больше не удерживало ее на свете. Она лишилась самого дорогого из того, что имела. Дом любви, столько лет дававший ей жизненные силы, рухнул. Ничего не осталось от этого дома: ни мужа, ни детей, ни любви. Теперь она не могла предаваться прежним мечтам – она их стыдилась.

Саяханум перестала есть и пить. Корову и овец она давно отдала такой же несчастной, как и сама, женщине, которая два раза в неделю приносила ей молока.

Однажды Саяханум легла спать и больше не проснулась. Душа этой женщины, покорно прожившей жизнь, птицей вылетела из обезлюдевшего дома. Сельчане похоронили ее. Не было никого, кто оплакал бы ее.

С тех пор прошло много лет. На ее могиле не поставили камня, не написали имени, но все хорошо знают это место. С ранней весны до поздней осени на этой могиле распускаются цветы, один красивее другого. На всем кладбище ни на одной другой могиле не растут такие цветы. Они – словно несбывшиеся мечты Саяханум...

Пропавший дневник
(Роман)

Пролог

Лучше бы я не умела писать! Лучше бы не было у меня дара стихотворца! Лучше бы у меня не было желания записывать в дневник все сокровенное, что со мной происходило! Лучше бы я вовсе не знала, что на свете существует такая вещь, как дневник! Была бы, как все остальные дети...

Но нет же, я вела дневник. Старательно излагала там все происходящее со мной. Записывала красивым почерком, словами, исходящими из сердца и излучающими свет. Записывала то, о чем нельзя было говорить другим, делилась чувствами, которые не осмеливалась высказать открыто. Дневник повествовал о мыслях и наблюдениях, о сладких грезах тринадцатилетней девочки.

О чем-нибудь да писать меня тянуло неодолимо. В день, когда по какой-либо причине мне не удавалось открыть свою заветную тетрадь, я ходила как потерянная. И не успокаивалась, пока не бралась за ручку. В дневнике я выясняла отношения с теми, кто меня обидел, и с теми, кто обижался на меня. Для работы с дневником я всегда выискивала укромный уголок, почему-то стесняясь братья за него при отце с матерью или при сестрах и братьях.

Больше всего я любила оставаться наедине с дневником ночью, когда все домашние засыпали. У меня вошло в привычку делиться своими сердечными тайнами с этой толстенькой тетрадью в темно-коричневой дерматиновой обложке. Она стала

для меня самым близким на свете другом, которому, не таясь, можно было рассказать обо всем. Мне нравилось перелистывать страницы и заглядывать в предыдущие записи – я перечитывала их как увлекательный роман. В них были радость и печаль, веселье и горечь. Как мне нравились эти записи, которые говорили о том, что происходило со мной! Мне казалось, что мои строки источают животворный сок, слова в них расцветивались и оживали. Перечитывая их, я то улыбалась, то утирала слезы.

Собственные рассуждения в дневнике – о моей семье, о ребятах с нашей улицы, о школьных делах – представлялись мне каким-то другим миром. Одних я в том мире осуждала, других – увещевала, а третьими – восхищалась. Говорила и о себе, разбирая свои ошибки, устраивала над собой суд. Словом, вся моя жизнь, как она есть, перетекала в дневник.

Однако дневник прибавил мне немало хлопот. И какую сердечную боль в итоге причинил! Мне постоянно приходилось быть начеку, чтобы он не попался на глаза моим домашним. Вечной заботой стало прятать тетрадь. Но где и как? Разве укроешь что-либо от домашних, особенно от Саяд? Она во все глаза следила за мной! Узнав, что я что-то тайком записываю в дневник, она потеряла покой и изо всех сил старалась добраться до него. Кажется, о моей тайне она не преминула сообщить остальным домашним.

Утаивать тетрадь от чужих взоров было непростой задачей. Приходилось прятать ее то в матрасе, набитом шерстью, то в стенной нише среди неиспользуемой посуды в комнате-хлебопечке, то в одном из нижних помещений за доской, прибитой к стене, на которой висело большое зеркало. Часто я прятала ее между сложенными в стопку одеялами в спальном комнате. Иногда, замечая следы, запикивала ее в щель над дверью хлеба. Однако Саяд словно нюхом чужая, где мог находиться мой

дневник. Я, конечно, старалась не дать маху и всякий раз находила для него другое место. Но она упорно шла по следу. Что же мне было делать?

Наконец, я придумала завести другой, подложный дневник. Подобрала тетрадь такой же толщины и цвета обложки. По содержанию новый дневник совершенно разнился со старым: я записывала в него свои мысли только о тех случаях, когда домашние меня чем-то обижали. Таким образом я старалась «прочитать» родных, удержать их от несправедливостей по отношению ко мне. Иногда подложный дневник, «забытый» мной, оказывался почти на виду – в моей постели или в книжном шкафу. Саяд, находя его, тут же прочитывала и передавала матери. О том, что кто-то брал мой дневник, я узнавала по особым меткам, которые делала, но вела себя так, как будто ни о чем не догадывалась. Неизвестно, кто из нас кого обманывал, но эта игра продолжалась довольно долго.

О том, что я веду дневник, узнали и мои одноклассники. В школе тоже нашлось немало таких, кто, подобно Саяд, жаждал узнать, о чем я там пишу. Они теребили меня расспросами, но я упорно отмалчивалась.

Лучше бы я не вела дневник! Лучше бы я не делала записей обо всем происходящем красивым почерком в толстую тетрадь! Тогда бы не случилось того, что случилось...

За неделю до того, как я окончила седьмой класс, мой дневник исчез. Это произошло в школе. На последнем уроке, не найдя в портфеле общей тетради в темно-коричневой обложке, я разволновалась. Вывалила на парту все содержимое портфеля... Дневника как не бывало! Пошарила и в портфеле сидевшего рядом со мной безобидного Шинца, но моей тетради там не было. Я окинула взглядом одноклассников. Все в полном молчании слушали учителя Зикруллаха.

На меня как будто обрушилось небо! Я не знала, как быть: завопить, заплакать, затопать ногами, осыпать всех проклятиями? Ведь, без сомнения, кто-то вытащил дневник из моего портфеля! Но что делать, как об этом заявить? Из глаз моих ручьем полились слезы, и это тут же заметил учитель Зикруллах. Разве я могла солгать ему? Кто бы осмелился на такое? Но как ему сказать, что у меня исчез дневник? Не засмеют ли ребята? Пристанут: что там за тайны у тебя? Что подумает обо мне сам учитель? Скажет: нехорошо заниматься дневником, вместо того, чтобы учить уроки!

– Кто-то украл из моего портфеля тетрадь со стихами, – наконец выдавила я из себя.

Услышав это, учитель разразился сердитой тирадой о том, что нет ничего на свете хуже воровства. Высокий, крепко сложенный, он что-то говорил и говорил классу, грозя длинным тонким пальцем.

О том, что я пишу стихи, в школе знали все. И это возвышало меня в глазах окружающих. Весть о пропаже моей тетради стихов неприятно впечатлила и учителей, и учащихся.

Учитель Зикруллах был серьезно настроен найти и вернуть мне тетрадь. О случившемся узнал и директор школы. Но что толку? Того, кто взял тетрадь, так и не сумели выявить.

Я была безутешна. Саяд доложила обо всем нашим домашним, и мать с отцом старались, как могли, успокоить меня. Но я не приходила в себя и целых два дня лежала пластом.

Шли дни, а горе мое не утихало. Было ясно, что тетрадь украли. Но кто? Случись это дома, я сразу заподозрила бы Саяд. Но в тот день я точно взяла дневник с собой в школу – помню даже, что на перемене сделала в нем очередную запись... Сколько имен упоминалось в моем дневнике! Да разве только имен? А теперь кто-то, читая его, смеется надо мной! Вот что не давало покоя моему сердцу...

Спустя несколько дней дом взбудоражили крики Саяд:

– Муштулух!²⁶ Муштулух!

Она держала в руках мой подложный дневник. Видя, что я ничуть не обрадовалась, она подколола меня:

– Значит, это не та тетрадь? Я знала, что ты скрытная, но не думала, что ты еще и обманщица.

И, со злостью швырнув в меня тетрадь, удалилась. Мать, услышав ее слова, молча покачала головой.

Через два дня мать купила мне общую тетрадь в красивой зеленой обложке.

– Пусть это будет твой новый дневник, – сказала она.

Мои глаза наполнились слезами:

– А как же все мои записи?

Не дослушав ее, я убежала в сад. В стожке за сливовым деревом у меня было свое «гнездо». Я залезла туда и разрыдалась.

Так пропал мой дневник. Но некоторые записи на разрозненных листах из него, словно подхваченные ветром, частенько летают на меня...

26. Муштулух – радостная весть; награда за такую весть.

1. Следы старины

*М*ы, дети, расположившись рядком на зеленом косогоре, расцвеченном белыми цветами, придумали новую игру. Я, МахитІ, ХацІ, ШапІ, МутІ, ТІатІи, ТутІус и ПІинцІ²⁷ должны были выбрать между собой того, кто лучше всех произнесет скороговорку. Победителю предстояло судить все сегодняшние игры...

В ту пору у всех у нас были прозвища. В наших Кусарах немислимо было представить человека без прозвища. И оказывались они такими подходящими, что никто ни на кого не обижался. До того, как я пошла в школу, мне и в голову не приходило, что настоящее имя МахитІ – Магият, ХацІ – Халиса, ШапІ – Шапери, МутІа – Мухйеддин, ТІатІи – Теймурхан, ПІинцІа – Пирмурад. Все мы учились в одном классе, только МахитІ и ТІатІи – на класс старше. Помню, когда в первый день в школе учитель по журналу назвал мое имя – Азгар, все засмеялись:

– Ее зовут КІампІул²⁸! – дружно закричали они...

Итак, дети наперебой произносили скороговорки. Начал МутІ:

*Эгеле-геле,
Дюгма хиле,
Исин татар,
Карма хатар,
Гаджинна,
Густанна,*

27. В некоторых словах в романе (чаще именах собственных) сохранено оригинальное написание на лезгинском языке, с учетом гортанных согласных.

28. КІампІул – здесь: черный комочек.

*Кундугуна,
Берхатар²⁹...*

МахитІ не дала ему закончить:

*Салбазари,
Вар кацари,
Далдамишар,
Кимир-кашар,
Кишинишар,
Ахач-хихач,
Куцьий Сумбач!*

Последние слова заставили всех закатиться смехом. Подключился ТатІ:

*Икир-микир,
Нефтур-недур,
Чила-пила,
Чарт-парт!*

Настала моя очередь:

Серкер-мерквер, кинца пинц!

Следом за мной ХацІ:

Маимаша-маш, и мне маш, и тебе маш!

ТутІус, в свою очередь, лениво произнес:

А зари-зари, в Дербенте на базаре.

Сестренка у тебя, выдашь ее за меня?

Разве могла смолчать МахитІ, большая выдумщица? Она начала, как обычно, выстреливать скороговорки одну за другой:

29. Здесь и далее – импровизированные детские скороговорки, большей частью без ясного смысла и непереводимые.

*Цып-цып, цыплята!
Обворовали Партиа...*

Это сразу же вызвало смех. Ее скороговорки были длиннющими, и слушать их приходилось терпеливо.

Я вспомнила однажды услышанное от отца:

*Купни-камца, купни-камца,
Камню – железная кирка!*

Самыми заумными скороговорками удивляла Хаці:

*Мах-махутал,
Бах-нахутал,
Кочик-кутал.
Чесноком натерли,
Съели.
Кошкиным хвостом
Утерлись...*

Вот так мы, раззадоривая друг друга, вспоминали скороговорки. Наши веселые, беззаботные голоса разносились за версту. Только Шинці – маленький, худенький мальчик – молча сидел поодаль и слушал остальных. Почему-то его вид вызвал у всех улыбку.

– Эй, Шинці, а ты разве не знаешь скороговорок? – как обычно пренебрежительно обратился к нему ТатИ.

– Почему не знаю? Знаю!

– Скажи-ка!

– Скажу...

– Не тяни же, давай быстрее!

Шинці выдал из себя:

Шерлорохус-холмухус...

Услышав, как переименовали Шерлока Холмса, ребята так и покатались...

Каких только скороговорок не знали дети! Как они были красноречивы! Ого, с какой стороны выглянуло солнце? В этой игре каким-то чудом на этот раз победила МахитІ. Ведь обычно победа доставалась ПІаТІи или МутІу – разве утонишься за их языками?

ПІаТІи, привстав, громко объявил о победе МахитІ:

– Победу одержала МахитІ, аплодисменты ей! Теперь она у нас за судьбу.

Услышав аплодисменты и обрадовавшись за МахитІ, я от восторга несколько раз перекувыркнулась через голову. Она пошла и заняла назначенное для такого случая место – на толстом пеньке спиленного дуба на верху косогора. Ребята, не щадя себя, состязались за право восседать на нем. Чаще всего такое право выпадало ПІаТІи – ох уж этот чертенок, чего он только не умел и не знал! На язык он был так остер, что никто не осмеливался вступать с ним в спор.

Вот, наконец, и для МахитІ наступил праздник! Она уселась на место судьи, закинув ногу на ногу. В ту пору любимой забавой ребят была борьба. Состязания проходили бурно, каждый держался из последних сил, чтобы не коснуться спиной земли. Бывало всякое: и разорванная одежда, и ссадины на носу, и распухшая губа... Так было и в тот день. Состязались один на один, победивший тут же продолжал бой с третьим.

Как обычно, до конца игры дошли МутІ и ПІаТІи. Они обхватили друг друга за шею и, как горные козлы, столкнулись лбами. Ни один не мог повалить другого и ни один не хотел сдаваться. Так случилось, что от резкого движения МутІа рукав изношенной рубашки ПІаТІи оторвался у плеча и отлетел в сторону. ПІаТІи, разозлившись, как держал МутІа за шею, так и грохнулся вместе с ним на землю. Свившись и переплетаясь руками и ногами, они долго кувыркались по земле.

Дети криками подзадоривали их. Трудно было понять, кто

же из этих двоих сильнее. Однако когда борьба затянулась, мы встревожились и стали их разнимать. МахитI, топая ногами, кричала своим тонким голосом:

– Остановитесь! Вставайте!

Но судью никто не слушал. Мальчики, видимо, решились биться до победного конца. Они покатались к узкому оврагу, поросшему на дне ежевикой. А вдруг свалятся туда? Еще переломают себе руки-ноги! Подбадривающие голоса детей смолкли. Теперь все, испугавшись, молча ждали, чем же закончится эта схватка.

Вопль МахитI потряс нас. И тут же мы увидели, что ПатИи с МутIом живым клубком скатились в заросли ежевики и скрылись из виду. Мы разволновались и с тревогой стали ждать их появления. Затем, испуганные, побежали в их сторону. Мальчики как сквозь землю провалились – их нигде не было видно. Обомлев от страха, мы не знали, что делать. Наконец, вооружившись палками, полезли в заросли.

Вдруг до нас, словно из ямы, донесся голос МутIа:

– Чан диде! – кричал он.

– МутI, где же ты? – дрожа, закричала МахитI.

Затем раздалось оханье ПатИи.

Раздвинув палками заросли, мы разглядели глубокую яму, в которую угодили мальчики.

– ПатИи! МутI! – позвали мы.

Они сразу же откликнулись.

– Тут так темно! Не знаем, как выбраться! – закричал ПатИи.

Топча заросли ежевики, мы приблизились к

краю ямы, но ничего не сумели в ней разглядеть. До нас донесся стон МутІа, потом заговорил ТатІи:

– Ребята, МутІ, кажется, сломал ногу. Найдите палку подлиннее. Попробуем выбраться отсюда.

Но откуда взять такую палку? Ведь у нас нет с собой ножа...

Пошарив в зарослях, мы с пустыми руками вернулись обратно. И тут Шинці воскликнул:

– Ребята, посмотрите туда! Это ведь подпорки под фасоль торчат в том огороде.

Мы посмотрели – да, Шинці не ошибся. Немного погодя мы связали рубашками мальчишек несколько палок, выдернутых из фасолевых грядок, и опустили в яму. Однако это не помогло – она оказалась глубже, чем мы думали. В конце концов мы убедились: без лестницы нам не обойтись. Так как дом Шинціа находился ближе всех, за лестницей мы послали его с ТутІусом.

Дневная жара уже спала, порой налетал прохладный ветерок, день клонился к вечеру.

– ТатІи, ты не боишься? – закричала я в яму.

– Тут как в могиле... Но я же не один, со мной МутІ.

– А что там за место?

– Здесь темно, плохо видно.

МахитІ заворчала так, как это умела делать только она одна:

– Какого черта вы там оказались? Балбесы, вцепились друг в друга, как пиявки! А если бы мы не нашли вас?

– Словами тут не поможешь – нужно действовать, – по-взрослому рассудительно ответил ТатІи.

В сторонке от всех о чем-то беседовали побледневшие ШапІ и ХацІ. ШапІ говорила с таким азартом, что ХацІ уставилась на нее округлившимися от страха зелеными глазами. Незаметно приблизившись, я стала подслушивать их разговор.

– А ты знаешь, что люди говорят, ХацІ? На этой дороге, по которой мы пришли, в сумерках людей преследуют черепа.

Каждый вечер на закате они выходят из могил и спешат поиграться с людьми. Валлагь-биллагь³⁰, моя бабушка однажды своими глазами видела, как ее преследовал череп! Не веришь? Хочешь, поклянусь? Клянусь всеми святыми! А однажды, когда я возвращалась с огорода, за мной тоже увязался череп и допрыгал до самого холма КьенчЕб...

– Да ну тебя, ШапІ, чего ты только не видела! Зачем ты мне это рассказала? Теперь я от страха не смогу проходить мимо кладбища, – голос ХацІ задрожал.

– Эй, ШапІ, опять язык распустила? Зачем ты пугаешь ХацІ? – подступила я к ней, хотя от услышанного мне и самой стало не по себе.

От вечернего ветерка и доносящихся из глубины леса птичьих голосов нам становилось все более жутко. В глазах детей таился с трудом скрываемый страх. Пытаясь развлечь нас, МахитІ крикнула вниз, в яму:

– МутІ, а ты можешь быстро произнести: «Мехцве кьуьк, мехцве кьуьк»³¹?!

МутІу, наверное, было не до шуток, но он ответил севшим голосом:

*Зунни вун юлдашар,
Чантадавай машмашар.
Машмашар чкІана,
Зунни вун ккІана.³²*

Прошло немало времени, пока запыхавшиеся ПинцІ с ТутІу-сом вернулись, таща длинную лестницу.

30. Валлагь-биллагь – ей-богу.

31. Вилы в сарае, вилы в сарае.

32. Ты да я – мы друзья,
В сумке абрикосы.
Абрикосы рассыпались,
А друзья рассорились.

– Вы как сквозь землю провалились! В Дагестан, что ли, ездили за лестницей? – МахитІ не упустила случая подколоть ребят.

– Отец был дома. Отругал бы, если увидел. Пришлось перекинуть лестницу на дорогу через ограду, а оттуда уже нести сюда, – пояснил Пинці.

Он показал нам фонарик на батарееке, который прихватил с собой. Мы очень обрадовались.

Лестницу, длиной метров в пять, мы опустили в яму. Сначала вылез МутІ, а за ним и ТатІи. Потом я и Пинці спустились вниз. Пинці включил фонарь. От увиденного мы остолбенели. Стены ямы, размером с небольшую комнату, были обмазаны глиной. В углу стоял большой кувшин для хранения зерна, более полутора метров в высоту. Кругом были разбросаны глиняные миски, ковши и кувшины.

– Надо обязательно сообщить учителю Зикруллаху! Он хорошо разбирается в таких вещах, – сказала я.

Посоветовавшись, мы решили оставить лестницу здесь. Мальчики по очереди несли на спине МутІа.

Наконец добрались до его дома. Гарифат, бабушка МутІа, взглянув на осунувшееся лицо внука, погладила его больную ногу, а потом вдруг резко дернула ее обеими руками и крепко сжала.

На вопли МутІа из дома выскочили его отец Имиралі, мать Назлу и младшие сестренки. А лицо старухи озарилось улыбкой:

– Вставай, лоботряс, ничего с тобой не случилось!

МутІ боязливо ступил на ногу, а когда понял, что она уже не болит, повис на шее у бабушки:

– Чан баде!

Старушка повернулась к удивленным домочадцам, которые смотрели, ничего не понимая:

– Ребенок, оказывается, вывихнул ногу.

Она сказала это спокойно, как будто ничего особенного не случилось, и мы почувствовали огромное облегчение.

Уже наступала ночь, но мы никак не хотели расходиться – всё не могли успокоиться, возвращаясь мыслями к происшедшему.

– Давайте сейчас же пойдем к учителю, – опять предложила я. – Расскажем ему о яме.

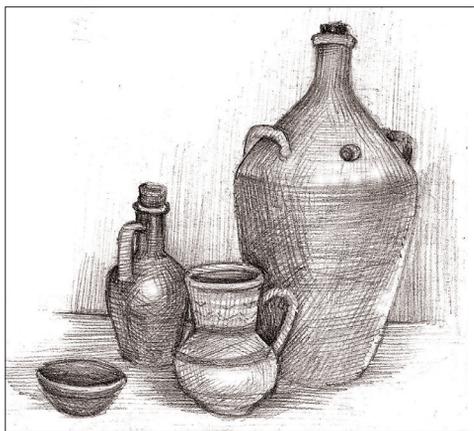
– Сегодня уже поздно – сходим к нему завтра утром и доложим все как есть, – сказали ребята.

Учитель Зикруллах преподавал в нашей школе историю. Мы его обожали. За то, что он был хорошим педагогом и добрым человеком, его любили и ученики, и коллеги. Никто не знал о прошлом нашего края лучше него. Ему была знакома в районе каждая пядь земли. Он обязательно появлялся там, где обнаруживались следы старины. В поисках памятников древности он часто устраивал экскурсии с детьми в поля, в леса, в горы – к руинам и развалинам старинных сел. Он мог часами без усталости рассказывать об истории нашего края, о его древних крепостях и поселениях.

Увидев рано утром за воротами целую группу детей, учитель удивился и, улыбнувшись, спросил:

– Что случилось? Или вы нашли клад?

Прерывая друг друга, приукрашивая пережитое нами событие, мы рассказали ему о вчерашнем.

Внимательно выслушав нас, он призадумался, а потом сказал:

– Подождите-ка, сейчас я переоденусь, и мы вместе отправимся туда.

Вскоре он вышел из дома с фотоаппаратом и большим фонарем, и мы все направились на вчерашнее место. По настоянию учителя в яму вместе

с ним спустились ПатИ, МутI и я. Остальным детям он наказал ждать наверху.

– Будем спускаться по очереди – на случай, если, упаси Аллах, произойдет что-то непредвиденное и потребуется ваша помощь, – подбодрил он оставшихся наверху детей.

Спустившись в яму, он включил фонарь и увидел то же самое, что мы видели вчера: небольшое помещение с обмазанными глиной стенами. Осмотрев кувшин, он сказал:

– Это погребальный сосуд. Помните, я вам рассказывал: в старину людей хоронили в таких глиняных сосудах в вертикальном положении.

Заметив, что нам стало не по себе, он засмеялся:

– Не надо бояться – в нем остались одни лишь кости.

Потом добавил:

– Не может быть, чтобы здесь не было и других таких подземелий.

Он оперся было о стену, и вдруг она обрушилась. Учитель Зикруллах с трудом удержался на ногах. Когда осела пыль, он посветил фонарем в образовавшийся проем: перед нами открылся небольшой тоннель. Весь он до конца состоял из таких же помещений, как то, в котором находились мы. И везде валялась глиняная посуда. В продолговатых нишах лежали кости. Интересно было разглядывать старинное боевое снаряжение. Мы осторожно продвинулись вперед на несколько шагов, и тут учитель сказал:

– Это древнее захоронение, дети. Надо немедленно сообщить о нем археологам в Баку. Это неоценимая находка для науки.

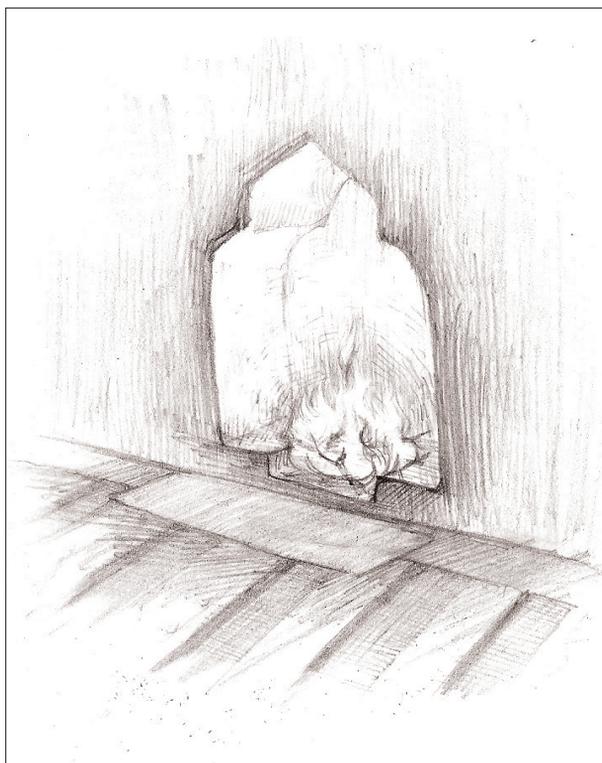
Выбравшись наверх, мы увидели в руках учителя глиняную миску и горшочек.

– А это мы оставим в школьном музее, – сказал он.

Уже на следующий день о нашей находке знали во всем

районе. Происшествие сделало нас знаменитыми – все только и говорили, что о нас. От желающих увидеть захоронение не было отбоя. По указанию учителя Зикруллаха мы надежно замаскировали яму ветками. И до прибытия археологов никому не рассказывали, где она.

Через месяц в наш район прибыла большая группа археологов из Академии наук. Они тотчас же приступили к раскопкам, в которых им помогали и мы. Через две недели обнажились древние захоронения, вытянувшиеся метров на десять. Больше всех радовались ТатИи с МутИом, ведь именно благодаря им обнаружили эти следы старины.

2. Мурмуржин

В летние месяцы кусарцы больше всего любили ходить по вечерам в кино. Открытый кинотеатр, окруженный старыми дубами, располагался в центре города, в парке. Фильмы здесь показывали с начала мая и до конца августа, пока в школах не начинались занятия. В ту пору я, как и все остальные дети, страстно мечтала попасть вместе со взрослыми на вечерний сеанс в кино. В день посещения кинотеатра нами овладевало особое настроение, радость окрыляла нас.

Но вот незадача: при упоминании о кино старшие оказывались непрошибаемыми. Замучаешься, пока выпросишь у них сорок копеек. Впрочем, в то время сорок копеек были немалые деньги. В каждом доме была куча детей – откуда было родителям взять денег на всех? Чтобы заработать заветные копейки, приходилось весь день выполнять поручения старших, беспрекословно им повиноваться.

Зато каким было удовольствием в конце дня наконец-то получить деньги на кино! В дни показа индийских фильмов наш городок, казалось, жил только вечерними сеансами в летнем кинотеатре. В такие дни даже старушкам не сиделось дома, так что билеты доставались не всем. Поэтому по просьбе кусарцев один и тот же фильм приходилось крутить в течение нескольких дней.

В переполненном зале слышалось беспрестанное лузганье семечек. Перед началом фильма, пока шел журнал, зрители дружно шуршали бумажными кулечками со сладостями. По завершении журнала оператор включал свет.

Но вот свет вновь погас, и все напряженно уставились на

экран. Вдруг неожиданно распахивается дверь, и раздаётся скрипучий голос бабушки Гарифат:

– МутІ! Эй, МутІ! Где ты? Опять сидишь на холодной земле? Возьми подушку!

МутІ не откликнулся – нельзя было: ведь тогда кассир, тетушка Соня, узнала бы, что он здесь. Как и многие другие ребята, чтобы не покупать билет, он тайком спускался в зал с дерева. И каждый раз заботливость бабушки Гарифат выводила его на чистую воду.

МутІ, лежавший с остальными ребятами на зелёной травке перед рядами, никак не реагировал. А дверь всё не закрывалась, и свет бил в глаза сидящим у самого входа. Из зала начинали раздаваться недовольные голоса:

– МутІ, да возьми же подушку!

Кто бы осмелился выразить свое недовольство бабушке Гарифат? Ведь ее сын Имирალი занимал большую должность в райкоме.

В конце концов, МутІу ничего не оставалось, кроме как взять у бабушки подушку.

Среди тех, кто, лежа на траве, безмолвно смотрел кино, был и ТатІи. Кассир тетя Соня – красивая, добродушная женщина – делала вид, что не замечает ТатІи, чтобы не смущать его. Она понимала, что у бабушки Чюквер нет денег на билет в кино для внука. Все знали, что ее единственный сын погиб, невестка вышла замуж за другого, и поэтому она одна воспитывает внука Теймурхана. За это кусарцы глубоко уважали ее.

Но бабушка Гарифат не отставала и после того, как МутІ забирал подушку. Вновь раздавался ее голос:

– МутІ, я тут хлебушка с маслом принесла. Проголодаешься – поешь!

МутІ, от стыда готовый провалиться сквозь землю, отвечал:

– Ну, хватит, баде!

Но та не отставала:

– МутІ, возьми хлеб!

В зале опять раздавались недовольные голоса:

– МутІ, бери уже, да побыстрее!

МутІ, опустив голову, снова шел к бабушке. Старушка, успокоившись, наконец закрывала дверь и уходила домой. МутІ сначала оставлял сверток на земле. Но вскоре стыд уступал место голоду, и мальчик с аппетитом принимался за еду.

Когда в фильме показывали душевные эпизоды, зал, затаив дыхание и не сводя глаз с экрана, замирал. Проходили считанные минуты – и вот кто-то шмыгнул носом, потом другой, третий... А потом и все – дети и взрослые, мужчины и женщины – начинали тихо плакать.

Сидящие в зале уподоблялись одной большой семье. Фильм сближал всех, происходящее на экране словно отражало их жизнь, будто не индийские артисты играли в фильме, а близкие, родные, друзья-товарищи кусарцев.

После окончания фильма люди выходили на улицу с покрасневшими глазами, охваченные единым чувством. Не спешили расходиться по домам, обсуждали увиденное, разбирали детали.

Я всегда воображала себя главной героиней фильма. На крыльях сладкой мечты я уносилась далеко-далеко, в другой мир, где нисколько не походила на себя, где все восторгалось моей красотой и умом. Дома я напевала запомнившиеся индийские песни. Из одежды матери сооружала себе наряды, которые казались мне донельзя красивыми, накрывалась шалью и пела, кружась перед зеркалом. О, как мне нравился при этом собственный голос! Мне казалось, что голоса, равного моему, не сыскать во всех Кусарах.

Фильм «Господин 420» с Раджем Капуром я пересмотрела,

кажется, не менее сорока раз. Каждый раз, завидев меня, тетя Соня не могла сдержаться:

– Азгар, милая, ты не устала от этого фильма? Сколько раз можно смотреть одно и то же? Ты же знаешь его наизусть!

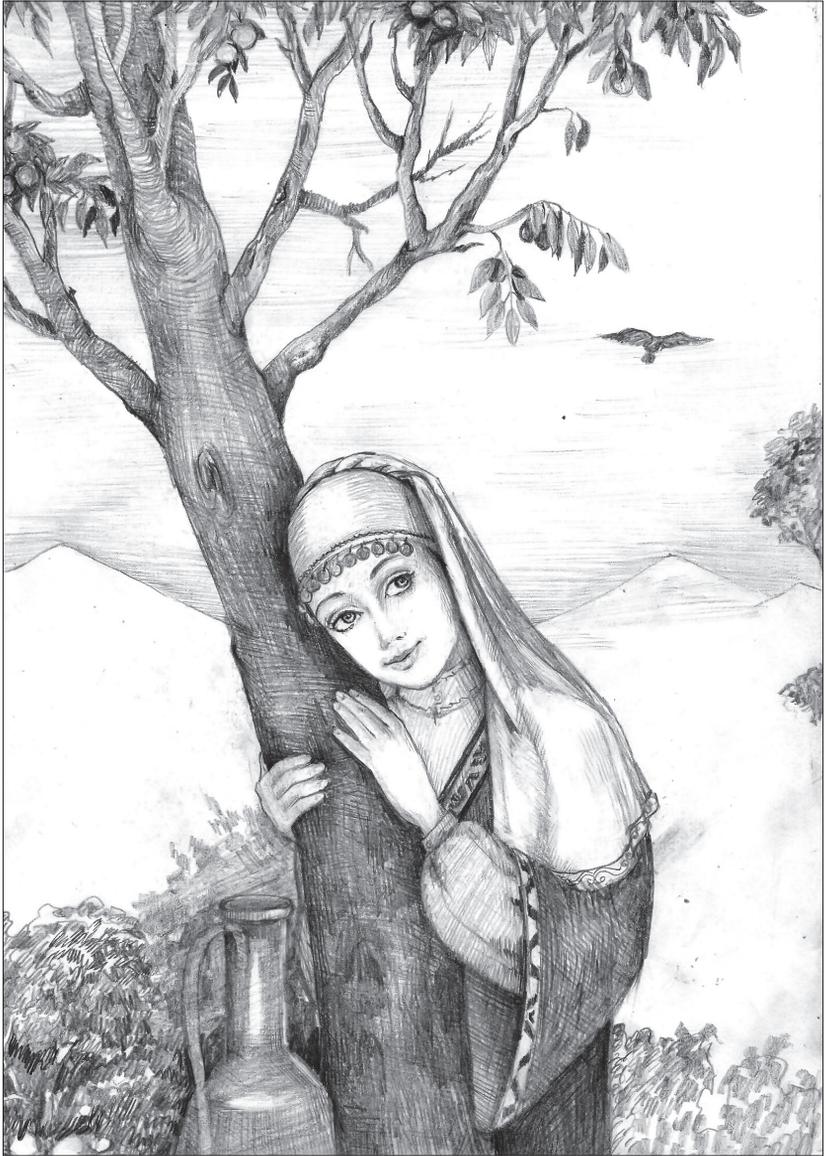
Она была права. Этот фильм я помнила от начала до конца в деталях. И все равно не могла им насытиться. А песня Майи «Мурмуркина дек, мурмуркин» так проникла в мое сердце, что я напевала ее и днем, и ночью.

Я как раз пребывала под очарованием только что просмотренного «Господина 420», когда учитель Зикруллах после уроков повел наш класс в лес, чтобы осмотреть там остатки какой-то древней крепости.

На обратном пути мы разделились на несколько маленьких групп. В тот день я вела себя не совсем обычно – всё пыталась привлечь к себе внимание ребят. Чтобы выделиться, я отошла подальше и запела песню Майи. Пела я душевно и звонко, думая при этом: «Вот бы меня слышали ребята!» Подражая Мае, я то пританцовывала, то обнимала дерево, то бросалась на землю, то, сорвав цветок, прикалывала его к волосам, то кружилась, подняв руки к небу.

Я так вошла в роль, что забыла обо всем на свете. Вот на мне уже вместо сари шелковое платье, достигающее до земли, а на голове у меня шутку³³, украшенный спереди серебряными монетами. Его бабушка хранила в своем сундуке среди остальных дорогих ей вещей. Из под белого бархатного шутку ниспадают длинные черные косы. О, это была моя ахиллесова пята! Я всегда мечтала иметь такие косы вместо своих незавидных кудрей. Больше всего я завидовала иссиня-черным длинным косам МахитI. И теперь из-под моего шутку виднелись ее косы.

33. Шуткью – лезгинский национальный женский головной убор, скрывающий волосы.

Как я была увлечена! Как красиво звучал мой голос!

На опушке леса, заполненной стрекотом кузнечиков и пением птиц, вдруг настала тишина. Больше не раздавалось никаких звуков. «Разве ребята не слышат меня?..» Я смолкла.

И тут из-за буковых деревьев с хохотом выскочили мальчишки – МутІ, ТатІи и Шинці. С другой стороны выглянули, заливаясь смехом, Хаці и ШапІ. Хаці смеялась, схватившись за живот, да так, что не удержавшись, упала на землю. Наконец, вытерев слезы, она сказала:

– КІампІул, ты можешь больше не петь?

Мне показалось, что на меня обрушилось небо. Я буквально приросла к земле. Меня словно молнией поразило! Какими еще словами передать мое состояние? Ведь мне и в голову не приходило, что услышу такое. Я-то представляла, что все будут восторгаться моим пением!

– Но почему мне не петь? – тихо спросила я.

Мой вопрос вызвал у ребят такой хохот, что слезы потекли по их щекам ручьями.

– Ты не умеешь петь, дорогая КІампІул, – сказала ШапІ.

Видя мое состояние, МутІ сжалился:

– Если хочешь, прочти стихи.

Он произнес это так, что ребят опять разобрал смех. Одна я не смеялась. Я готова была расплакаться. Все бы ничего, но среди смеявшихся был и МутІ. Это было невыносимо! Ведь в моих мечтах он был Раджем Капуром, а я – Майей, его возлюбленной.

Это было первое и последнее вокальное выступление в моей жизни...

3. *Платье без рукавов*

*К*усарцы с ранних лет приучали своих детей к труду, к выступающему на лбу поту, к волдырям на руках. Преподавали им уроки труда, помня о поговорке «Теленка – еще на привязи, ребенка – еще в колыбели». В нашем доме заведено было так же. Мы, шестеро детей – четыре девочки и два мальчика, с ранних лет хорошо умели делать все, что нужно, по дому и во дворе. Кроме того, в те времена в школах создавали ученические бригады, которые в летние месяцы помогали совхозам в сельскохозяйственных работах. Это была одна из полезных традиций советского периода. Дети с радостью шли работать, ведь за это еще и деньги платили.

Когда я окончила шестой класс, дома решили отправить меня и сестру Саяд, двумя годами старше меня, на месяц работ в совхоз села Каладжух, вместе с другими школьниками. Совхоз находился неподалеку от районного центра.

– Пусть поработают – они ничем не лучше остальных. Узнают, что значит работать и как деньги зарабатываются, – сказал отец. Он посмотрел на меня, потом, улыбнувшись матери, добавил:

– И КІамПул пусть вытянется немного.

Мы обрадовались. С нашей улицы в совхозе работало много ребят. Что могло быть лучше: месяц работаешь – и получаешь на руки заработанные деньги, на которые имеешь все права.

В те времена между кусарцами не было особого различия по части материального достатка. Все, кого я знала, жили скромно. Вот почему месячная зарплата была большим подспорьем для семьи. На эти деньги можно было купить все необходимые школьные принадлежности. Меня окрыляло еще и то, что

среди отправляющихся работать школьников был и МутІ.

Вечером я занялась подготовкой к завтрашнему дню. Погладдила присланное месяц назад дядей из Москвы платье без рукавов, со складками, всё в светло-голубых цветах. Утром, увидев меня нарядившейся в новое платье, мама нахмурилась. Стараясь не обидеть меня, она мягко сказала:

– Доченька, ты же не на свадьбу едешь – не танцевать, а работать. Будешь убирать сено – колючки да репья станут цепляться. Не жалко тебе платья?

Увидев, что я оставила без внимания ее замечание, мама повысила голос:

– Иди, оденься в другое платье и брюки! И голову повяжи, а то получишь солнечный удар.

Я разозлилась так, что готова была расплакаться. Очень не хотелось снимать с себя новое платье.

– Ты всегда ругаешь меня за то, что я постоянно хожу в брюках. Теперь я надела платье, а ты опять недовольна! – вступила я в пререкания с матерью.

– Азгар, ты же в поле едешь! Тебе будет неудобно в такой одежде, – пыталась образумить меня мама.

Сколько она ни говорила, как ни упрашивала, я не хотела ее слушать. Она бросила шутливо:

– После таких просьб даже Келле-буба отдал бы своего осла!

Старый еврей Келле-буба (настоящего имени его никто из нас не знал) имел повозку, в которую запрягал осла, а его скупость была притчей во языцех.

Видя мою неуступчивость, мать сдалась:

– Ну, поступай как хочешь, только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Мы с Саяд поели, выпили чаю и вышли из дома. В восемь часов перед городской русской школой собралось много ребят, в том числе и из нашей школы, и с нашей улицы. Я повеселела, увидев среди них МахитІ и ХацІ.

Вскоре подъехал грузовик с открытым кузовом, мы сели в него и поехали. Саяд и остальные девочки, договорившись заранее, надели хлопчатобумажные чулки, головы повязали ситцевыми платками. Мальчики были в рубашках с длинными рукавами и в соломенных шляпах. Одна только я была одета нарядно. Платье, присланное дядей из Москвы, было таким красивым, что девочки и мальчики не сводили с меня глаз. Чтобы отутюженные складки платья не измялись, я то и дело оправляла их. На ногах у меня были босоножки.

МутІ, глядя на меня и посмеиваясь, что-то говорил сидевшему рядом Шинціу. Краем уха я услышала их разговор.

– Шинці, что бы ты выбрал: мешочек золота или мешочек ума?

– Мешочек ума, – сразу же ответил Шинці.

– Каждый выбирает то, чего ему не хватает!

Все засмеялись, вместе со всеми и я. Шинці двинул МутІа кулаком в бок.

– Не можешь не приставать ко мне?

Спустя немного времени МутІ опять спросил у Шинціа:

– Шинці, а ты знаешь, сколько падежей в лезгинском языке?

– Восемнадцать, – ответил Шинці.

– Теперь их стало девятнадцать. Прибавился обязательный падеж. Отвечает на вопросы: «Что делать?», «Как быть?» – МутІ взглянул в мою сторону. Все рассмеялись.

С нами был и ТутІус. Он растолстел еще больше – в еде у него явно не было недостатка. МутІ, кивнув на него, сказал Шинціу:

– Ты только глянь на ТутІуса! Каждая из его щек насытила бы пятерых щенят.

МутІ сказал это с невозмутимым видом. Ребята расхохотались. ТутІус обиженно повернулся к нему спиной.

Через час мы были на верхней окраине села Каладжух, на сенокосном лугу, окруженном тузовыми деревьями. Мы так оживленно гомонили, спрыгнув с машины, что наши веселые голоса разносились по всей округе. Появился бригадир, дядя Милгаж.

Средних лет мужчина, высокий и плотный, он, улыбаясь, поздоровался, познакомился с нами, после чего записал наши имена и фамилии в тетрадку. Вслед за этим каждый из нас получил вилы. Показав нам скошенное и уже высохшее сено, бригадир сказал:

– До вечера вы должны собрать и сложить все это сено в стог. Ну как, справитесь?

– Справимся! – ответили мы хором.

Дядя Милгаж оставил для присмотра за нами рабочего совхоза Играма. Этот молодой каладжухец руководил нашей работой. Мы, растянувшись в цепь, начали подбирать сено и складывать его в копенки.

День выдался знойным, землю обдавало жаром как из горнила. Мучила жажда. Колючая сенная труха больно царапала ноги и впивалась в одежду. Мне приходилось особенно тяжело. Колючки и былинки в кровь расцарапали ноги. Голову припекало. Но гордость не позволяла выказать слабость. Я как могла орудовала вилами, изо всех сил стараясь не отставать от других. Иногда МутI, указывая на меня, что-то говорил ребятам, а те посмеивались. Я пылала гневом.

В двенадцать часов появился дядя Милгаж, посмотрел, как мы работаем и, улыбаясь, сказал:

– Наши рабочие обедают в час. Но так как у вас первый трудовой день, продлим ваш обед на час. Можете отдохнуть до двух часов.

Услышав это, мы с криками «Ура-а!», бросив вилы как попало, кинулись в тень тутовников на краю луга.

Больше всех, наверное, обрадовалась я, потому как, прожаренная солнцем, уже не держалась на ногах. Все жадно припала к мутноватой воде, шумно текущей по канавке. Никому и в голову не приходило, что там могут быть микробы. Умывшись и остудив свой жар прохладной водой, уселись на траву. У всех нас, изнуренных работой, разыгрался волчий аппетит.

Из свертков, взятых из дому, в мгновение ока вытащили еду: хлеб, испеченный в харе, слоеные лавашы, сыр, творог, вареные яйца. Одни цепляли куски хлеба на вилочки из прутьев и макали их в банку с простоквашей, другие выбирали себе лаваш с вложенной в него брынзой. Я же не смогла проглотить ни кусочка. У меня началась аллергия, но мне стыдно было признаться кому-либо в этом.

Отобедав и убрав остатки еды в сумки, все прилегли на траву отдохнуть. Ноги у меня горели и нестерпимо чесались, соприкасаясь с платьем, подол которого густо облепили колючки. А тут еще МутI то и дело подковыривал, поглядывая на меня и тихонько декламируя:

*Дарам-дурум, дурушка,
Хел галачир булушка³⁴.*

Это он намекал на мое платье без рукавов.

Мне оставалось лишь крепче стиснуть зубы, чтобы не выплеснуть на него свою злость. Да, мое новое платье пришло в такой вид, что теперь его едва ли очистишь. Замучившись отди- рать от него колючки, я и не заметила, как уснула...

Ну и сон же мне приснился! Я, МахитI, МутI, ПинцI и ТутIус были на каком-то поле, расцвеченном красными маками. Мы резвились, подобно телятам, сорвавшимся с привязи. Каждый держал в руках по большому букету маков, но нам казалось, что этого мало, и мы продолжали собирать цветы.

Вдруг издали до нас донесся голос объездчика:

– Эй, щенки, вы чего поле топчете?

Все, испуганные, побежали к дороге. Одна только я застряла в чертополохе и никак не могу выбраться из зарослей. Объездчик все ближе, а чертополох держит меня и шагу не дает сделать, и я дрожу. Приблизившись, объездчик ударил меня палкой. Я

34. «Хел галачир булушка» – дословно: «платье без рукавов», остальное – дразнилка, набор звуков.

взвывала от боли, дети же, нисколько не жалея меня, громко рас-
смеялись. Чем больше я злилась, тем громче они кричали:

– Побейте ее хорошенько, дядя объездчик, пусть ей будет больно! Тебе и этого мало, КіампІул!

Их крики постепенно слабели:

– КіампІула пІул КіампІула! КіампІула пул КіампІула!..

Откуда-то издалека доносились голоса. Но объятая сладким сном, я не могла открыть глаза. Голоса приближались и теперь уже раздавались совсем рядом. Среди них можно было различить голоса ХацІ, ПинцІа, МахитІ, МутІа. Что они хотят сказать? Как же тяжело открывать глаза!

– КіампІула пул КіампІула!

Подняв отяжелевшие веки, я увидела ребят, стоявших надо мной. Они хором кричали, пытаюсь разбудить меня, а МутІ большой хворостиной щекотал мне пятки.

Я бы опять уснула, если бы МахитІ не плеснула мне в лицо пригоршню воды. Когда я вскочила, ребята так и покатались со смеху. О человеке, оказавшемся в моей ситуации, говорят «Как с осла свалился»... Хуже всего было то, что свидетелем всего происходящего был и водитель машины, который привез нас. Он тоже смеялся. Стало быть, уже наступил вечер, пора ехать домой. Я так расстроилась, что чуть не расплакалась: почему меня до сих пор никто не разбудил?

Невдалеке стоял дядя Милгаж и, улыбаясь, смотрел в нашу сторону. Провалиться бы мне сквозь землю... Когда ребята устремились к машине, он тихо, чтобы никто не услышал, сказал мне:

– Азгар, завтра на работу приезжай в рабочей одежде.

От стыда я не могла вымолвить ни слова. Опустив голову, прошла мимо. До самых Кусаров я не произнесла ни слова. Сойдя с машины, я излила свою злость на Саяд:

– Ты что, не могла разбудить меня? Позволила им всем посмеяться надо мной! И не стыдно? Я же твоя сестра!

– Можно подумать, я не старалась! – оправдывалась она. –

Но ты спала как мертвая.

Я ущипнула МахитI:

– А с тобой я поговорю позже, вредина ты этакая!

Домашние попытались вычистить мое платье, но, мама, видя безнадежность их усилий, сказала:

– Да выбросьте это тряпье!

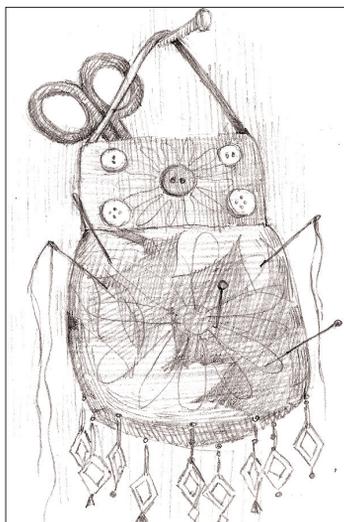
Меня, расстроенную, она постаралась утешить:

– КIамПул, сказать по правде, тебе оно не очень-то и шло.

Брюки лучше.

Но своим признанием она еще больше ранила мне сердце. Ничего не ответив матери, я посмотрела в зеркало: оттуда на меня уставилась чернявая, худенькая КIамПул. Только пепельные волосы, спадающие на плечи, говорили о том, что это девочка. В эту минуту я донельзя разозлилась на свое прозвище. Вдруг вспомнились слова, сказанные МутIом ШинцIу по дороге в совхоз: «Что бы ты выбрал: мешочек золота или мешочек ума?» Теперь я поняла, кому они были адресованы. Слезы душили меня. Я стала искать ручку и бумагу – мне надо было облегчить душу. Со слезами обиды на глазах я излила свою боль дневнику.

Утром, собираясь на работу, я заметила выскочивший на губе большой волдырь – как у нас говорят, такое случается от душевных переживаний. Выходя из дома в обычном платье и брюках, повязав голову ситцевым платочком, я чувствовала себя не тринадцатилетним ребенком, а взрослой девушкой. За один день я повзрослела на несколько лет.

4. Клямпул

Голос, доносящийся издали, без всякого сомнения, принадлежал МутІу. Но самого МутІа не было видно – он скрывался. Его голос дразнил:

*Черная, черная Кюмпия,
Накрой голову, Тюмпия!*

Теперь голос раздавался совсем близко. Ага, я поняла, где прячется МутІ! За недостроенной стеной дома недалеко от школы. Выглядывая оттуда, дразня стишком, он пытался вывести меня из себя. Старался изо всех сил, зная, что я терпеть не могу свое прозвище.

Я продолжала путь, пребывая в своем мире и делая вид, что ничего не слышу. То подбрасывала портфель, полный книжек, то крутилась волчком. Кто знает, как злился МутІ на то, что его слова не производят на меня никакого воздействия!

Ничто на свете не выводило меня из себя так сильно, как мое прозвище. Кому понравится, если ему то и дело напоминают, что он чернявый? Мне и без того не нравилось, как я выгляжу. Все видели, что мое худое, смуглое лицо еще больше потемнело летом на солнце. Я всегда носила брюки и кофточку, а в школу приходилось надевать платье. Но девичье одеяние мне совсем не шло, о чем мне твердили и дома, и в школе.

Я старалась выглядеть беззаботно, чтобы никто не догадался, как жжет меня изнутри мое прозвище, как оно сжигает мне сердце. А теперь, услышав его от МутІа, я совсем

приуныла. На лицо мое словно туча опустилась.

Вдруг снежок с тупым звуком ударил мне в плечо, да еще с такой силой, что от боли потемнело в глазах. Ох и обрадуется же МутІ, если увидит, что мне больно! «Не видать тебе этого!» – я продолжала идти как ни в чем не бывало. Второй комок снега угодил мне в ухо. Больше терпеть было невозможно. Расширепев от боли, я отбросила сумку и, не помня себя от злости, кинулась на МутІа.

«Погоди же, ты у меня получишь! От тебя мокрое место останется!..» МутІ, выглянувший из своего укрытия, не мог и предположить, что я схвачусь с ним. Ах, какая сила влилась в мои руки! Я повалила МутІа на землю и, хватая снег горстями, бросала ему в лицо, запихивала за шиворот. Но он и не думал злиться, только смеялся безудержно и громко – так, что плечи дрожали, что еще больше усиливало мою ярость.

Мы оба с ног до головы были облеплены снегом, но МутІу все было нипочем. Я же выдохлась, отпустила его и уселась на снег. Увидев это, МутІ сделал рукой движение, каким отгоняют мух, и начал дразнить меня:

– Черная, черная Кумпия!..

Это было нестерпимо, к горлу подступил комок. Если заплачу при нем, то буду выглядеть слабой, а этого допускать нельзя! Проглотив слезинки, я сдержалась. Бить МутІа у меня больше не было сил. Расстроенная, я встала, бросила на него свирепый взгляд, стряхнула с себя снег и, взяв свой портфель, отправилась в школу.

Неудачным выдался для меня тот день, очень неудачным! Мои неприятности на этом не закончились. А ведь я была наряжена: на мне был мамин светло-голубой жакет, надетый пуговицами назад. Так он превращался в свитер. Хотелось покрасоваться, ведь в нашем классе ни у кого не было свитера.

Я села за свою парту, распахнув пальто, чтобы ребята увидели мой свитер. Девочки сразу обратили внимание на мою обновку, чего не скажешь о мальчиках. Но вот незадача – намок мой «свитер», хоть выжми. Меня, разгоряченную дракой с МутЮом, стала пробирать дрожь, и я старалась, чтобы этого никто не заметил.

В тот день все учителя, входившие в класс, придирались к моему пальто. Они не могли допустить, чтобы я, в нарушение правил, сидела на уроке в верхней одежде. Только после того, как я заявила, что болею, меня наконец оставили в покое.

Пятым был урок учителя Зикруллаха. Уроки истории, которые он вел, мы особенно любили, потому что он умел их преподносить. В отличие от некоторых педагогов, он никогда не довольствовался пересказом написанного в учебнике. Мы с упоением слушали его полные любви и боли рассказы об истории лезгин, о событиях, через которые прошел наш народ, о наших героях. Многие его побаивались: тот, кто однажды получил по голове длинным, тонким указательным пальцем его правой руки, не желал испытать такое вновь. Однако никто не сомневался и в доброте его сердца.

Учитель Зикруллах высказался на свой манер:

– Сними пальто, а то замерзнешь, когда выйдешь на улицу.

Но я не решалась снять пальто, боясь опозориться перед всеми. Представляла себе, какой смех поднимется в классе, когда увидят на мне большой мамин жакет, надетый задом наперед и закрепленный на спине булавками.

Учитель настаивал, и я растерялась, оказавшись в безвыходном положении.

– Кому я говорю? – учитель сердито повысил голос.

Уж лучше было обидеться и уйти домой, чем опозориться перед всеми! Схватив портфель, я устремила к двери и не

заметила, как запнувшись о выставленную ногу МутІа, сидевшего впереди, распростерлась на полу...

Открыв глаза, я обнаружила себя лежащей на полу, на своем пальто. Надо мной склонились две женщины в белых халатах. В классе стоял запах лекарств. Мой жакет был распахнут, булавки предательски торчали с обеих сторон. От увиденного я вскочила, чем обрадовала учителя Зикруллаха и этих двух женщин. Я не чувствовала никакой боли. Сгорая от стыда, я не могла поднять голову и взглянуть кому-либо в лицо. Всегда неугомонные ребята сейчас молчали, словно воды в рот набрали.

– Тебе Мухйеддин дал подножку? – спросил меня учитель.

Искося взглянув на бледного от страха МутІа, я ответила:

– Нет, я споткнулась.

Меня отвезли домой на «Скорой помощи».

Выяснилось, что из-за подножки МутІа я здорово ударилась головой о пол. Целую неделю от боли не могла открыть глаза. В школу не ходила, чему была несказанно рада. Мне казалось, что как только я появлюсь в школе, ребята, особенно МутІ, замучают меня насмешками.

Когда через неделю я пришла в школу, МутІ прислал мне на уроке записку, в которой было написано: «Мне стыдно». Я не ответила ему. Разве мог он знать, что такое стыд? Это мне было стыдно – из-за случая со «свитером»! Он надолго лишил меня покоя, и забыть его я смогла очень не скоро.

5. Къалурган³⁵

В первые наша гостевая комната была переполнена гостями: близкие родственники, соседи... Они, счастливые, сидели на большом сумаге³⁶, вытянув перед собой ноги. Я впервые видела, как растаяла сложенная в углу комнаты горка подушечек, набитых шерстью и обтянутых цветными наволочками, на которых мамиными руками шелковыми нитками были аккуратно вышиты национальные орнаменты. Мы, шестеро детей, вместе с ребятами с нашей улицы разместились на подоконниках, стульях и табуретках. В комнате стоял гул, как в пчелином улье.

Пораженная болезнью, последние десять лет не встававшая с постели и не выходившая из дому соседка, тетушка Тютю, на удивление всем, тоже заглянула к нам. Сын Изетуллах принес ее на руках, усадил на диван, как ребенка, обложив по бокам подушками. Старушку любили все родные, а соседи и вовсе обожали.

С куском хлеба, намазанным маслом и посыпанным сахарным песком, вошел мой младший братишка Уфтан. Он с таким аппетитом откусывал от хлеба, что двое внуков тетушки Тютю, Герей и Изет, закричали:

– Мы тоже хотим хлеба!

– Вы сюда есть пришли или смотреть къалурган? – осадила их тетушка Тютю. Но видя, что дети не успокаиваются и желая отделаться от них, она сказала:

35. Къалурган – телевизор.

36. Сумаг – безворсовый ковер.

– Идите попросите у тети Саимат.

Вскоре у всех детей в комнате в руках был хлеб с маслом. Но на их измазанные рты, руки и одежду сегодня никто не обращал внимания – о них как будто забыли. Взрослые, сидя бок о бок, предавались сладкой беседе. С одной стороны комнаты доносились мужские, а с другой – женские голоса. И все терпеливо наблюдали за моим отцом. Они вместе с мастером завершали установку телевизора. Наконец отец он обернулся к нам и объявил:

– Сейчас телевизор начнет показывать!

После этих слов он выключил в комнате свет. И вдруг из черного ящичка, стоящего на низком круглом столике, в комнату полился синий свет. При первых же кадрах гул в комнате прекратился, наступила мертвая тишина. Всем сидящим телевизор «Рекорд» представлялся невиданным чудом. Тетушка Тюти ахнула, повторяя:

– О, Аллах всемилостивый! Что за чудо ты нам показываешь!

Потом, не веря глазам, ни к кому не обращаясь, промолвила:

– И как это столько людей помещается в маленький кьалурган?

По телевизору передавали концерт. Стоя перед сидевшими в ряд музыкантами, пела красавица, одетая в нарядное длинное платье. При крупном плане можно было разглядеть даже мелкие белые зубы певицы. Девушка пела так хорошо, что все слушали с раскрытыми ртами, изумленно уставившись на экран. Затем какой-то мужчина стал исполнять мугамат. Но еще до того, как он закончил, половина малышей заснула, устроившись на ногах матерей.

МахитI, сидевшая на подоконнике, не сводила глаз с ТатIи, лежавшего на боку у ее ног. Всегда говорливый ТатIи теперь молча смотрел телевизор. Видя это, МутI не стерпел:

– К добру ли это, ТатIи? Ты, случайно, язык не проглотил?

ТатIи, не отводя взгляда от телевизора, неохотно ответил:

– Отстань от меня, МутI!

После концерта начался фильм на русском языке. Его тоже смотрели с замиранием сердца, женщины сопровождали происходящее восклицаниями. Пришедшая смотреть телевизор с отдаленной Интернатской улицы тетушка Бисен не могла спокойно реагировать на несправедливость:

– Бей же мерзавца! Чего ты ждешь?

А когда парень на экране поцеловал в щеку свою любимую девушку, женщины стыдливо опустили головы.

– Нынешняя молодежь потеряла всякий стыд и совесть! – сердито заявила тетушка Тюти, и раздались восклицания в ее поддержку.

Дети не могли удержаться, чтобы, подойдя, не коснуться телевизора руками. Взрослые, поругивая их, с места кричали:

– Не трогайте телевизор, током ударит!

Однако дети не слушались, особенно двое внуков тетушки Тюти. Наконец и она не выдержала:

– ЗемекIар³⁷, вы же испортите телевизор!

Когда передачи закончились, отец выключил телевизор, накрыл его тканью и пояснил:

– Телевизор надо беречь от света и пыли!

Была полночь, но гости, сидевшие перед телевизором, не спешили расходиться. Мама расстелила на сумаге скатерть, принесла чай. Продолжалось обсуждение просмотренного.

– Саимат, теперь мы каждый вечер будем приходить к вам смотреть телевизор, – сказала тетушка Бисен.

– Да, было бы замечательно! Телевизор для того и создан, чтобы сблизать людей. Не будь телевизора, вы разве собрались бы у нас? – радостно ответила мама.

Каким веселым выдался тот вечер! Что могло быть интереснее, чем засидеться со взрослыми и слушать их разговоры?

37. ЗемекIар – поросята.

Разговоры же были про телевизор – тема этого невиданного чуда оказалась неисчерпаемой. Вместе с телевизором в наш дом пришли непередаваемая радость и оживление.

Кто знает, сколько раз в день мама вытирала с него пыль! Никто из детей не имел права включать телевизор: «Вы испортите его!» – предостерегала мама.

Все лето наш дом по вечерам переполнялся людьми. Из родственников не осталось никого, кто бы нас не навестил. К нам приходили даже с самых отдаленных улиц. В Кусарах в ту пору редко у кого в доме был телевизор, потому что многие семьи жили бедно. А некоторые, хоть у них и водились деньги, не решались его купить. К телевизору люди только начинали привыкать. Требовалось время, чтобы они приняли это новшество. Постепенно вечерний поток людей в наш дом поредел: разве люди, при своих бесконечных делах и заботах, могли позволить себе часами засиживаться перед телевизором? Впоследствии они стали приходить к нам изредка, договорившись, когда по телевизору показывали хороший фильм. Таких вечеров ждали и взрослые, и дети.

В день, когда по телевизору шел фильм, соседки по очереди готовили разную еду и приносили с собой. Сидя на ковре перед экраном, все дружно уплетали шураяя³⁸, афарар³⁹. Мама ставила на скатерть большой круглый поднос с грецкими орехами, фундуком, сушеными фруктами.

С наступлением учебного года гости стали к нам ходить совсем уже редко. Чтобы не пошло во вред учебе детей, взрослые решили смотреть телевизор только два дня в неделю – в субботу и воскресенье.

Иметь дома телевизор и не смотреть его – это было

38. Шураяя – булочки с ореховой начинкой.

39. Афарар – пирог из тонко раскатанного теста с начинкой из зелени.

настоящим наказанием. Мы не имели права смотреть все передачи. Как правило, к телевизору садились всей семьей. Мои сестры и братья без лишних слов подчинялись этому правилу, мои же мысли постоянно были о телевизоре. Ох, как трудно было уговорить родителей! Когда мне хотелось включить телевизор, они в один голос твердили: «Иди-ка делать уроки!» Однако из всякой ситуации есть выход.

Телевизор стоял в гостевой комнате, а она располагалась на втором этаже. Наша большая семья проживала на нижнем этаже.

Как и у большинства кусарцев в ту пору, в нашей семье рано ложились спать и рано вставали. На заре мама отгоняла корову в стадо, а отец на колхозной машине уезжал в село Каладжух на работу. Вечером, к десяти часам, у нас дома все уже спали сладким сном. Дождавшись, когда весь дом уснет, я на цыпочках поднималась наверх, в гостевую комнату, плотно закрывала дверь, включала телевизор и, уменьшив свет, смотрела все до последней передачи. Почти каждую ночь по телевизору шел хороший фильм. Сидя в темной комнате, я чувствовала себя самой счастливой на свете.

Одно окно нашей гостевой комнаты выходило в маленькое помещение длиной в четыре и шириной в два метра. Это помещение с земляным, обмазанным глиной полом, служило кладовой. Здесь хранились овощи и фрукты из нашего сада. Отец раз в году возил продавать в Россию отборные фрукты. Того, что оставалось, нам хватало до самой весны. За один присест мы съедали большой таз яблок и груш. «До чего же вы прожорливы!» – в шутку говорила мама. Она и сама очень любила фрукты. Будь на то наша воля, мы бы за месяц без остатка съели все фрукты из нашей кладовой. Но мама заботилась, чтобы мы во вред здоровью не переедали и до весны были обеспечены витаминами. С этой целью она запирала кладовую на ключ.

Кроме кладовой, ничего в доме на ключ не запиралось.

Хорошая традиция была у нас дома: каждый вечер после ужина мама брала эмалированный тазик и шла в кладовку. Она выбирала яблоки и груши, которые начинали портиться, мыла, чистила их от кожуры и ставила перед нами на стол. Мы с удовольствием лакомились ими. Она не ленилась отложить в сторону еще одну чашу с вымытыми фруктами, чтобы утром мы могли взять их с собой в школу.

Из приоткрытого окна кладовки в гостевую комнату проникал аромат яблок сортов «розмарин», «синап», «шафран», «наполеон», «бельфлер». Яблоки же, отобранные на продажу, были уложены перед окном, ближе к свету, для долгого хранения. Естественно, именно отборные яблоки нас особенно притягивали. При виде их у нас текли слюнки.

Как-то раз я додумалась вот до чего: в конец палки для битья шерсти, прислоненной к стенке в углу комнаты, я вбила гвоздь. Потом открыла створку окна и вонзила гвоздь на палке в одно яблоко. Вот так легко оно очутилось в моих руках. Заполучив таким путем шесть больших яблок, я закрыла окно, вынула гвоздь из палки и заняла свое обычное место перед телевизором. Что могло быть лучше, чем смотреть телевизор, надкусывая сочные яблоки! Пожалуй, я съела бы все отобранные на продажу яблоки, но за месяц горка под окном заметно уменьшилась, и их трудно стало доставать.

Не было на свете никого счастливее меня! Я жила в мире фильмов, которые показывали по телевизору. Радости и печали, любовь и ненависть героев фильмов стали и моими. Я подражала главным героиням, старалась следовать их поведению, повторять их движения. Мое настроение менялось в зависимости от просмотренного фильма.

Все тайное в конце концов становится явным, и каждый рано или поздно получает по заслугам. Мама уличила меня. Я сидела в темной комнате, поедая хлеб, посыпанный солью,

натертый чесноком и намазанный сверху толстым слоем творога. На полу стояла миска с огрызками уничтоженных мной яблок. По телевизору показывали фильм «Отверженные» по роману Виктора Гюго. В самый захватывающий момент фильма неожиданно распахнулась дверь, включился свет, и я поймала суровый взгляд мамы. Она строго спросила:

– Это что за время, КіампІул? Почему ты не спишь? Что ты здесь делаешь? Ты не собираешься утром в школу?

Она подошла и положила руку на телевизор:

– Ты угробишь телевизор! Сколько можно смотреть? Он же сторит! Тебе не жалко? Его надо беречь!

Когда мама выключила телевизор, я, чуть не плача, взмолилась:

– Чан диде, пожалуйста, не выключай! Всего полчаса осталось до конца фильма – самое интересное теперь начинается! Умоляю, включи, пожалуйста!

Да разве мольбы подействуют на нее? Разве она отступится от своего решения? Сердитая, завесив телевизор и потушив свет, она вывела меня из комнаты.

Попробуй-ка уснуть теперь! Какой там сон, когда перед глазами стоит Жан Вальжан! Мое сердце изболелось за него. Что же будет с ним дальше? Эта мысль не оставляла меня.

На следующий день, возвращаясь из школы, я зашла в библиотеку.

– Мне книгу «Отверженные».

– Наверное, фильм вечером посмотрела? – улынулась Ксения Григорьевна. Эту добрую русскую женщину в Кусарах знали все. А как хорошо она говорила по-лезгински!

– Мама не дала досмотреть до конца, – пожаловалась я.

– Ничего, не беда. Вот я дам тебе книгу, увидишь, до чего интересная. Потом сравни книгу с фильмом.

Сказав так, она протянула мне толстую книгу.

– Какая большая! – удивилась я.

– Это только первый том, есть еще два, – засмеялась она.

С книгой за пазухой я пришла домой, за полчаса управилась с домашним заданием и взялась за книгу. Я забыла про обед, про улицу, даже про телевизор – оторваться не могла от книги.

Так продолжалось и на следующий день. На третий день, дочитав, я отнесла книгу в библиотеку. Ксения Григорьевна улыбнулась:

– Ну как, интересно?

Выслушав мой утвердительный ответ, она принесла две книги, еще толще, и положила передо мной.

– Это книга для старшеклассников. Впервые ее у меня просит семиклассница.

Я не заметила, как дошла до дома. Бросила сумку, уселась на подоконник и отдалась чтению романа. Завтра воскресенье, в школу идти не надо. Счастливая, я окунулась в свой мир. Я не просто читала книгу, а буквально впитывала в себя. Домашних это удивляло. Меня, вечно пропадавшую на улице с друзьями, теперь невозможно было вытащить из дому. А как радовалась мама, видя меня дома за чтением!

За несколько дней я одолела этот огромный роман в трех томах. Когда я дочитала до конца, было три часа ночи. Я плакала, шмыгая носом. В комнату вошла мама, прижала меня к груди и поцеловала:

– Не плачь, Азгар, не плачь!

Однако утешить меня было непросто. Слезы лились ручьем. Сердце разрывалось от жалости к горькой судьбе Жана Вальжана. Мать не отошла от меня, пока я не уснула.

На следующий день я вернула книги в библиотеку. По моему печальному виду Ксения Григорьевна все поняла. Она взяла меня за руку, отвела к большому дивану и усадила рядом с собой. И, как со своей ровней, захватываяще интересно заговорила со мной о Жане Вальжане, Козетте, Мариусе. Потом она дала мне книгу Войнич «Овод»:

– Это ты прочтешь на одном дыхании.

Ксения Григорьевна оказалась права: забыв обо всем на свете, какое-то время я жила «Оводом».

Вот так я приохотилась к чтению. Часами могла просиживать без движения на подоконнике и читать. Книги заметно изменили меня. Маленькая, худенькая, чернявая девочка по прозвищу КІампІул превращалась в девушку со своим взглядом на мир. Она стала задумываться над жизненной философией, в ней пробуждалось чувство любви.

Мне уже не нравилось носить брюки, теперь я старалась выглядеть женственнее...

Дочитав книгу, я вдруг подумала: «Это сколько же времени я не играла с друзьями?» И мое внимание невольно привлек шум на улице. Я выглянула: ребята, чтобы позлить меня, бросали камешки в окно. Я нехотя вышла к ним. МутІ, ТІатІи, МахитІ, ПШинці ждали меня у ворот. Увидев меня в платье, МутІ, смеясь, начал, как всегда, припевать:

*Дарам-дурум, дурушка,
Хел галачир булушка.*

Так он обычно посмеивался надо мной, когда я надевала платье.

И на этот раз я не сумела понять, нравится ему мое платье или нет, подходит ли оно мне. Я разозлилась. Но не подала виду и как ни в чем не бывало подошла к ним.

– КІампІул, может, ты, грешным делом, хочешь стать профессором? – ехидно спросила МахитІ.

Я не придавала значения ее словам, потому что все мои мысли были заняты другим: дома меня дожидалась книга Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке».

6. Кулац⁴⁰

В пору моего детства кусарцы не знали, что значит закрывать двери на ключ. В Кусарах замки имели, пожалуй, всего лишь четыре или пять домов, и те принадлежали должностным лицам. Большинство же обходилось обычной щеколдой на дверях. Днем просто захлопывали двери, а ночью, перед сном, накидывали крючок (многие даже этим себя не утруждали). Как сердца, так и двери домов у людей были открыты. Чтобы сократить расстояние между соседними домами, в садовых оградах ставили калитки.

Каменных оград тогда никто не возводил – не было такого обычая. Все довольствовались заборами из ореховых прутьев. В Кусарах не было человека, который не умел бы плести такой забор. Обычно такая ограда держалась четыре-пять лет. Когда прутья высыхали, хозяева заботились о новом заборе. Высохшие же прутья сжигали в харе вместо хвороста.

Люди ничего не скрывали друг от друга, да и не было у них ничего такого, что нужно было бы прятать. Дома и быт у всех были схожи. Куском хлеба делились с соседями. У людей не было жажды наживы. Был тогда у людей дар чувствовать чужую боль. Беспокоиться о больном, навещать его, помогать по мере сил было доброй традицией для всех.

В ту пору в Кусарах жили не так уж много инвалидов. Так, все знали тетушку Тюти и Махмуда, сына тети Селми. О них

40. Кулац – горбун.

заботились не только их семьи, но и родные и близкие. Тетушка Тютю десять лет как была прикована к постели. До восьмидесяти лет ее беспокоила даже головная боль, и этим она всех удивляла. Когда она неожиданно слегла, все думали, что старушка скоро умрет. Но проходили дни, месяцы, годы, и все поняли, что смерть обошла ее стороной. Эта сладкоречивая женщина ко всем обращалась со словом «чан» (родной). На свадьбах и всех праздниках родственники, соседи, как правило, в первую очередь вспоминали тетушку Тютю и посылали ей гостинцев.

И в собственной семье очень любили эту милую старушку. Умиротворенная, она была ласкова со всеми. Сын Изетуллах с невесткой Салихат, внуки и правнуки не чаяли в ней души, с любовью заботились о ней. Соседки поговаривали между собой, жалея Салихат: «Состарилась, бедная, ухаживая за Тютю! На все воля Аллаха! Салихат увядает – Тютю цветет». Так и было. Как же иначе, когда дома больная? Как бы ни помогали дети, основную тяжесть ухода за больной несла на себе Салихат. Однако невестка общалась со свекровью с неизменной улыбкой на лице, спокойно делала все для нее.

Семья Салихат жила на верхнем этаже, а тетушка Тютю – внизу. В ее комнате с большими окнами Изетуллах создал все удобства для матери. У старушки всегда пахло цветами. Окна ее комнаты были распахнуты и летом, и зимой. Ведь мир она видела из этих окон. Оттуда, с улыбкой на лице, она устремляла свой взгляд на улицу. Никогда не заводила разговор о своей болезни, о душе, которая устала от этой жизни. Смирненно принимала она предписанное ей Всевышним.

Их дом стоял на возвышенности, и поэтому вся наша улица была у нее как на ладони. Ее дверь даже на ночь не запиралась. Старушка просила: «Чан аялар⁴¹, оставьте дверь приоткрытой.

41. Аялар – дети.

При закрытой двери я чувствую себя, как в могиле».

Однажды, возвращаясь из школы, мы увидели камни, сложенные у ворот дяди Келби – соседа, что жил напротив тетушки Тютю. Пообедав, мы выбежали на улицу и увидели, как самосвал выгрузил еще кучу камней.

Уже две недели, как дядя Келби разобрал ограду из прутьев. «Зачем ему столько камней?» – подумали мы. В тот день у его ворот до наступления ночи работали двое мужчин. Перед домом они прорыли траншею.

Дядя Келби, мужчина средних лет, был прорабом. Он почти ни с кем не общался на улице, всегда был хмурым. При его участии в районе было построено немало новых зданий. Теперь же вокруг своего дома он возводил каменную ограду – первую на нашей улице, и это нам не понравилось.

Мы, дети, сидели на скате перед домом тетушки Тютю.

– Давайте сыграем в КинтI-лаш⁴², – без особой охоты предложил МутI.

– Палкой бы по боку Келби! – сердито сказал ТатIи.

Не только он один – все дети злились на дядю Келби, который решил отгородить свой дом от остальных каменным забором. Его и без того недолюбливали, теперь же дети уже просто не знали, как выплеснуть зародившуюся в сердце злость.

По словам МахитI, семья дяди Келби принадлежала к категории людей, привыкших наживаться за счет других, и этим они отталкивали от себя людей. Их нельзя было увидеть на улице, с соседями они не знались, ни с кем не общались и жили, подобно улитке в своей раковине. Раз-другой в неделю к их воротам подъезжал «Виллис», и шофер выгружал из машины полные сумки. Одевались они роскошно, с людьми держались заносчиво. Разумеется, на нашей улице эту семью не любили...

42. КинтI-лаш – детская игра в палки.

Кто-то торопливыми шагами приближался к нам. Издали мы не узнали, кто это: в белой панаме, бостоновом костюме, с выделяющимся горбом. Но вот он приблизился, и мы узнали дядю Келби. Обычно он приезжал на машине, но сегодня почему-то возвращался домой пешком. МутІ, сердито глядя на него, с силой ударил о землю палкой:

– КІулац ламран хва⁴³!

Эта ругань имела много разных значений.

Вдруг из окна раздался голос тетушки Тюті:

– Келби, эй, Келби!

Горбун сделал вид, что не слышит ее. Тетушка Тюті подняла голос:

– Келби, подойди-ка сюда!

Он нехотя подошел к окну.

– Чего тебе, тетя Тюті?

– Салам алейкум, сынок!

– Алейкума салам! – ответ прозвучал отнюдь не ласково.

– Чан хва, почему ты сердишься? – спросила старуха.

Ее ласковый голос не тронул Келби, он прежним тоном проронил:

– Что ты хотела сказать? У меня дела.

– Ты что-то строишь? Да будет благим твое начинание, да пойдет на пользу твоей семье! – благословила старуха.

– Так что же ты хотела сказать? Без повода ты ведь не позовешь.

– Если я скажу, ты не обидешься?

– Нет.

Теперь голос старушки прозвучал сурово:

– Ты, случаем, не крепость из камня собрался строить? От кого обороняться решил?

Наверное, Горбун (после того, как МутІ прозвал его

43. Ламран хва – ослиный сын.

Горбуном, больше никто уже не называл Келби его настоящим именем) ожидал услышать что угодно, но не это.

– Тетя Тютя, это мой дом. Оборонительные ли сооружения там строить или крепость возводить – мне лучше знать. Тебе-то какое до этого дело?

– Люди ведь тоже свои, сынок. Нельзя отгораживаться от них! – в голосе тетюшки Тютя звучал укор. Но, не желая обидеть соседа, она мягко добавила: – Пойми меня правильно, сынок. Разве человек может жить за высокой стеной, отгородившись от соседей? Зачем же тогда мы живем?

– Тетя Тютя, ты старая женщина, позаботься о себе. Посмотри на губинцев⁴⁴ – у них у всех каменные ограды.

– Они губинцы, а мы кусарцы – в каждом месте свои обычаи! – повысила голос старушка.

Но Горбун был не из тех людей, кого можно пронзить словом.

– Да ну тебя... – он махнул рукой и ушел.

За две недели мастера возвели забор. Но не украшала нашу улицу каменная ограда с железными воротами. Сердцу желанны были заборы, сплетенные из прутьев. Как красиво смотрелись за ними зеленые сады и дома, обмазанные белой известкой! Ветви деревьев с плодами нависали над заборами, словно просясь в рот к прохожим. Сорви и ешь – никто ничего не скажет.

Разглядывая вместе с другими детьми каменную ограду Горбуна, я вспомнила случай, произошедший со мной два года назад.

Мать взяла меня с собой в гости в Кубу. Два дня мы гостили у родственников. Там все дома были окружены высокими каменными оградами, похожими на крепостные стены. Увидев их, я сначала даже испугалась – сердце сжалось от мысли, что за ними находятся дома, и там живут люди. Как можно жить в таком месте?

44. Имеются в виду жители города Губа.

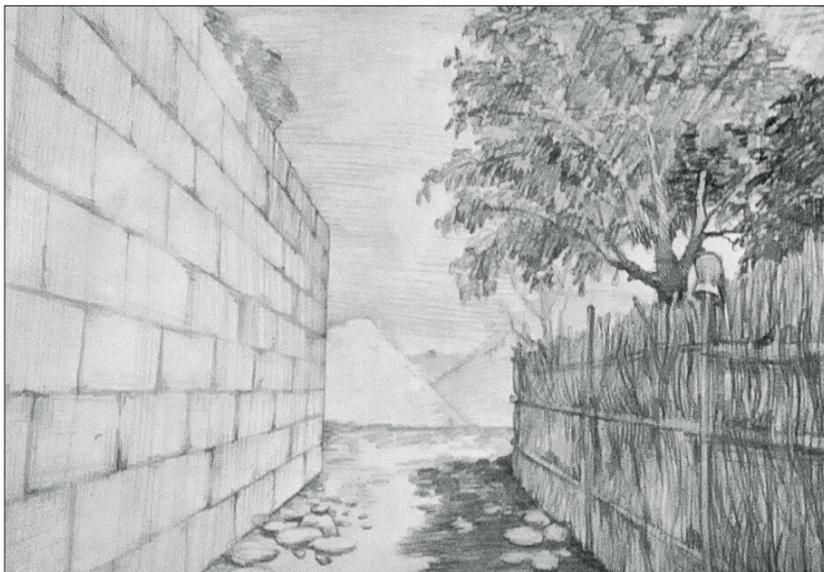

Семья нашего родственника тоже жила в одной из таких крепостей, где за высокой стеной виднелась только шиферная крыша. Дом оказался ухоженным, с хорошей мебелью, коврами, с удобствами. За домом же находился большой фруктовый сад. Ветви деревьев свисали до земли от тяжести яблок, груш, айвы, алычи.

Нас приняли радушно, гостеприимно, часто накрывали для нас изобильный стол, и все равно мне хотелось поскорее уехать оттуда. На меня давили высокие каменные стены. Я походила на птичку, заключенную в клетку и жаждущую свободы. Понимая мое настроение, мама жалела меня. Поглаживая меня по голове, она успокаивала:

– Потерпи, завтра мы уедем. Иди, поиграй с детьми.

Двери этого дома всегда были закрыты, и казалось, что откуда никто никогда не выходит наружу. С соседями, родственниками не особенно общались. Каждая семья жила своей жизнью

в своей крепости. Хотя мальчики играли на улице, девочкам моего возраста выходить за ворота не позволялось. У них были надлежащие игры для девочек.

– Как вы можете так жить? – спросила я у детей наших родственников.

– А мы так привыкли, – ответили они.

Хозяйка дома, услышав мой вопрос, повернулась ко мне:

– Чан руш, нам так лучше. Без ограды будешь у всех на виду.

Я удивилась:

– Скучно же за стенами, когда никто не приходит и сами ни к кому не ходите.

Мама, урезонивая меня, сказала:

– Каждый человек принимает обычаи тех мест, где он проживает, и привыкает к ним.

Поэтому, глядя на ограду Горбуна, я вспоминала высокие стены, увиденные в соседнем районе.

От каменной ограды Горбуна веяло холодом. Она заслонила собой былое тепло и душевный уют нашей улицы. Вдоль заборов домов наших соседей всегда благоухали цветы. А перед домом Горбуна всегда зеленела трава-мурава. С конца апреля до начала июня она была усеяна мелкими ромашками. Мы часто играли на этом естественном зеленом ковре. Теперь же там возвышалась стена из речных камней...

В дальнейшем в Кусарах многие стали строить такие же каменные ограды. Их возводили уже не только из речных камней, но и из камня – «кубика», даже из металлоконструкций. И эти ограды становились все выше и выше. Ворота стали запираяться, стали исчезать калитки между садами соседей. Люди менялись, становились другими. Порой я задавалась вопросом: неужели все эти изменения начались с Горбуна? Интересно, если бы не он, все бы осталось по-прежнему? Или нет? Ведь есть же на свете народы, которые умеют беречь свои добрые обычаи и традиции...

7. Скупой Исак

Вряд ли в Кусарах нашелся бы человек, не знавший Скупого Исака. И стар и млад судачили о характере и повадках сына вдовы Мислимаг.

Свое прозвище Исак получил после того, как Алияг вошла в его дом невестой. На следующий день после свадьбы, утром, когда явились родственники, чтобы испробовать гостинцев из сундука невесты, как подобает по лезгинскому обычаю, она выложила на стол вареных кур. И тут новоиспеченный муж у нее спросил:

– Сколько у тебя всего кур?

Алияг, недоумевая, ответила:

– Десять.

– Ты их выставишь перед гостями?

– А что, не выставлять?

– Всех не надо, половину оставь нам. Что мы будем есть завтра, послезавтра?

Невеста удивленно спросила:

– Свадебные гостинцы разве не для того, чтобы угощать родственников? Если оставить – испортятся.

– Ничего с ними не будет. Положим в погреб. Зато два-три дня поедим досыта.

Под пристальным взглядом мужа жена смутилась, не решилась возразить, но про себя проговорила:

– Да ты, оказывается, не Исак, а Шкьяк⁴⁵!

45. Шкьяк – скупец.

Разговор, состоявшийся между мужем и женой, на следующий день каким-то образом распространился по всему городу. Так за Исаком, сыном вдовы, навсегда закрепилось прозвище «Скупой».

В скупости Исаку не было равных. На всякую вещь он смотрел с точки зрения экономии, как будто в этом и заключалась цель его жизни.

Работал он электриком, был мастером своего дела, был чистоплотен, всегда ходил в хорошо отутюженных брюках и накрахмаленных рубашках. Когда приятели невзначай называли его Скупым Исаком, он пропускал это мимо ушей.

– В трехлитровую банку вмещается тридцать две столовые ложки топленого масла. Тридцать две ложки масла – это на тридцать два дня. Ложкой масла можно приправить кастрюлю еды, – поговаривал он.

Учил экономить и жену:

– Умная женщина на трех хворостинках испечет хлеб из квашни теста.

Дом Исака содержался в образцовом порядке, все здесь сверкало чистотой. Если на полу вдруг оказывались нечаянно оброненные крошки хлеба, хозяин поднимал скандал. То же самое происходило, если его дети позволяли себе поваляться на постели поверх покрывала. «Не жалко вам мять одеяло?!» – кричал он на них. А так как дома не было дивана, детям оставалось полеживать на ковре.

Он был невероятно мелочным человеком. Настаивал, чтобы вещи всегда лежали на своих местах. Придирался ко всему, вплоть до веника. Если вдруг кто-то перед печью подметал не камышовым веничком, специально предназначенным для этого, а обычным, он тут же делал замечание:

– Уж взяли бы метлу!

У них дома в ходу были разные веники. Домочадцы обязаны были помнить, какой из них для чего предназначен. Так, камышовым веничком надо было подметать у печи, полынным – на террасе, метлой из осиновых прутьев – во дворе и на улице перед воротами.

Весной, когда они работали в огороде, он доводил жену до отчаяния. Что бы она ни сажала, он заставлял ее сначала разметить грядки по натянутой веревке, и не дай Аллах ей выйти за пределы обозначенных линий. Когда огурцы выкидывали плети, он заставлял ее аккуратно привязывать их к воткнутым в землю палкам. Если одна из плетей падала, он, указывая пальцем на нее, объяснял детям:

– Видите эту плеть? Если за ней будет должный уход, завтра на ней появятся цветы, потом она даст урожай...

Исак точно знал, сколько огурцов или помидоров поместятся в трехлитровую банку. Он контролировал, как жена заготавливает соленья на зиму... У этого человека зимой снега невозможно было выпросить. Если необходимость приводила кого-то к их дверям, он уходил ни с чем. Такие разговоры частенько доходили до нас.

– Исак, дай лопату ненадолго.

– У меня лопата сломалась, сам как без рук.

– Исак, дай на часок шланг, полить грядки. Наш шланг забрала теща.

– Нашим шлангом разве польешь? Он весь в дырках!

– Исак, не одолжишь лестницу?

– Уже месяц, как нашу лестницу кто-то взял, и до сих пор не возвращает.

Соседи вздыхали:

– Прав был тот, кто прозвал тебя Скупым!

На такие реплики Исак нисколько не обижался. Его

невозможно было вывести из равновесия. Никогда не изменяя себе, он оставался все тем же Скупым Исаком. Соседи от него отделились, а из родственников редко кто заглядывал к ним.

У Скупого Исака росли две дочери и двое сыновей. Старший из детей, Ханмурад, учился в школе-интернате – дома он бывал только по воскресеньям. Дочери без разрешения отца не могли выйти на улицу. Они, как парниковые растения, росли в четырех стенах и не дружили с другими детьми. А когда появлялись среди них, то, не находя общего языка, спешно уходили. Но младший сын Исака, Пирмурад, по прозвищу ШинцІ, по характеру отличался от всех остальных членов своей семьи. Он, добродушный, покладистый, постоянно общался с нами. Однако домой к ним и даже во двор никто из нас не заглядывал, и сам он никогда нас к себе не звал. Мы же, зная характер его отца, старались обходить их.

Их дом отличался от всех других: дорога от ворот до дома была забетонирована и покрыта навесом, что походило на тоннель. После привычных светлых дворов здесь у человека сжималось сердце.

Соседки жалели Алият и ее детей:

– Бедняжка Алият, и как она только терпит жизнь в этой клетке? Этот человек держит свою семью как в заточении. Зачем его создал Всевышний?

Окна их дома отличались от привычных для кусарцев больших светлых окон: эти маленькие окошечки всегда были задернуты занавесками, из-за которых украдкой выглядывали на улицу сестры ШинцІа.

Как-то ночью меня разбудили шум и крики. У нас дома повсюду был включен свет, однако родителей не было. Выйдя на улицу, я увидела, что дом Скупого Исака объят пламенем. Перед ним собралось много народу. Выстроившись в живую

цепь, люди таскали ведрами воду из канавы неподалеку. Стоящие ближе всех к дому плескали водой в огонь. Крыша с треском стреляла во все стороны горящими досками. Темноту ночи освещало невиданно яркое зарево. Картина была устрашающая. Стоящие поодаль старушки не могли сдержать слез.

На рассвете на месте дома Исака стояли обуглившиеся стены. Люди, всю ночь борющиеся с огнем, уныло двигались с почерневшими лицами. Они не осмеливались смотреть на остолбеневшего Исака. Соседи не находили слов для утешения. В сторонке стояла и Алият с детьми. Они молча, с грустью смотрели на еще дымящиеся стены своего дома. Навес от ворот к дому обрушился, и двор теперь был у всех на виду.

Соседи без конца уговаривали их, зазывая к себе домой, чтобы они могли отдохнуть. Вскоре соседи договорились устроить мел и восстановить дом Исака. Каждый пообещал в меру своих сил дать и денег в помощь погорельцам.

– Крепись, мы восстановим твой дом таким, каким он был, – говорили они, окружив Исака.

– Каким был – не надо! Мне не надо дома такого, какой был. Не нужна мне берлога!

Все повернулись к доселе молчавшей Алият. У нее дрожали губы.

– Лучше остаться без крыши над головой, чем иметь такой дом, – и гнев, и боль прозвучали в ее голосе. Дочери, побледневшие, прижались к ней.

Мы утешали, как могли, безмолвно стоявшего в стороне от всех Шинца.

Через день рано утром перед их домом зурначи заиграли «Экуьнар»⁴⁶, созывая людей на мел. Через полчаса работа уже

46. Экуьнар – лезгинская народная мелодия, исполняемая зурначами рано утром и созывающая народ на торжество.

вовсю кипела. Обрушивали остатки стен, тащили и замешивали привезенную в грузовиках глину для саманных кирпичей. Улица наполнилась веселыми голосами. Мы, дети, тоже помогали взрослым. Это был самый большой мел, какой я только видела. С каким воодушевлением работали в тот день люди! Боль семьи Исака они восприняли как собственную. Работа продолжалась до полуночи.

Вот так, сообща, за два месяца выстроили новый дом. По желанию тети Алият его возвели двухэтажным. Он был с открытым балконом, с большими окнами. Купили семье, которой ничего не удалось спасти от пожара, все необходимое в повседневной жизни.

Увы, от сожаления ли о сгоревшем доме, от потрясения ли при виде людской заботы о своей семье или же по другой причине вскоре Скупой Исак слег и больше уже не встал. Тетя Алият на месте, некогда закрытом глухим навесом, разбила цветник.

– Пусть перед домом будет открыто и светло, а то у меня сердце сжимается, – говорила она.

Соседские дети всегда брали у них цветы на все торжественные мероприятия в школе. Тетя Алият никому не отказывала – всем дарила букеты.

8. *Воршишки*

Халиса по прозвищу Хаці была примером для всех ребят на нашей улице. Каждое слово она произносила обдуманно. Для всех членов ее семьи было характерно говорить не спеша, отвечать обстоятельно. Отличала их еще одна особенность: отец с матерью, братья и сестры – все они были полными.

Дядя Играмудин, отец Хаці, вернулся с Великой Отечественной войны без ноги, на костылях. Он получал пенсию и официально нигде не работал. Но был трудолюбивым человеком. У себя во дворе он создал мастерскую, где его привыкли видеть с рубанком или ножовкой в руке. Долгими днями он вырезал из дерева доски для раскатывания теста, скалки, веселки, ложки, ремонтировал замки и прочее. Продавец Алибуба сбывал его изделия на базаре и половину вырученных денег отдавал ему.

Тетя Минавер, мать Хаці, была уборщицей в нашей школе. Она тоже не покладая рук работала дома, да и в школе успевала управляться. Тетя Минавер и детей своих приучила к труду. Дома у них были свои порядки. Дети побаивались отца. Они не могли, как другие, уходить из дома по своему желанию. Хаці, две ее младшие сестренки и двое братишек выходили играть с детьми на улицу обычно два раза в неделю – в субботу и воскресенье.

Порой мы жалели Хаці. Она походила на маленькую женщину, которой некогда было отдыхать. Но одно было ясно: Халиса не была похожа на остальных детей. Говорили, что она не по возрасту умная, усердная, чистоплотная девочка. Она никогда не расставалась с веником. Раз в неделю выносила из дома в сад паласы и ковры, вытряхивала из них пыль и, подержав

некоторое время на солнце, заносила обратно. ХацІ не знала, что значит лениться. Учились же все их дети на пятерки. В школе детей Играмудина ставили всем в пример.

По их одноэтажному дому, расположенному между традиционными двухэтажными домами с большими верандами, нетрудно было догадаться, что живут они бедно. Все богатство их дома состояло из железной кровати, небольшого посудного шкафа и стола. Дети готовились к урокам на подоконниках. На них и писали, устроившись на полу на подушках для сиденья. На кровати аккуратно складывали горкой постель. С одного конца кровати свисал полог из беленой бязи с узорами, вышитыми шелковыми нитями матерью ХацІ. Большие подушки, уложенные друг на друга, тоже были прикрыты пологом. Кроме шести стульев и двух табуреток, сидеть больше было не на чем. Одежду они вешали на террасе – на деревянных крючках за крахмаленной белой занавеской. Ели, сидя на полу. В этом безупречно чистом доме, везде застеленном паласами и коврами, было так уютно, что нам, соседским детям, не хотелось уходить оттуда.

Несмотря на свою бедность, дядя Играмудин и тетя Минавер были щедрыми и сердечными людьми. Вот почему их дом всегда был полон гостей. Они никого не отпускали, не накормив. Сразу же выставляли на скатерть все, что у них было. Придерживались они еще одного своего обычая: собирали в саду опавшие с деревьев фрукты и выносили на улицу: «Чем пропадать, пусть уж лучше дети съедят». И дети поедали их с удовольствием. Когда трясли тутовое дерево, тетя Минавер угощала тутовыми ягодами и соседей. На чердаке у них в изобилии сушились дары леса – плоды мушмулы, боярышника, шиповника, калины, облепихи. Тетя Минавер собирала их вместе со своими детьми, а зимой и нам давала по мере надобности.

Как-то вечером я заглянула к ХацІ, когда их семья ужинала. У

них стоял запах свежее испеченного хлеба. Я тоже подседа к ним и протянула руку за хлебом. В сыворотку с остатками брынзы был накрошен лук. Я с аппетитом поела, макая куски свежего хлеба в металлическую миску. Мне казалось, что я никогда в жизни не ела ничего вкуснее!

Вернувшись домой, я пристала к матери:

– Почему ты не готовишь такую вкусную закуску?

Когда мама узнала, что речь идет о сырной сыворотке, приправленной луком, она громко рассмеялась.

Однажды мы с ХацІ пошли в лес за листьями. Это было обычным делом: по весне, когда деревья покрывались свежей листвой, взрослые отправляли детей в лес за листьями для скотины. И сами взрослые, возвращаясь с полевых работ, приносили домой вязанки веток, считая, что в свежих листьях много витаминов. Их давали скотине, воротившейся с пастбища.

Ходить в лес за вязанками зеленых ветвей было нашим любимым занятием. Несколько часов мы проводили в задорных играх, а когда уставали, то, наломав ветвей, перевязывали их веревками и, взвалив вязанки на спину, тащили домой.

В тот день за зелеными ветками мы пошли вдвоем с ХацІ. Сердце радовалось погожему дню. Лес был по-весеннему красив. На опушке распустилось так много цветов, что жаль было ступать туда ногой. Собирая цветы, мы вышли на нашу любимую поляну. Почувствовав усталость, легли на траву. В животах у нас обеих урчало.

– Чего бы ты сейчас поела? – спросила меня ХацІ.

– Хлеба с сывороткой, – ответила я. И представила себе свежее испеченный хлеб и сыворотку с творогом и мелко нарезанным репчатым луком.

– Тоже мне, наша, о чем мечтать! Если уж мечтать, то о чем-то стоящем! – У ХацІ заблестели глаза. – Я бы сейчас съела

цикІен⁴⁷. И чтобы в нем было вдоволь баранины и орехов! – ХацІ даже слюну сглотнула.

– И афарар было бы хорошо! С крапивой, черемшой. А рядом чтобы полная миска кефира, приправленного чесноком! – восторженно вздохнула я.

– А может, поедим котлеты? – подзадоривала меня ХацІ.

Как же хотелось есть! Попробуй теперь, на голодный желудок, наломай веток да тащись домой с тяжелой вязанкой на спине...

– ХацІ, знаешь, что мы сделаем, как только придем домой? Посыплем хлеб солью, хорошенько натрем чесночком, намажем толстым слоем творога и слопаем!

– Не знаю, что будешь делать ты, но я, как приду, примусь за долму⁴⁸! Подогрею, выложу в миску, полью подливой из мушмулы и буду есть не спеша...

Меня передернуло: я знала, что она выдумывает. Кто знает, когда ей, бедной, приходилось в последний раз пробовать долму! От этой мысли у меня защемило сердце, но чтобы не обидеть ее, я смолчала.

На нашей поляне гуляли забредшие откуда-то куры. Они, надоедая своим кудахтаньем, подходили и к нам. И не убегали, даже когда мы их отгоняли.

– Нет у нас огня, а то поймали бы курицу и зажарили, – пошутила ХацІ.

Вдруг ей взбрело в голову другое:

– КІампІул, мы же можем хоть раз в жизни принести домой гостинец?

Видя, что я ничего не поняла, она добавила:

– Давай поймаем по курице и унесем. Их здесь вон сколько!

– А что с ними делать? – удивилась я. – Чего только ты не придумашь...

47. ЦикІен – пирог с мясом, картошкой, луком, орехами и приправами.

48. Долма – голубцы.

– Как – что делать? Пожарим и съедим! И мамы наши обрадуются, – вдохновилась ХацІ.

– А ты – голова, чан текый ви⁴⁹, ХацІ! Я бы до такого ни за что не додумалась, – польстила я ей.

– Чтобы думать, нужна голова! – рассмеялась ХацІ.

Да, чтобы порадовать наших матерей, стоило принести домой по гостинцу. И мы стали гоняться за курами. Но куры, которых мы только что никак не могли отогнать, теперь, хлопая крыльями, разбегались, чтобы не попасть к нам в руки. Мы измучились, но не прекращали их преследовать. Наконец нам все же удалось поймать двух кур. Прижав им крылья и сунув под мышку, мы отправились домой, забыв про ветки для скотины. Мы были несказанно рады тому, что нашли способ чем-то угодить своим домашним. ХацІ громко затянула «Даллай»:

*Япунчидал чиг алай,
КІани ярдал рикІ алай,
Рушаз гада акуна,
ГьикІ шад тахъуй рикІ даллай⁵⁰.*

Потом мы запели на два голоса:

*Даллай, даллай, рудаллай,
Аман, даллай, рудаллай!*

Мы дошли до дома, мысленно уже ощущая запах жареной курятины. Попрощавшись с ХацІ, я пулей влетела во двор. Тайком запустила курицу в погреб, плотно притворила его дверь и, не заходя домой, со двора радостно позвала:

49. Чан текый ви – чтоб тебе не умереть (в значении: «Дай Бог тебе здоровья!»).

50. В бурке, мокрой от росы,
Влюбленного,
Девушка встретила парня,
Сияет счастьем, даллай.

– Диде! Я диде!

Мама не отвечала.

– Диде, где ты? – разносился мой голос.

– Мама пошла в магазин, – наконец ответила мне сестра.

Видя меня возбужденной, Саяд любопытствовала:

– К добру ли?

С ней я не пожелала откровенничать, хотя меня неудержимо тянуло открыть свою тайну. Я хотела сначала порадовать маму.

Дома мне не сиделось. Я вышла на улицу. Там никого не оказалось, и я нехотя поплелась к дому ХаџІ. «Тетя Минавер наверняка обрадовалась курице...» Еще не доходя до их дома, я услышала шум и крики тети Минавер, которая никогда не повышала голоса. Что же могло случиться?

– Ты мне гостинец принесла? – кричала тетя Минавер. Мне показалось, что в саду раздался свист хлыста. – Ты решила опозорить нас перед людьми? Только вора нам не хватало! – Опять раздался звук, подобный свисту – похоже, это была кизиловая палка. – Я вахар-дидеяр⁵¹, что за горе, что за позор! Не видели бы этого мои глаза!

Она не успокаивалась. Не понимая, в чем дело, напуганная, я подошла поближе. И через низкий забор увидела, как тетя Минавер стегает ХаџІ. А та горько плачет.

– Кроме тебя, кто-нибудь еще принес домой гостинец? – прератив хлестать, спросила тетя Минавер.

– Да – КІампІул, – плача, ответила ХаџІ.

– Аллах лишил вас ума. Два сапога пара! Чтоб вам сгинуть в один день! Связать бы вас вместе и утопить в реке!

Женщина долго ругала ее. А потом, сунув верещавшую курицу под мышку ХаџІ, закричала:

– Отнесешь свой гостинец туда, откуда взяла, иначе я с

51. Вахар-дидеяр – сестрицы-матери.

тебя шкуру спушу! Даю тебе час времени, ты слышишь?

Чтобы не быть замеченной тетей Минавер, я спряталась за тутовником перед их домом. Когда из ворот вышла ХацI с курицей под мышкой, я подошла к ней и обняла ее. Не в состоянии вымолвить ни слова, она опухшими от слез глазами воззрилась на меня, словно спрашивая взглядом: «А тебя разве не побили?» Пытаясь как-то успокоить ее, я пояснила, почему избежала наказания:

– Мама еще не вернулась из магазина.

– Повезло, а то и тебе досталось бы! Беги домой, забирай свою проклятую курицу – отпустим их на поляне.

Мы молча дошли до нашего дома. Я дрожала при одной мысли о том, что вот-вот вернется мама. Успеть бы поймать курицу и незаметно выбежать! Слава Аллаху, так и случилось...

Мы тихо шли по улице, опустив головы и не глядя по сторонам. Меньше всего нам хотелось попасться на глаза МутIу, ПатIи и особенно – МахитI. Вот бы они посмеялись над нами! Но пронесло – никто нам не встретился.

Дойдя до поляны, мы выпустили кур, после чего облегченно вздохнули и молча повалились на траву. Наконец, успокоившись, ХацI сказала:

– КIампIул, вот так человек делает свой первый шаг к воровству...

ХацI произнесла эти слова таким тоном, что я испугалась. Было очень стыдно. И ХацI, опустив глаза, кивнула. Мы долго сидели на траве, молча обхватив руками колени. В эти минуты мы чувствовали себя самыми несчастными людьми в мире. Однако голод опять дал о себе знать. В животе у обеих гремел гром. И мы обратили внимание на то, что поляна была полна щавеля. Каким он был вкусным! Когда повеяло вечерним ветерком, мы вспомнили, зачем приходили в лес. Собрав по большой вязанке веток, мы отправились домой.

9. Тутус

Тутус – светлокожий, упитанный, симпатичный мальчик – походил на свежеиспеченную булочку. По нему, краснощекому и пузатенькому, было видно, что он из состоятельной семьи. Каждый раз при появлении Тутуса мы поглядывали на карманы его штанов. Если они оттопыривались, значит, у него были с собой ириски или барбариски. Он, ничуть не жадничая, раздавал их нам. Но если карманы у него оказывались пустыми, к нему никто не подходил – его просто не замечали.

Дядя Джаруллах, отец Тутуса, держал магазин на нашей улице. Тутус иногда приносил оттуда и щедро раздавал нам разные сладости. Делил между нами поровну и себе тоже оставлял. Но Плати каждый раз хотел большего и вырывал из рук Тутуса оставленное им для себя, приговаривая:

– Ты и так вон какой откормленный! Отдай, лучше мы съедим. А что – нам, бедным, нельзя?

Тутус не обижался, а если и обижался, то никогда этого не показывал – просто молча смотрел на детей, шумно сосущих леденцы. Он с пониманием глядел на вылинявшую, застиранную до дыр рубашку Плати, внука вдовы Чюквер. Все мы знали, что хоть Плати и носит заплатанные галоши, у него большое доброе сердце. Поэтому Тутус не обращал внимания на капризы Плати. Ребята ценили это в Тутусе, за что и принимали его в свою команду.

Сладкий аромат принесенных Тутусом ирисок или барбарисок распространялся в воздухе. Но мы почему-то не догадывались сказать Тутусу спасибо за конфеты, как будто раздавать их нам входило в его обязанности. Как бы то ни было, мы к

этому привыкли, и каждый раз при его появлении наши взгляды невольно устремлялись к его карманам. Он же, по обыкновению, лез в карманы с видом взрослого, одаривающего детей. Его голубые глаза всегда радостно блестели, когда он видел наши протянутые руки.

Настоящим именем Тутуса было Садик. А прозвище «Тутус» он получил года два назад. И вот как это было.

По дороге из Кусаров в село Цурухудат, слева, на косогоре над лесом, раскинулся облюбованный нами грушевый сад. В ту пору он, как и все остальные совхозные сады, не был огорожен. Место было неопишимо красивое. По его верху проходил довольно глубокий канал с поливной водой для садов и огородов.

По одну сторону от сада тянулась вдаль бесконечная нива. По другую рос лесок, где между деревцами и кустами кизила, боярышника, мушмулы, калины, ежевики, шиповника раскинулись несколько красивых полянок. На каждой из них росли цветы какого-то одного цвета: красные, синие, голубые, желтые. Потому мы и называли их «Красная поляна», «Синяя поляна», «Голубая поляна», «Желтая поляна»... Они были подобны узорам ковров. Мы очень любили эти поляны, и где бы ни находились, отдыхать обязательно прибегали туда. Там же мы собирали и веники для дворов.

Какими же смелыми были кусарские дети в ту пору! Они хорошо знали, на каком холме или в каком саду что растет и когда зреет. И стайкой летели в нужное место.

В конце июня, когда в грушевом саду недалеко от Цурухудата начинали убирать урожай, мы устремлялись туда. В тот раз, когда я, Махит, Хац, Тат, Мут, Шинц и Садик появились в саду, нашим глазам предстала удивительная картина: на пригорке, на большом старом грушевом дереве сорта «Тутус», плодов было больше, чем листьев! Земля под деревом была сплошь усеяна спелыми грушами – негде было ногой ступить. От их

сладкого аромата голова шла кругом. Над ними гудели пчелы, в воздухе носились осы, бабочки и еще какие-то букашки.

Мы, уставшие и проголодавшиеся после дальнего пути, обрадовались такому изобилию.

– Давайте залезем на дерево! – предложил Патги, и мы тут же послушались его. Каждый из нас облюбовал себе отдельную ветку. Впившись зубами в медово-сладкие груши, брызжущие соком, мы позабыли обо всем на свете. Но и когда наелись, глаза наши не насытились – мы стали надкусывать и бросать на землю лучшие желтые плоды. Потом стали кидаться ими друг в друга. Наши радостные голоса разносились далеко по округе.

Мы были словно птички, подпрыгивающие на ветках. От нашей тяжести спелые плоды шумно падали вниз. Нам нравился тупой звук их ударов о землю.

Вдруг раздался крик Шинца, забравшегося на самую верхушку дерева:

– Ребята, сторож идет!

В одно мгновение мы, как стрелы из лука, сорвались вниз и пулей побежали к лесочку, спотыкаясь, падая и вставая, обгоняя друг друга. Каждый, перепуганный, думал только о себе.

Когда мы добежали до лесочка, до нас донеслись крики Сади-ка. А случилось вот что. Оказывается, от груш «ТутГус» у Сади-ка расстроился живот, и он побежал в кусты. Не ведая ни о чем, он вернулся к дереву, где его и застукал сторож дядя Девришали. Гневно сжимая губы, старик оттягивал ему ухо. Бедному Садику, кричавшему от боли пришлось отдуваться за всех нас.

– Увидишь, как я из тебя душу вытрясу! Увидишь, как я тебя отделаю! – угрожал дядя Девришали. Потом он повернулся в нашу сторону. – Чтоб вам животы разорвало, ненасытные! Животные – и те так не поступают! Они только наполняют себе желудок, лишнего не портят, а вы?

Проклиная нас и выкрикивая нравоучения, дядя Девришали то и дело угощал бедного Садика тумаками, и каждый раз у того вырывался вопль. Мы в своем укрытии тряслись от страха. Как вырвать Садика из рук разгневанного дяди Девришали? У проворного старика была тяжелая рука. Нам, охваченным страхом и потерявшим голову, оставалось лишь жалеть своего товарища.

Наконец не выдержал ТатИи. Ничего нам не сказав, он вышел из укрытия и направился к дереву, под которым все происходило. Мы взволнованно и с горечью наблюдали за ним: «Что же задумал ТатИи?»

Дойдя до сторожа и Садика, ТатИи сказал:

– Дядя Девришали, бедный Садик ни в чем не виноват, отпусти его. Это я тряс груши, а он даже не залезал на дерево. У него разболелся живот, потому он и пошел в кусты. Если надо бить, то бей меня.

Сторож как-то спокойно выслушал ТатИи и спросил:

– А ты не врешь?

ТатИи ударил себя в грудь:

– Клянусь, не вру!

Гнев сторожа вроде бы улегся.

– Так было? – обратился он к Садик. Тот, с опухшими от слез глазами, кивнул головой. Сторож отпустил его ухо, отошел и сел на траву. Вынул из кармана кисет с табаком и свернул самокрутку. Закурил и, не глядя на ТатИи, сказал:

– Что съели, то съели, но зачем портить остальное? – в его голосе, не совсем еще остывшем от гнева, прозвучала боль, которая застыла комком в его горле. Обросшее, иссушенное его лицо вдруг стало скорбным. Теперь мы жалели дядю Девришали, забыв, как он расправился с Садиком.

– Вы знаете, сколько на свете людей, которым даже и не снятся груши? А вы? Набиваете животы и не думаете, что где-то есть голодающие.

Старик, утирая пот со лба, указал под дерево, где мы растоптали опавшие плоды. Тiатiи с Садиком молча, опустив головы, стояли перед ним.

Потом старик встал и не спеша направился в сторону села.

Мы вышли из кустов и подбежали к мальчикам. И следа не осталось от нашего прежнего радостного настроения. Под деревом было полно раздавленных груш. Мы смотрели на них так, словно видели впервые. Тiатiи хлопнул Садика по плечу:

– Не плачь, Тутiус!

Мы все повернулись к Садику. Это прозвище очень подходило ему: мальчик так напоминал пузатенькую желтую грушу «Тутiус»! И, как всегда, Садик нисколько не обиделся на Тiатiи. Напротив, он смотрел на Тiатiи как-то по-другому. В его взгляде были удивление и любовь. Наверное, таким же взглядом смотрели на самого смелого мальчика и я, и Махитi, и Хацi, и Мутi, и Пинцi. Мы не находили слов, чтобы выразить свои чувства.

– Давайте соберем груши для наших домашних, иначе они просто пропадут, – сказал Тiатiи и начал собирать груши в подол своей старенькой рубашки. Мы последовали его примеру...

После того случая Садика переименовали в Тутiуса. Настоящим именем его уже никто не называл.

Позже от отца я кое-что узнала о дяде Девришали. Оказывается, когда он сражался на фронте во время Великой Отечественной войны, его жена и двое детей погибли в селе от голода. Вернувшись с войны, он вновь женился, но детей у них не было. О том, что узнала о дяде Девришали, я рассказала и ребятам. Их его история тоже очень тронула. К фруктовым деревьям мы с тех пор стали относиться бережно.

10. Баркаваны⁵²

Долгими зимними вечерами отец рассказывал нам сказки. Как много знал он сказок! Это были захватывающие предания о герое Шарвили, о богатыре Тагане, Эседе Искандере, Семиаршинном Магомеде и других героях и богатырях. Отец был замечательным рассказчиком, и все, о чем он рассказывал, как наяву вставало перед нашими глазами. Он не повторял одну сказку дважды, но если вдруг, забыв, приступал к уже слышанной нами, мы его в один голос останавливали: «Не эту, не эту!» Правда, такое случалось редко.

Когда мир снаружи сковывался морозом, сказки и предания, рассказываемые отцом, словно по волшебству укорачивали длинные ночи. Сидя у натопленной печи, мы, шестеро детей, с восторгом уносились в мир сказок. Папа рассказывал так оживленно и интересно, что порой и мама, оставив свои дела, подсаживалась к нам и тоже слушала. Я не знала никого другого, кто умел бы так увлекательно рассказывать... Была среди них одна сказка, которая доставила нам сердечную боль и которую я помню до сих пор, потому что отец поведал ее нам с особой грустью. Иногда я задумываюсь, не придумал ли ее он сам? Впрочем, и другие папины сказки и предания я больше никогда и нигде не читала и не слышала.

Сказки отца получили известность на всей нашей улице: я пересказывала их другим детям, а те слушали, разинув рты.

52. Баркаванар – счастливики.

Его сказки отличались от других и вызывали неизменный интерес. Помню, как-то ребята с нашей улицы задержались у нас дольше обычного. Чтобы утихомирить шум и гвалт в доме, полном детей, отец начал рассказывать нам одну сказку, которую я и хочу пересказать.

В глубокой древности у лезгин был один большой магал у подножия гор. Это было благодатное место, с любовью устроенное Всевышним, и жил там счастливый народ. Природа не пощупилась, наделяя магал красотами и жизненной силой. Были здесь неоглядные пастбища, тучные нивы, с которых собирали урожай два раза в год, зеленели нетронутые леса, вид которых радовал сердце. Эту землю со всех сторон окружали горные вершины, охраняя ее спокойствие. Поля здесь оживляли звонкие родники и быстрые шумные реки. В садах и огородах созревал такой богатый урожай, что его не успевали убирать.

Жили на этой земле красивые люди, мужественные и крепкие телом, о которых везде шла добрая молва. Век их был долог, они не знали болезней. Характером они были добры, на лице у них светилась улыбка, говорили ласково, не знали ссор и споров.

В их языке не было бранных слов.

Были они трудолюбивы. И мужчины, и женщины у них работали без усталости, в поте лица, до мозолей на руках. Они не знали, что значит бесцельно проводить дни, брать чужое, скрывать свое добро, двери их домов всегда были открыты. Они были простодушны, не умели хитрить, свое мнение высказывали

открыто. Люди магала не делили никого на своих и чужих – все были как одна семья.

А как много было у них празднеств! Их проводили бурно, радостно, с танцами и песнями. В торжествах, продолжавшихся от заката до рассвета, участвовали и стар и млад.

Свадьбы здесь игрались семь дней и семь ночей. Новой семье каждый помогал, чем мог. Эти люди сначала думали о духовной пище, а уже потом – о еде. Счастливая жизнь при налаженном быте придавала им красоту.

Другие народы так и называли их – баркаваны. Слава о них распространилась далеко, другие народы их почитали, им подражали, им завидовали, у них перенимали знания. Посмотреть на них приезжали люди из соседних магалов и вилайатов. Баркаваны отличались гостеприимством – принимали всех радушно, по своим обычаям, оказывали им всевозможное уважение и с почестями провожали в обратный путь. Гости же, вернувшись к себе, восторженно рассказывали своим обо всем увиденном. Особенно они восторгались тем, что у баркаванов и юноши, и девушки были неустрашимы, а потому никакой враг не мог устоять перед ними.

Среди чужих были и те, кто ненавидел баркаванов. Завистливые, не терпящие чужого счастья, они не находили себе места, когда слышали восторженные рассказы о баркаванах, и злобно говорили: «Их надо проучить!» Такие люди стояли и во главе народа, именовавшегося чукватуры⁵³. Это были люди, заботившиеся только о своем благе, ненасытные и высокомерные.

Чукватуры, потеряв покой, приглядывались к баркаванам, все думали-гадали, как расправиться с ними.

И вот предводитель этого магала созвал своих приближенных и сказал:

53. Чукватураp – половники.

– С этого дня самый главный наш враг – баркаваны. Надо немедленно покорить их. Если мы не разделимся с ними, они нападут на нас.

Один из приближенных не согласился с ним:

– Баркаваны никогда не захватывали чужих земель. А когда нападают на них, они все вместе, мужчины и женщины, старики и дети, поднимаются на защиту родной земли.

Предводитель чукватуров засмеялся и сказал:

– Мы не потеряем, чтобы по соседству с нами жил такой сильный народ. Если ничего не предпринять, они станут еще сильнее, и когда-нибудь нападут на нас. Я знаю, что делать! Мужество побеждается хитростью, правда – ложью, добро – злом. Чтобы добиться своего, потребуется схитрить. Вы подумайте над тем, как их рассорить, натравить друг на друга. Нужно посеять среди баркаванов семена раздора и вражды.

Наконец, чукватуры приняли вот какое решение: несколько человек из них под видом изучения садоводческого дела отправятся в соседний магал и останутся там.

Баркаваны радушно приняли садоводов. Они стали учить гостей умению разбивать сады, собирать по два урожая в год с полей. Гости же лисьими повадками да сладкими речами все больше втирались к ним в доверие. И в то же время незаметно сеяли в сердцах баркаванов семена сомнения и подозрения по отношению друг к другу.

На первых порах, услышав от гостей что-то неприятное, баркаваны оставляли это без внимания. Ведь у них не было в обычае злословить, распространять клевету, придирааться к людям. Однако верно говорят, что в распаханной почве всходят семена как полезных растений, так и сорняков. Вот так и в магале баркаванов семена злословия и лжи постепенно стали давать всходы, как весенняя трава на лугу. Над землей баркаванов

задули ветры недоверия и ненависти. И мало кто задумывался над тем, отчего это произошло. Посланники чукватуров сумели прибрать к рукам предводителей баркаванов, изменить их привычный образ жизни. К сожалению, среди баркаванов нашлись те, кто поверил чукватурам.

А ведь соседи и не рассчитывали на такой быстрый и легкий успех! И вот, получив задуманное, они, не скрывая радости, вернулись к себе. Баркаваны же все больше менялись в худшую сторону. Смута, неприязнь и недовольство друг другом охватывали семьи, родственников, села и весь магал. Перестали понимать брат – брата, сын – отца, дочь – мать, молодой – старца. Прежняя благодать ускользала из их домов.

Но среди баркаванов были и те, кто понимал причину бедствия, нагрянувшего на них. Зная, откуда дует ветер, где находится очаг злословия и вражды, они пытались вернуть своих соплеменников на путь истины. Но семена зла, посеянные завистливыми чукватурами, проникли глубоко, и мало кто слушался советов мудрых людей.

Не осталось у баркаванов прежнего единства и сплоченности. Теперь они и болели чаще – всевозможные напасти так и сыпались на них, и работали без прежнего усердия. Многие из них стали умирать в молодом возрасте. Они перестали быть красивыми и крепкими телом, как прежде. В сердцах их, подобно ядовитой змее, угнездилась зависть. Не осталось у баркаванов прежних веселых праздников, торжеств, бурных свадеб. Теперь люди не делились едой – скрывали ее друг от друга. Души их пропитались ложью и презрением.

Вот так прошли годы. Предводитель чукватуров решил еще раз послать своих представителей, чтобы убедиться, как обстоят дела у баркаванов.

На сей раз посланники вернулись довольно быстро и сообщили:

– Тех счастливых баркаванов, какими мы их знали, не осталось.

Предводитель чукватуров подкрутил усы и, смеясь, сказал:

– Рано нам еще успокаиваться. Неприязнь и недовольство проходят быстро, как летний дождь. Теперь вы должны посеять в них семена непреходящей вражды. Нельзя медлить. Сделайте так, чтобы вражда в их домах не прекращалась. Пусть эти люди совсем потеряют голову.

Теперь подосланным не составляло никакого труда вести свою черную работу среди баркаванов. Через некоторое время в их магале начались такие распри, что удивлялись все, кто об этом слышал. Прошло еще некоторое время, и баркаваны разбились на разрозненные кучки. Чукатуры же, пользуясь этим, собрали большое войско и напали на них.

Было время, когда баркаваны все как один вставали на защиту каждой пяди родной земли, но теперь в их сердцах не осталось любви к ней. Чукатуры сумели покорить большой магал. А баркаваны превратились в послушных рабов. Если они и воевали, то лишь друг с другом. Иного врага им не требовалось.

Пролетели годы. Соседи забыли даже название прежнего мужественного племени под названием баркаваны. Теперь они называли их варзаванами⁵⁴.

54. Варзаваны – предающие сами себя.

11. В гости к Баде

Наступили дождливые осенние дни. За ночь печь остывала, и поутру в холодной комнате мы не сразу осмеливались вылезти из постели. В одно такое утро нас разбудил голос мамы:

– Вставайте, дети, мы идем к бабушке!

Интересно, что мы будем делать у бабушки, когда еще даже не рассвело? Мама, чтобы прогнать наш сон, отворила окна. Потянуло холодком, и я, задрожав, с головой укрылась одеялом.

Что может быть слаще утреннего сна! Меня неудержимо тянуло спать, не было сил разомкнуть веки. Но голос мамы звучал настойчиво:

– Кому я говорю, вставайте же!

Сон прошел. Мы, четыре девочки, потягиваясь, нехотя встали. Братья Уфтан и Урват, недовольные тем, что их разбудили, сидели посередине кровати, терли глаза и хныкали. Мама, ласково приговаривая, успокаивала их.

– Вы знаете, кто живет на нижней улице?

– Баде! – вместе ответили они.

– Вот сейчас мы все пойдем к баде, – мама начала одевать мальчиков.

– Ты нас не обманываешь? – усомнился было Уфтан.

– Валлагь⁵⁵! – убедительно ответила мама.

– А где папа? – спросил Уфтан.

На этот его вопрос мама не ответила.

55. Валлагь – честное слово.

– Я хочу папу, – не отставал малыш, и опять не получил ответа.

Мама одела их и вместе с ними спустилась по лестнице. Мы последовали за ними.

Я не утерпела и заглянула в полутемную комнату, где спал отец. Он сидел на стуле, скрестив руки на груди. Увидев меня, отец заставил себя улыбнуться, но его улыбка была невеселой. Мне стало его жаль, захотелось утешить. Тихо, чтобы не услышала мама, я спросила:

– Папа, ты не знаешь, почему мы идем к бабушке?

Он пожал плечами. Это означало, что отец с матерью поссорились, и виноват он. Иначе он не выглядел бы таким удрученным.

– Азгар, куда ты пропала? – услышав сердитый голос мамы, я помахала отцу рукой на прощание, закрыла дверь и поспешила вниз.

Когда мы выходили со двора, неистово кричали петухи. Мы в семером гуськом направились к дому баде. Впереди шагала мама с Уфтаном на руках. За ними – старшая сестра Саяд с Урватом, привязанным платком на спине.

– Осторожно ступай, а то упадешь! – подковырнула я сестру.

Она мне ответила в таком же тоне:

– Держись подальше, КIAMПул, а то я наступлю на тебя, – это был намек на мой маленький рост.

За мной следовали Чимер и Синер.

Выходя из дома, мама нас строго предупредила:

– Смотрите у меня, на улице не разговаривать! Пока не дойдем до дома баде, чтобы я никого не слышала.

Мы, как могли, старались сдерживать свои эмоции. Впрочем, нас, не выспавшихся, и не особенно тянуло разговаривать.

Мы всегда были рады увидеться с баде, но эта утренняя прогулка казалась нам тяжелой и неприятной. Дом баде стоял у оврага, на две улицы ниже нашего дома. В другое время мы мигом добежали бы туда, сегодня же еле передвигали ноги.

Красивое белое лицо мамы отливало синевой. По ее молчанию, задумчивости, даже по ее походке мы догадывались, что произошло что-то нехорошее. Глаза ее были грустны. Всегда веселая и разговорчивая, она не проронила ни слова за всю дорогу. Чувствуя ее состояние, притихли и младшие.

– Ты не знаешь, почему мы идем к баде? – спросила я у Саяд.

– Откуда мне знать? – ответила она. Я же для себя перевела: «Мама мне наказала, чтобы я молчала...»

– Змея ты подколодная! – сказала я ей. Она же, довольная собой, заулыбалась: мол, я все знаю, но никому ничего не скажу.

Вот мы и дошли. Двухэтажный побеленный дом бабушки, с большой верандой спереди, стоял посреди большого сада. Баде удивленно воззрилась на свою дочь, вместе со своими детьми ни свет ни заря появившуюся у ворот отцовского дома. Уфтан и Урват, радостные, раскинув ручонки, потянулись к бабушке. Чимер и Синер с двух сторон уцепились за подол ее платья...

Мы с Саяд с любопытством прислушивались к разговору взрослых, но я мало что понимала. Баде прижала палец к губам: «Дома спят, тише!» – и повела нас в дом. Расстелили постель у теплой печи, и дети, уставшие от утренней ходьбы, бросились на нее. Те, кому не хватило места, легли на кровати.

Только Уфтан не хотел спать. Со словами «квар-квар»⁵⁶ он приставал к баде. Ей не оставалось ничего другого, как включиться в игру. Бабушка стала покачивать внука на спине, подобно кувшину для сбивания масла, и приговаривать:

– Квар-квар, кому хлеба с маслом?

Уфтан радостно закричал:

– Бабушке!

– Квар-квар, кому айран с хлебом?

56. Квар – большой глиняный кувшин для сбивания масла; пахталка. Здесь: название детской игры.

– Маме!

– Квар-квар, кому простоквашу с хлебом?

– Саяд!

– Квар-квар, кому помыть хъурх⁵⁷ с завязкой?

«Кому же еще? Азгар! – заранее обижаясь, подумала я. – Мне всегда достается напоследок помыть кувшин и этот курк с завязкой».

Уфтан залился смехом:

– Азгар!

– Квар-квар, кому помыть кувшин?

За Уфтана ответила я:

– Только никому другому!

– Азгар! – радостно завопил Уфтан.

– А теперь давай-ка бабушка уложит тебя спать, – приласкав внука, она хотела уложить его.

Но Уфтан совсем забыл про сон и, расшалившись, требовал:

– Еще, еще!

И бабушка умиротворенным голосом продолжила:

– Квар-квар, кому хлеба с маслом?..

Я не помню, когда заснула.

Проснулась от шепота взрослых. Бабушка с мамой сидели у печи лицом к лицу. Как красил мягкий голос бабушки ее ясное лицо с большими черными глазами, в обрамлении седых локонов, выбивавшихся из-под черного бархатного шутку! Мы никогда не видели, чтобы баде повышала голос или хмурилась. Она обладала неиссякаемым терпением.

– Чан руш, Саимат, – говорила она маме, – по шилу не бьют кулаком. Стыдно, если люди услышат. Человек должен иметь

57. Хъурх – курк (кусок обработанного специальным образом желудка животного, которым раньше завязывали горловину сосудов).

хотя бы немножко терпения. У тебя шестеро детей. Не разрушай свое гнездо. Не гаси свой очаг своими руками.

– Я не вернусь туда. Пусть хоть режут меня, не вернусь. Кончилось мое терпение! Ты многого не знаешь... – мама расплакалась.

– Не хочешь – не возвращайся, дочка. Здесь и твой дом.

– Брат не рассердится?

– Если и рассердится, не выгонит же он сестру.

Теперь я поняла, что отец с матерью поссорились серьезно. Но было еще что-то непостижимое для ума двенадцатилетнего ребенка... Мы, дети, от души веселились. Нас шестеро, да еще четверо детей дяди – доставалось же бедной бабушке от нашей беготни и шума!

Бабушку свою мы обожали. Не могли наслушаться ее, когда она что-то рассказывала нам. Это была высокая худощавая старушка со светлым лицом, изборожденным морщинами. Она носила длинное платье с оторочкой и шутку со свисающими спереди серебряными монетами. Из-под платья выглядывали черные шаровары в складку. У нее была привычка каждый вечер, когда дома все засыпали, гладить свою одежду. Мы этому удивлялись: разве старушки наряжаются?

Не было на свете места красивее, уютнее дома баде, где мы чувствовали себя так привольно! И как любили мы бабушкин сад! Наш собственный сад, как и у многих в Кусарах, занимал всего восемь соток. А на бабушкиной улице сады были вдвое больше по площади. В них не успевали собирать урожай яблок, груш, черешни, слив, мушмулы, тутовых ягод. Бабушка жила у своего единственного сына, моего дяди Раджаба. Она не ленилась, и время от времени посылала разных фруктов всем своим четверем дочерям. В свои семьдесят лет она забиралась на деревья и ловко собирала плоды, чем удивляла как нас, так и всех родственников и соседей.

В саду бабушки не росло ничего, что не приносило бы пользы. Она была знакома и с тайнами знахарства. С ранней весны до поздней осени она собирала в лесу и в полях целебные травы, цветы, а после сушила их. Иногда и меня брала с собой в поле, в лес, на берег реки, рассказывала мне о лечебных свойствах разных трав.

Раз в неделю бабушка топила хъар и пекла хлеб. Она же доила коров, подкладывала им корм. Баде была такой трудолюбивой, что не могла сидеть без дела – ее всегда видели или с веником, или со спицами (она что-то постоянно вязала для внуков), а то и с лопатой в огороде. В комнате, где спала бабушка, у одной стены всегда стоял станок с ковром. За год она ткала по два ковра. Бывало, она отправлялась в отдаленные села за новыми образцами ковровых рисунков. И возвращалась довольная, выбрав из десятков образцов именно то, что было ей по душе.

В тот день наши игры затянулись. Дядя с тетей и их дети ушли к себе. Урват уже спал, уткнувшись лицом в колени мамы. Уфтан лежал на подушке на коленях у бабушки. Когда она переставала покачивать его, он тут же хлопал ее рукой по боку:

– Баде, не останавливайся!

Мы, четыре девочки, сидели, прислонясь к стене, и дожидались, когда нам постелят. Но ни бабушка, ни мама не вставали с места. Наконец, спохватившись, баде обратилась к маме:

– Дочка, дети уже спать хотят. Пойди уложи их.

– Мама, не надо стелить, я пойду. Корова вернулась из стада – бедняжка, наверное, не находит себе места. Надо ее подоить.

– Ты же хотела остаться?

В колкой реплике бабушки все мы, да и сама мама, заметили радостные ноты. Мама же, стараясь не подавать виду, чуть помешкав, ответила:

– Я беспокоюсь из-за коровы, а то бы осталась.

– Тогда вставай, не мучай детей! – улыбнулась бабушка.

– Немного подожду – не хотелось бы столкнуться с кем-нибудь из соседей, – сказала мама.

Ночь стояла туманная и холодная. Мы, все семеро, опять, как утром, шли гуськом. Впереди мама с Уфтаном на руках, за ней Саяд с Урватом на спине, потом я, Чимер и Синер.

Выходя из дома бабушки, мама наказала:

– Смотрите, чтобы никто не узнал, что мы сюда приходили! Вы слышите меня?

– Слышим! – хором ответили мы.

Ох и длинной же казалась нам дорога! Она никак не хотела кончаться. Но вот и наш дом. Незапертые ворота открылись от легкого прикосновения. Во дворе, на лавке под тутовником, лежал отец, накрывшись дедушкиным тулупом. Когда мы вошли во двор, он быстро вскочил. Отец не скрывал своей радости. Он виновато сказал:

– Саимат, теленок мычал, я пустил его к корове.

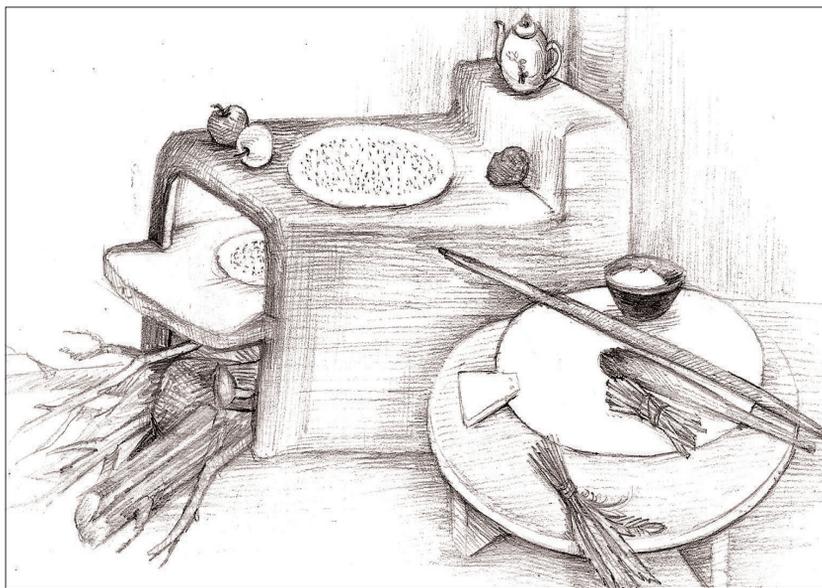
– Правильно сделал, Абдул, – тихо ответила мама.

Отец забрал у Саяд Урвата и молча понес домой. Мама последовала за ним. Мы с Саяд с облегчением посмотрели друг на друга. Радостные, поднялись наверх, нырнули в свои постели...

Это была единственная ссора матери с отцом, о которой мы узнали.

12. Ювар Ювет

В Кусарах на нижней улице жила старушка, которую звали тетушкой Дюгме. Скрюченная, вся иссохшая, маленькая, с палкой в руке – образ этой женщины, хотя она давно ушла в мир иной, часто предстает перед моим взором. И каждый раз в душе моей пробуждается щемящая жалость к ней. Такая жалость, что слезы выступают на глазах. Тетушку Дюгме можно было назвать образцом доброты и человечности. Мягкая и покладистая, она со всеми говорила ласково, с доброй улыбкой. Всегда здоровалась первой, расспрашивала о житье-бытье. Мы, дети, при встрече старались поздороваться первыми, но не получалось. Невозможно было представить, чтобы она за всю свою жизнь причинила

кому-нибудь обиду или хотя бы неприятное слово сказала.

У тетушки Дюгме было трое сыновей – Керимхан, Рагимхан, Хедетхан. Керимхан и Рагимхан со своими семьями жили в верхней части города, на новой улице. Со старушкой оставался ее младший сын Хедетхан. Он был крупным мужчиной, высоким и плотным, с выпяченным животом. Кусарцы прозвали его Хьар Хедетом. И сам он до того свyksя со своим прозвищем, как будто пришел в этот мир Хьар Хедетом. Бывало, кто-нибудь незнакомый спросит у нас:

– Где тут дом Хедета?

– Какого Хедета?

– Хьар Хедета.

– А, вон там, – отвечали мы.

Мы думали, что он получил свое прозвище потому, что ел много. Иначе почему бы человек имел большой живот, напоминающий хьар – печь, где пекут хлеб? Но оказалось, что это не так.

Как рассказывали кусарцы, когда муж тетушки Дюгме ушел на фронт, ее младший сын был полуторагодовалым ребенком. Женщина в одиночку, преодолевая трудности, поднимала сыновей. Работала она санитаркой в поликлинике, находившейся недалеко от ее дома. С утра до вечера убиралась в кабинетах и палатах, старалась, чтобы в них все сверкало чистотой. Глядя на нее, и остальные санитарки старались ей подражать. В редкие свободные минуты тетушка Дюгме бежала домой – посмотреть, как там ее дети. Оставшись вдовой, она, обделяя себя, трудясь днем и ночью, вырастила их, поставила на ноги. Двум старшим сыновьям купила отдельные участки, на которых те и застроились. Сама она продолжала работать до шестидесяти пяти лет. Сыновья долго уговаривали ее выйти на пенсию, и она наконец согласилась.

Я до сих пор помню свадьбу Хедетхана. Когда разнесся слух, что на Речной улице, во дворе тетушки Дюгме, играют

музыканты, и мы, толпа детей с Нагорной улицы – я, МахитI, МутI, ПатIи, ШапI, – побежали туда.

Дом тетушки Дюгме был одноэтажным и маленьким. Обычно в доме, где играют лезгинскую свадьбу, распахиваются все двери, и войти может каждый желающий. Гостевая комната была переполнена девушками, молодыми и старыми женщинами, пришедшими поглядеть на невесту, и нам, детям, было не пройти. Но разве могли мы уйти, не повидав невесту? Мы по очереди пролезли сквозь толпу. Невеста стояла в отдаленном углу, алую шаль уже убрали с ее лица, и все восхищались ее красотой. Мы, девчонки, не могли отвести от нее глаз, особенно МахитI, у которой даже рот раскрылся от изумления – вероятно, она себя представляла невестой...

Невесту звали Серфинат. «Имя такое же красивое, как и сама», – шепнула МахитI мне на ухо. Если бы нас не выдворили из комнаты, кто знает, как долго бы мы разглядывали ее.

С первого же дня разошлись слухи о красоте невесты Хедетхана. Кусарцы ею восторгались – высокая и стройная, белолицая, с длинными черными косами... В Кусарах слухи распространяются быстро, но столь же быстро и затихают. Я не помню, как красавица Серфинат превратилась в бестолковую Серфинат. Но помню, что через несколько лет она из стройной красавицы превратилась в пухлую, как дрожжевое тесто, толстуху.

От прежней красоты Серфинат не осталось и следа. Люди о ней говорили: «Сефегь⁵⁸ СефитI – лицом хмурая, на язык злая». Поговаривали, что невестка изводит тетушку Дюгме. Все осуждали отношение невестки к свекрови. Не поладить с ласковой, добрейшей души тетушкой Дюгме – это было уму непостижимо. Та сумела бы найти общий язык даже со змеей. Соседи и родственники пытались научить Серфинат уму-разуму, но где

58. Сефегь – бестолковая.

уж было бестолочи перенять разумное! Она не уставала про-
клинять свекровь:

– Чтоб погаствой очаг! Чтоб прервалось дыхание твое! Чтоб ты
сквозь землю провалилась! Чтоб ты уснула навсегда! Чтоб тебя
адское пламя сожгло! Чтоб у тебя кости рассыпались!..

Поражались не только родственники, но даже и посторонние
люди. У многих душа болела от ее поведения. Это надо же было
додуматься до такого – не давать житья слабой старушке, тихой,
неприхотливой в еде, самой заботящейся о себе! Когда пошли
слухи, что она сама стирает свою одежду, а еду в доме ей готовят
в отдельной кастрюле, уже и родня самой невестки попытались
образумить ее. Но словами СефитI-Бестолочь было не пронять:

– Вы не знаете Дюгме! Чтобы ее узнать, надо походить у нее
в невестках. Она такая двуличная! Людям показывает себя анге-
лом, а сама – настоящий малкамут⁵⁹. Ни на что не годная, только
и знает, что день и ночь жует, как корова...

Последние ее слова вызывали у всех только смех, потому что
у старухи выпали все зубы, и питаться она могла только жидким.
Еще все знали о том, что невестка забирает у нее половину пенсии.

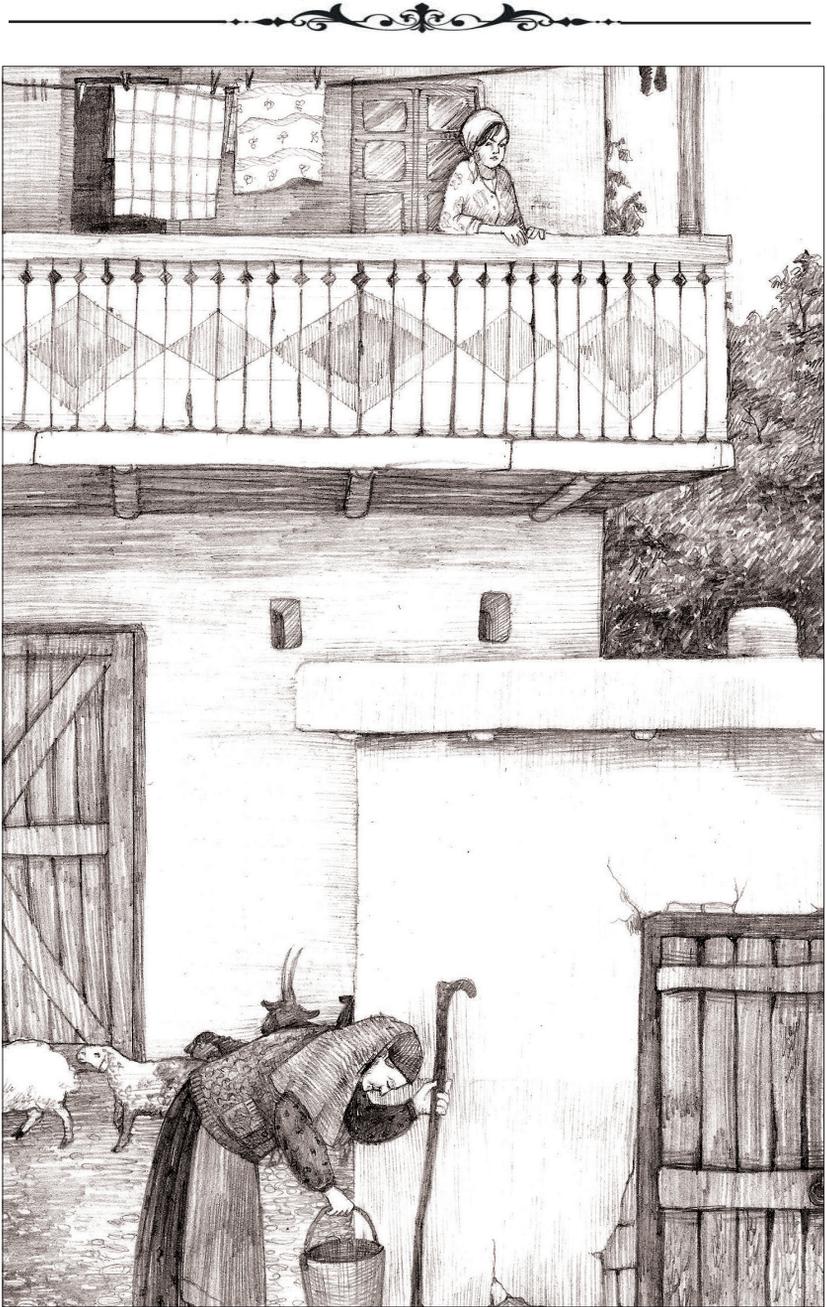
Как-то в доме одного кусарца, на поминках, СефитI-Бесто-
лочь стала бранить свою свекровь:

– Чтоб жажда ее одолела! На мне здорового места нет, а
гляньте-ка на нее – крепка, как чурбан! Она не знает, что такое
болезнь. Вот бы померла да избавила нас от себя!

Заметив, что ее слушают, она вошла в раж:

– Уродина с печью-харом внутри! Ненасытная, никогда не
скажет «Довольно!» Давно в могилу пора, а она, крапивное
семя, все путается под ногами. Уже и внуков, и правнуков уви-
дала, а все никак с этим миром не расстанется. О Аллах, забери
ее! Чтоб прервалось ее дыхание!

59. Малкамут – мифическое существо в верованиях лезгин, якобы посещающее
могилы.

Одна из женщин спросила:

– Невестка, за что ты так ненавидишь бедную старушку? Неуж-то она настолько нехорошая?

– Была бы хорошая, я бы такого не говорила...

В это время вошел Хьар Хедет. Кто-то зашептал:

– Помолчи! Услышит – устроит скандал.

Но Сефит-Бестолочь во всеуслышание добавила:

– И сыну докучает без конца. Он уже говорит старухе: «Твои одногодки давно перекочевали в иной мир, когда же и ты наконец уйдешь?»

Хьар Хедет, хотя и услышал слова жены, не обратил на них внимания.

– Да разве старушка притесняет вас? Ну что вы хотите от нее? – в сердцах заговорила Салихат, невестка тети Тюти.

– Да, притесняет! Нам с ней тесно. Кому понравится, когда перед глазами вечно маячит старая кобыла?

– Жизнь дается человеку Всевышним, он же и забирает ее. А вы бедную женщину готовы живьем уложить в могилу... Неизвестно, каким будет твой конец. Не бери греха на душу, Серфинаг!

– Разве свекровь не ладит с вами? – спросила тетя Селми.

– Попробовала бы она не поладить! Не поладит – рот порву!

В комнату вошла тетушка Дюгме. Возможно, она услышала эти слова, но не показала виду, подошла и села на ковер рядом со своей невесткой. Та замолчала, но на лбу ее залегла складка.

После того, как мулла прочитал заупокойную молитву, тетушка Дюгме стала подниматься, и тут невестка стукнула ее в спину. Старушка чуть было не грохнулась оземь лицом, но удержалась на ногах. Со слезами на глазах она посмотрела на невестку и жалобно промолвила:

– Чего ты хочешь от меня?

Когда Хедетхан возвел большой двухэтажный дом рядом с отцовской лачугой, то мать он оставил в старом доме, сказав:

«Тебе трудно будет подниматься и спускаться по лестнице». Как рассказывали соседи, с того времени муж с женой неделями не заглядывали к матери. К счастью, тетушка Дюгме, несмотря на возраст, была подвижна, не сидела сложа руки. Постоянно возилась в большом саду за домом. А долгими зимними вечерами вязала внукам шерстяные носки, Шапочки, жилетки.

В Кусарах все знали о горькой участи старушки. Все осуждали Хьар Хедета и его жену. Особенно их не любили дети.

Как-то, проходя мимо их дома, я встретилась с тетушкой Дюгме, которая сторбившись, осторожно шла, опираясь на свой посох.

– Как ты, моя сладкая? – привычно ласково обратилась она ко мне.

– Эй, у тебя что, глаза жиром заплыли и перестали видеть? Почему ворота не закрыла? – закричала с веранды СефитІ-Бестолочь.

Тетушка Дюгме, не сказав ни слова, вернулась назад, затворила приоткрытые ворота и мелкими шажками пошла вниз по улице.

Я чуть не расплакалась. Вернувшись на нашу улицу, я встретила там МутІа и МахитІ.

– Что с тобой, душа моя? – подступила ко мне МахитІ, видя, что я расстроена.

– Эту кабаниху надо проучить! – сказала я.

– Какую кабаниху? – спросил МутІ.

– СефитІ! – со злобой ответила я и рассказала об увиденном.

– А как ее проучить? Такую змею ничем не удовлетворишь, – МахитІ тоже опечалилась.

– Змею и надо припугнуть змеей... – вдруг осенило меня.

– Какой змеей, КІамПул? – МутІ и МахитІ удивленно уставились на меня.

– Надо запустить в дом СефитІ змею, – пояснила я им.

– Где ты найдешь змею? – испуганно спросила МахитІ.

– Вы не знаете, а в Каладжухе полно ужей-желтопузиков.

Они во-о-т такие! – раскинув руки, я показала, какие длинные желтопузики там водятся. – В Каладжухе⁶⁰ у нас есть огород, по воскресеньям мы ездим туда. Вот поедем в этот раз, и не будь я дочь своего отца, если не привезу целый мешок желтопузиков!

– Но ведь они не кусаются... – МахитI сказала это так, словно больше всего на свете желала, чтобы СефитI-Бестолочь укусила ядовитая змея.

– Даже если и не укусят, то до смерти напугают кабаниху, – сказала я.

Ну и обрадовались же ребята!

– Если ты это сделаешь, тебе не будет равных! – вдохновил меня МутI.

На наш огород в Каладжухе я всегда ездила без особой охоты. Но теперь нетерпеливо приставала к маме:

– Когда мы поедем в Каладжух?

– К добру ли? Что опять взбрело тебе в голову? – удивлялась мама.

В воскресенье в Каладжухе я вместе с мамой и старшей сестрой Саяд до полудня мотыжила фасолевые грядки. Пообедав, мама и Саяд прилегли отдохнуть на паласе, расстеленном под тутовником. Я же, прихватив матерчатую сумку, отправилась ловить желтопузиков. Они – красивенькие, коричневого цвета – грелись на солнце тут и там на глинистой почве. Мои детские годы прошли в этом селе, и я, как и все сельские дети, не боялась ужей.

За короткий срок я поймала трех желтопузиков и засунула их в свою сумку. Когда я вернулась, мама с сестрой поливали фасоль. На паласе лежали сорванные ими початки кукурузы молочной спелости. Початки я тоже бросила в сумку с желтопузиками и хорошенько ее завязала.

60. Село в Кусарском районе.

– Эй, КіампІул, хватит бездельничать – бери лопату и иди сюда! – позвала меня мама.

Вечером, когда отец на совхозном грузовике заехал за нами, я первым делом закинула в кузов сумку с ужами, а уже потом залезла сама и помогла забраться сестре и маме.

Домой мы приехали в сумерках. Когда мама отправилась к корове в хлев, я освободила сумку от кукурузных початков, опять ее завязала и спрятала в стоге сена в саду. Потом, облегченно вздохнув, сообщила об этом МутІу и МахитІ. Свой план мы договорились хранить в тайне.

На следующий день мы стали вести наблюдение в маленьком сквере напротив дома Хьар Хедета: надо было дожждаться, чтобы муж с женой ушли – не будут же они весь день сидеть дома!

Уже не помню, сколько часов нам пришлось прождать. Наконец ворота открылись, и появилась СефитІ-Бестолочь с сумкой. Когда она пошла в сторону магазина в конце улицы, МахитІ и МутІ поторопили меня:

– КіампІул, давай!

– МутІ, может, ты пойдешь? – заколебавшись в последний момент, спросила я.

– Ты маленькая, тебя трудно заметить. А если пойду я, об этом узнают во всем городе, – открестился МутІ и вручил мне сумку.

Я открыла ворота и на дрожащих ногах, с бешено колотящимся сердцем, вошла во двор. Поднялась на веранду. Открыла дверь в комнату, где спала СефитІ, выпустила на пол желтопузиков из сумки. Потом прикрыла дверь и спустилась по лестнице. Вышла за ворота... Я не могла вымолвить ни слова. МутІ подбодрил меня:

– Ну, будь мужиком!

Теперь мы, сидя в сквере, за кустом шиповника под конским каштаном, ждали возвращения из магазина СефитІ-Бестолочи. Ждать пришлось долго, и мы стали развлекаться игрой. Заигравшись, мы забыли о своем плане. Вдруг на всю улицу раздался

пронзительный крик СефитІ, который не на шутку перепугал всех, кто его слышал. Трясаясь от страха, она босиком выскочила на улицу. На ее вопли собрались соседи и вездесущие дети, в том числе и мы.

– Я паб⁶¹, что с тобой? – спросила у СефитІ соседка, тетя Сафура.

– Мой дом полон змей! – завывла СефитІ.

Тетушка Дюгме тоже выбежала на улицу. Желая успокоить невестку, старушка мягко спросила:

– Не померещилось ли тебе?

– Хочешь сказать, что я сошла с ума? Уйди, займись своими делами! – она повернулась к свекрови спиной.

Тетушка Дюгме молча вошла во двор. Вскоре она вернулась с желтопузиком в руке.

– Это всего лишь уж – он не опасен, – сказала она и бросила змейку на землю. Желтопузик, извиваясь, уполз. Но СефитІ-Бестолочь продолжала дрожать. Тетушка Сафура заставила ее выпить стакан воды.

– Я не смогу войти в дом, пока не вернется Хедет, – сказала СефитІ, прислонившись к стене.

Нашей радости не было предела! Мы как на крыльях полетели сообщить о случившемся детям с нашей улицы. Как было не радоваться – ведь мы пусть и слегка, но все же отомстили СефитІ-Бестолочи за тетушку Дюгме!

На следующий день о происшествии с невесткой тетушки Дюгме говорили во всем городе. Мне же вечером влетело от мамы:

– Теперь понятно, почему ты так рвалась в Каладжух! Послушай меня: еще раз выкинешь подобное, я тебя выровняю по длине и ширине! Если узнает отец, он с тебя шкуру сдерет! Я устала от твоих выходок, довольно изводить меня! Ты же у меня не одна! Ну куда мне деваться от тебя?

61. Паб - женщина.

Потом она, расстроенная, проговорила как бы про себя:

– Я вахар-дидеяр, на кого она похожа? Мальчик не мальчик, девочка не девочка... Одно горе, ниспосланное мне Всевышним. Что за несчастье такое на мою голову?

Но радость от того, что нам удалось наказать СефитI, все же была сильнее огорчения от ругани мамы...

Хотя Хедет с СефитI прожили вместе много лет, у них не было детей. И даже в этом невестка обвиняла свою свекровь. «Эта малкамут заговорила меня!» – без конца жаловалась она мужу. Хедет, ровесники которого уже задумывались о свадьбах своих детей, мечтал о наследнике и верил словам жены. Он невзлюбил родную мать, сторонился ее, не разговаривал с ней. Равнодушие сына тетушка Дюгме переносила болезненно. Долгие дни и ночи она проводила в своем дряхлом доме в полном одиночестве.

СефитI-Бестолочь и Хедет так хорошо ладили, что даже в хьар (комнату-хлебопечку) ходили вместе. Два сапога пара! Вот потому кусарцы и окрестили его Хьар Хедетом. Пока СефитI пекла хлеб, муж сидел рядышком на табуретке и подкладывал в огонь хворост, ведя задушевные беседы с женой. Первый, хорошо пропеченный хлеб, приправленный овечьим сыром, они с аппетитом съедали вместе. Говорили они по большей части о тетушке Дюгме. Вот так сидели вдвоем и старушке косточки перемывали.

Комната-хлебопечка имела общую стену с домом тетушки Дюгме, так что старушка слышала их разговоры. И, не издавая ни звука, исходила плачем – кровавые слезы струились из ее глаз. Она никому не могла рассказать о своем горе. Молчала – перед людьми, мол, стыдно.

Сын с невесткой с трудом переносили то, что в свои семьдесят лет она никак не умрет. Они почему-то считали, что до тех пор, пока она жива, Всевышний не даст им ребенка. Эти их грязные мысли поражали всех. Но старушка была здорова и никакие болезни ее не беспокоили.

Люди осуждали в первую очередь не Серфинат – эта женщина, которой Всевышний дал красоту, но обделил разумом, смолоду получившая уничижительное прозвище Бестолочь, была все-таки чужой. Люди не могли найти оправдания сыну, который ненавидел родную мать.

– Ну и крепка же эта женщина! – порой жаловалась невестка соседкам (она никогда не называла свекровь по имени).

– Если в сердце не тесно, то и мир не тесен. Душа дана Всевышним, он и заберет ее, когда захочет. Чего вы хотите от тетушки Дюгме? – вступались за старушку соседи.

– Она состарила нас! – часто жаловалась мужу жена. Хьар Хедет ей не перечил.

– Старушка с кулачок – оставьте ее в покое! Не больная ведь, ухода за собой не требует. Не гневите Аллаха, – возмущались соседи.

Забытую сыном и невесткой тетушку Дюгме соседи зазывали к себе. Приносили ей еду. Но она не принимала никаких даров, говоря: «Чем чужой пшеничный хлеб, лучше своя просыная лепешка». Когда двое старших сыновей начинали было настаивать, чтобы она перебралась жить к ним, тетушка Дюгме отвечала: «Каждому в своем гнезде тепло». И не уходила к ним – не хотела быть для них обузой. Она обладала непоколебимой гордостью. Никогда не рассказывала про свою семью, не желала сыну с невесткой зла, что еще больше возвышало тетушку Дюгме в глазах кусарцев.

Старушка еще немало лет одиноко провела в своей лачуге. И ни разу не заболела. Никого и ничем не затруднила. А когда настала пора, приняла легкую птичью смерть. По словам людей, Хьар Хедет и СефитI-Бестолочь в тот день очень радовались. Но в день сороковин старушки СефитI слегла. И Хьар Хедету пришлось двадцать лет ухаживать за своей больной женой. «Всевышний лучше знает, кто чего заслуживает», – говорили по этому поводу люди.

13. Букашка

Джаруллаха – высокого, широкоплечего, черноволосого парня я в этом доме видела несколько раз. Он смахивал на настоящего богатыря. Когда он шел, мне казалось, словно движется скала. И голос у него был соответствующий – грубый, басистый, и говорил он, тяжело произнося слова. Промолвит слово – душа подкатит к горлу, пока дождешься следующего.

Он свысока смотрел на сверстников, вел себя заносчиво и никогда не считался с ними, за что кусарцы недолюбливали его. Работал он в охране какого-то министра. Приезжал сюда часто, навещаясь в дом своего хозяина, стоящий на берегу реки и похожий на царские хоромы.

Каждый раз, приезжая, он общался с дядей Умаханом – крупным мужчиной и его маленькой, щуплой женой – тетей Зурият, жившими по соседству с его хозяином. Джаруллах часто заходил к ним, они пили чай и беседовали. В ту пору в нашем городе все знали дядю Умахана и тетю Зурият. Дядя Умахан славился как хороший охотник. По характеру он был очень уравновешенным человеком с поэтической душой, влюбленный в природу. В сезон охоты, в осенние и зимние месяцы, его невозможно было застать дома – пропадал в полях, в лесу. Охотился на джейранов, туров, зайцев. К дяде Умахану отовсюду приезжали именитые люди, чтобы поохотиться вместе с ним.

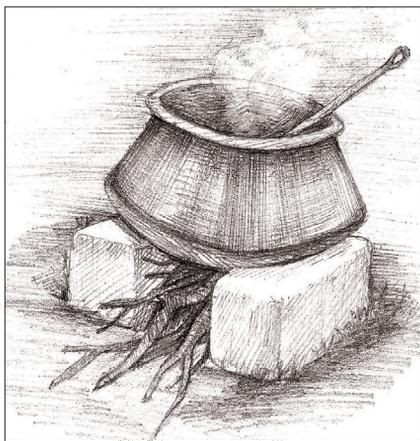
Тетя Зурият во многом была его противоположностью – вспыльчивая, энергичная и бойкая. У нее что было на душе, то и на языке. Она не терпела неправды и лжи, говорила все прямо

в лицо. В этом отношении она была требовательна как к себе, так и к другим, и по этой причине все ее уважали. Несмотря на то, что была домохозяйкой со средним образованием, она была человеком с широким кругозором.

Причиной большого уважения соседей к тете Зурият, которая с утра до ночи была занята хлопотами, было то, что в ее руках постоянно была книга или газета. Она часто рассказывала о прочитанном. Ни дня не проходило без гостей в их доме. Гости принимали радушно, к их приходу всегда был накрыт стол. Однажды побывавший в этом доме всю жизнь помнил гостеприимство хозяев.

Сколько она знала легенд и преданий! Как будто была столетней старушкой, все повидавшей в жизни. Говорить она могла без устали. Ее можно было слушать часами. Надо отметить, что любить свой народ, гордиться им, его обычаями и традициями, укладом жизни, родным языком многие научились именно у нее. Историю своего народа она знала лучше некоторых ученых. Это возвышало ее в глазах кусарцев. Когда маленькая и худенькая тетя Зурият начинала говорить, она была неотразима – невозможно было не поддаться ее обаянию.

У них были дочь Зибейда и сын Зейдуллах, у которых, конечно же, тоже были прозвища: Зибет и ЗдукI.

Они, наши ровесники, были добрыми, отзывчивыми детьми, ладили со всеми.

Как-то дети с нашей улицы пошли во двор к ЗдукIу, чтобы помочь сложить в штабель наколотые дрова. В те времена дети помогали соседям, когда им самим трудно было

с чем-то справиться. После того, как мы завершили работу, тетя Зурият, улыбаясь, сказала:

– Умахан ездил в Набрань порыбачить с друзьями. На этот раз им попалась красная рыба. Нельзя же всю ее съесть самим – я оставила и вам.

Мы, обрадовавшись, последовали за ней на кухню. В кастрюле барахталась еще живая рыба. Наигравшись с ней, мы уселись за стол, который выглядел поистине царским – с жареной красной рыбой. За маленькими «работниками» тетя Зурият ухаживала, как за взрослыми. А рыба была такая вкусная, что пальчики оближешь!

Вскоре все дети разошлись, а я осталась у них. Пришел с улицы и дядя Умахан. Немного погодя вошел Джаруллах с двумя такими же высокими и статными парнями, как и он сам.

– Тетя Зурият, дядя Умахан, это мои друзья: Мардахай и Алексей. Сейчас мы поедем в город. Если можно, угостите нас чаем, – сказал он.

– Что значит – «если можно»? Сейчас я и чаю вам налью, и ужином угощу, – ответила тетя Зурият.

Вскоре перед гостями появились и чай, и еда. Тетя Зурият угостила их такой же рыбой, что и нас. Когда они отужинали, тетя Зурият спросила:

– Джаруллах, сынок, почему ты не женишься?

Джаруллах басом ответил:

– Разве найдешь хорошую девушку?

Тетя Зурият, наверное, не ожидала такого ответа. Чуть помешкав, она сказала:

– Почему ты так говоришь? Разве мало красивых, умных лезгинок?

Джаруллах пренебрежительно заявил:

– Лезгинок? Кого угодно, только не лезгинку!

Услышав это, мы со ЗдукЮм, игравшие в углу комнаты, с удивлением посмотрели на этого юношу-лезгина. Не шутит ли он? Возможно, так подумала и тетя Зурият, или же она просто не расслышала. Улыбаясь, она сказала:

– Скажи своей матери, пусть найдет тебе хорошую лезгинку. А то постареешь, ни одна девушка не пойдет за тебя.

Джаруллах, накупившись, сказал:

– Мама нашла было одну лезгинку. Ни одеваться, ни говорить прилично не умела. Нет, наши девушки никуда не годятся. Я ни за что не женюсь на лезгинке.

Мы со ЗдукЮм остолбенели, словно неожиданно получили оплеуху. Тетя Зурият вдруг резко поднялась со своего места, ее голос прогремел в комнате:

– Встань!

Джаруллах растерянно посмотрел на нее, наверное, просто не осознав еще, какую глупость сморозил.

Тетя Зурият опять произнесла:

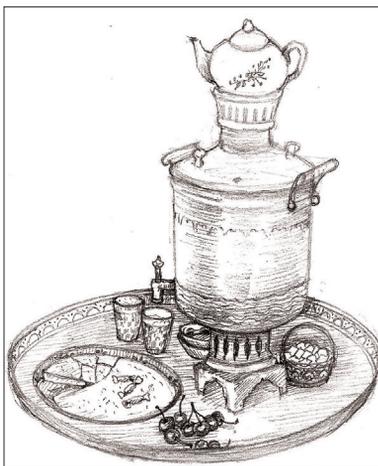
– К кому я обращаюсь?

Джаруллах, у которого кровь отлила от лица, тяжело поднялся. Тетя Зурият горячо выдохнула:

– Отдай мне свой пистолет!

Слова прозвучали так, что Джаруллах, словно выполняя приказ командира, отдал ей пистолет. Потом, опустив руки, замер перед ней. И мы увидели, как огромный Джаруллах дрожит, стоя перед маленькой и хрупкой женщиной.

Тетя Зурият направила на него пистолет и крикнула:

– Есть еще что сказать?

Джаруллах побледнел. Друзья его были ошеломлены. Растерялся и дядя Умахан, но он опомнился первым:

– Что с тобой, женщина? Хочешь накликать на нас беду?

– Пристрелю его, чтобы одним негодяем среди нас стало меньше! – гневно сказала тетя Зурият. – Сидя дома у лезгин, ты будешь их отделявать на все корки? И ты не постеснялся своих друзей? Они о своем народе так говорят?

Джаруллах дрожащим голосом вымолвил:

– Тетя Зурият, ну допустил глупость, больше не повторится. Отдай мой пистолет.

Тетя Зурият все еще целилась в него.

– Будь у тебя хоть немного ума, разве ты отдал бы мне пистолет?

Это было жалкое зрелище: Джаруллах вдруг упал перед ней на колени. Огромный мужчина стоял на коленях перед крохотной женщиной. Она не могла стерпеть его поступок. Опять прогремел ее голос:

– Встань, будь мужчиной!

Джаруллах встал. Он дрожал всем телом и напоминал букашку. А маленькая тетя Зурият в моих глазах стала походить на большую гору. Однако гора устала. Хладнокровно отдав парню пистолет, она сказала:

– Вон отсюда! И чтоб глаза мои тебя больше не видели!

Букашка проворно поднял с полу выпавший из рук пистолет и вместе с друзьями вылетел из комнаты. Когда за ними захлопнулась дверь, тетя Зурият посмотрела на дядю Умахана, глубоко вздохнула и сказала:

– Откуда только берутся такие ничтожества?

14. Гуси старухи Бисен

На верхней улице, по соседству с Мутлом, жила одинокая старуха по имени Бисен. В свои восемьдесят лет она, высокая и костлявая, ходила, заложив руки за спину, держась прямо, и удивляла всех своей бодростью. Могла с легкостью пройти Кусары из конца в конец, не зная устали. Она была известна на весь город благодаря своим гусям. Если другие держали по пять-шесть, самое большее – с десяток гусей, то во дворе этой женщины их водилось до тридцати, а то и до сорока. Да еще, в отличие от остальных, ее гуси вольно расхаживали по улицам. Эта большая стая, выстраиваясь в ряды, бесцеремонно переходила с улицы на улицу, и каждый день проделывала путь от школы-интерната до нашей улицы, надоедая людям своим шумным гаканьем.

Вдобавок ко всему, гуси старухи отличались дерзким нравом – бывало, что они, хлопая крыльями, кидались на человека, который им чем-то не понравился. Особенно агрессивными они становились, когда выводили на прогулку своих гусят. Тут они даже чужого цыпленка не подпускали близко – всех отгоняли угрожающим шипением. Дети в шутку называли их гусями Мутла.

Вот так гуси Бисен надоедали жителям ближайших улиц. Для нас, детей, они были настоящей напастью – приходилось убегать от них, искать укрытия. Излюбленное место наших игр, холм КьенчЕб, приглянулся и гусям. Они заявлялись туда, преодолев несколько улиц, и прогнать их было невозможно.

В ту пору кусарские женщины, будь то молодые или в возрасте, каждое утро первым делом брались за метлу и подметали

улицу перед своими воротами. Ни плач младенца в колыбели, ни молоко на печи не могли отодвинуть главное правило для женщин – навести чистоту перед домом. Лишь после этого они принимались за остальные домашние дела.

Такого порядка придерживались и в нашем доме. А вот на улицах вблизи школы-интерната и холма КъенчЕб уже несколько лет как стало нарушаться правило поддержания чистоты. И повинны в этом были гуси старухи Бисен. Улицы, которые подметались и поливались каждое утро, стая гусей за какие-то минуты приводила в самый неприглядный вид. Люди проходили по ним, раздражаясь от запаха гусяного помета. Особенно это не нравилось моей маме. Каждое утро от ворот доносился ее разгневанный голос – она безудержно ругала гусей:

– Да поразит вас чума, проклятые пачкуны! Чтоб вы себе ноги переломали! Да пересохнет у вас в горле, чтоб вы не могли кричать!..

Мы жалели маму, когда она каждый раз, спеша на улицу на крики гусей, видела, что перед воротами опять загажено и на улице стоит вонь от гусяного помета.

Ох и изводили же нас, жителей нескольких улиц, гуси старухи Бисен! Они задерживались у каждого дома, щипали выросшую у оград траву и шли дальше, оставляя после себя помет. Словом, зла не хватало на этих лапчатых! Однако никто не мог ничего сказать самой Бисен. Кусарцы ее уважали. Никто не смел указывать этой женщине. Муж ее погиб на фронте, а сама она вернулась с войны раненной в голову. Кто осмелился бы упрекнуть в чем-либо женщину, защищавшую родину от врагов? Все только про себя поругивали ее: «Ну, старуха, чтоб тебе не умереть, на что тебе столько гусей? У тебя же и сил не хватит ощипать их. Тебе на зиму хватит и двух-трех гусей, а мы мучаемся весь год. О Аллах, чтоб подошли ее гуси, и она осталась одна!»

Как-то мы стали свидетелями забавного случая. Гуси устроили привал перед домом МутІа. Его отец, дядя Имирали, возвращаясь откуда-то, увидел их, рассердился, поднял с земли камень и кинул в них. Гуси на это не обратили никакого внимания. Увидев, что они даже не тронулись с места, дядя Имирали стал их отгонять. Гуси как будто только этого и ждали: они с таким остервенением и оглушительными криками напали на него, что несчастный кинулся бежать. Еще не скоро прекратили они преследовать этого рослого, плечистого, пожилого мужчину с густыми усами! После того случая дядя Имирали за версту обходил гусей старухи Бисен.

Порой мы подтрунивали над МутІом:

– Что за наглецы эти твои соседи! Где ни увидят открытые ворота, сразу туда лезут!

МутІ в ответ только смеялся – а что ему оставалось? Действительно, не нашлось бы такого места, которое не обследовали бы своими клювами гуси старухи Бисен. И везде они оставляли свои следы, особенно пахучие и противные во время осенних дождей – хотя, в общем-то, они не были приятны и весной, и летом. Ну сколько можно дышать запахом помета?!

Через каждые день-другой соседки делегацией шли к ней.

– Тетя Бисен, держи своих гусей у себя во дворе...

Старушка Бисен шутливо отвечала:

– Сколько раз я им говорила, проклятым, чтобы не выходили за ворота! Разве они слушаются меня?

Видя, что она посмеивается, женщины выходили из себя:

– Побойся Аллаха, тетя Бисен! По нашим улицам невозможно пройти от вони и помета твоих гусей.

Старушка оставалась невозмутимой:

– А что мне делать? Пробки им вставлять?

Женщины, прыская, умоляли ее:

– Тетя Бисен, позаботься о своих гусях!

Женщина улыбалась:

– Что мне с ними делать, если Аллах создал их такими, какие они есть? Отсюда они кушают, а оттуда съеденное выходит.

Соседки, не находя, что еще сказать, уходили восвояси.

Я давно была зла на гусей старухи Бисен – ну сколько можно было терпеть их грязь перед своими воротами! – и я думала над тем, как бы их проучить. Задача была не из легких: удобного случая не выпадало.

Как-то раз я, полив улицу перед воротами и зайдя обратно, услышала знакомое гоготанье гусей. «Вот увидите, что я с вами сделаю! Я из вас душу вытрясу!» Выскочив за ворота, я так и ахнула: только что вымытая мной площадка перед воротами была вся в помете. Увидев стаю, преспокойно сидевшую поодаль на зеленой травке, я так и вскипела. В голове у меня затуманилось.

– Проклятые, чтоб вас чумой побило! Вот я вам повыдергиваю лапы! У вас из глаз полетится все, что вы съели!

С проклятиями я стала бросать в них камни, удары которых им были нипочем. Мелкие камешки, попадая в бока гусей, подбитые плотным пухом, скатывались на землю. Злость моя разгоралась, я стала находить и швырять камни побольше, но и они мало беспокоили гусей. Наконец от камня размером с кулак один гусь с криком повалился на бок.

При виде мертвого гуся меня охватила дрожь, от страха я потеряла голову. Я представляла себе, какими могут быть последствия убийства гуся старухи Бисен: к нам приходят милиционеры, и старушка требует, чтобы они арестовали меня.

Увидев, что их товарищ лежит на земле без движения, остальные гуси подняли оглушительный шум. Хлопая крыльями и крича, они кружились вокруг убитого. Чем-то это походило на поведение людей, оплакивающих покойника. Гуси

ходили по кругу, хлопали крыльями, тоскливо кричали, словно требуя, чтобы гусь встал.

На душе у меня стало невыносимо тяжело. Ведь я убила живого гуся! С бешено колотящимся сердцем я побежала домой.

– Дочка, что с тобой? На тебе лица нет! – встревожилась мама. Но, боясь ее укоров, я не призналась в содеянном.

– Ничего со мной не случилось, – успокоила я ее, а про себя подумала: «Узнает старушка Бисен – попадется мне». Пока никто не узнал, надо было положить мертвого гуся в мешок и отнести на свалку. Но как его забрать, если остальные гуси охраняют своего погибшего товарища?

Немного погодя я, не выдержав, вышла на улицу. Гуси тут же, вытянув шеи, устремились ко мне. Я юркнула обратно и закрыла ворота.

Стала наблюдать за гусями со двора. И вдруг у меня невольно вырвался радостный крик: умерший гусь ожил! Он прихрамывал, но был жив. Когда он встал, остальные гуси успокоились. Теперь они, словно сговорившись, щипали траву прямо перед нашими воротами. Но у меня уже и в мыслях не было прогонять их.

– Ешьте, сколько влезет, пачкайте, больше я вас не трону, – сказала я, но они мне никак не ответили. Потом вереницей ушли. Гусь, в которого я попала камнем, уже не хромал.

В конце сентября с гусями старухи Бисен произошло кое-что удивительное. Забравшись во двор к МутҒу, они там на славу попиروвали, напившись из большой кастрюли, наполненной выжимками винограда сорта «Изабелла», из которого дедушка Сейди готовил вино. Вдруг улицу потрясли крики бабушки Гарифат:

– Ой, горе мне! Что за напасть на мою голову! Бисен, эй, Бисен, иди сюда! Рухнул мой дом!

Старушка Бисен на крики выглянула в окно и спросила:

– Что случилось, Гарифат?

– Скорее беги в наш двор! Смотри, что здесь творится!

Увидев своих гусей бездыханными, валяющимися тут и там, старушка Бисен решила, что они отравились виноградными выжимками.

– Вы что, не могли закрыть кастрюлю крышкой? – напала она на соседку.

Бабушка Гарифат, тоже разозлившись, ответила:

– Уж прости, соседка! Я не знала, что сегодня твои гуси придут к нам в гости!

– Мы с тобой потом разберемся! – сказала старушка Бисен и побросала гусей через забор в свой двор.

Что ей оставалось делать? Собрать хотя бы пух сдохлых тушек... Она успела ощипать только десять гусей, как вдруг полил дождь как из ведра. Оставив все как есть, она поспешила в дом.

Старуха Бисен пила чай. Вдруг раздались оживленные голоса и смех. Она выплянула в окно и увидела, что за воротами столпились соседи, а посреди ее двора стоят ощипанные голые гуси. Они, дрожа от холода, выражали свое недовольство гоготаньем и, поглядывая на хохочущих людей, извергали из себя помет.

Выбежавший на улицу МутI увидел меня и МахитI и подошел к нам, удивленно взирая на голых дрожащих гусей.

– Твои соседи после пьянки пришли в себя, – сказала ему МахитI, что вновь вызвало вспышку громкого и веселого смеха.

15. Уловка ЗдукІа

Наконец я дошла. Поджимая от злости губы, закричала изо всех сил:

– Вот увидишь, как я поколочу тебя!

Ни о чем не подозревавший Зейдуллах не обращал на меня внимания, что еще больше выводило меня из себя.

– Смотри, я спилю дерево! Ты слышишь, ЗдукІ? Потом не говори, что я не предупреждала!

Нет, не догадывался ЗдукІ, забравшийся на вершину старой черешни у дороги, огибающей холм КьенчІеб и уходящей в лес, о том, что его ожидало. В полном неведении о моем злом умысле он громко распевал песню «Загъадур-Загъа⁶²». Порой, прервав пение, он срывал и с наслаждением закидывал в рот ягоды черешни размером со сливу, налившиеся соком на солнце. Поддразнивая меня, он сплевывал вниз косточки.

– ЗдукІ, слушай меня хорошенько! Смотри, я спилю дерево! Если ты разобьешься, не моя вина!

Звук ножовки испортил парню настроение – он посмотрел со своей ветки вниз. Вдобавок, высокое дерево со слабым стволом качнулось от налетевшего ветра.

Чтобы припугнуть его еще сильнее, я прижала к стволу попавшуюся под руку дощечку и стала ее пилить. Услышав звук пилы, ЗдукІ завопил на всю округу, что только раззадорило меня. Чем сильнее кричал ЗдукІ, тем быстрее двигалась моя пила.

62. Лезгинская народная песня.

– КІампІул, ты сумасшедшая! – кричал он.

Но я не отвечала.

– Ты и вправду сошла с ума!

Да, он здорово испугался. Поняв, что на его крики никто не отзовется, он заговорил по-другому:

– КІампІул, чан КІампІул, прекрати...

Я делала вид, что ничего не слышу. Уперевшись одним коленом в землю, а другим – в ствол дерева, я быстро двигала пилой.

– Не надо пилить дерево, жалко ведь, – уговаривал он меня.

– И дерево, и ты – пропадите вы оба пропадом! – откликнулась я. Внутри у меня бушевало пламя.

– Вот погоди, я все расскажу дяде Абдулрзе о твоих проделках! – плачущим голосом пригрозил ЗдукІ.

– Мой папа не слушает таких букашек, как ты! – ответила я.

ЗдукІ, уставший от криков, наверное, представлял себе, как упадет спиленное дерево, а вместе с ним грохнется на землю и он. И переломает себе руки и ноги...

– Ты точно сошла с ума! Ты хочешь убить меня? – опять завопил он.

– Во-о-от... А ты потихонечку умнеешь!

Прекратив пилить, я, довольная, посмотрела вверх, на ЗдукІа – бледного, начавшего заикаться, – и засмеялась.

– Чего ты хочешь от меня? – умоляюще спросил он.

– Смерти твоей хочу! – крикнула я. – Разве ты не знаешь, чего я от тебя хочу?

ЗдукІ, покачиваясь, стоял на сухой, едва державшейся ветке, что еще больше злило меня: вдруг ветка обломится, и он упадет – как мне тогда быть? Понимая, что такой оборот дел не в моих интересах, я закричала:

– Ты отдашь мои деньги?

-
- Какие деньги? Не знаю я никаких твоих денег!
- Оставь свои лисьи уловки! Ты прекрасно знаешь, о каких деньгах я говорю!
- ЗдукІ, не видя другого выхода, сдался:
- Отдам я твои деньги, прости меня.
- Когда отдашь?
- Сейчас.
- Обманешь меня, негодник, я не верю твоему слову! Смотри, не зли меня опять, а то я тебе глотку вырву!
- Даю слово! – подавленно пообещал ЗдукІ.
- Какое слово? – я разошлась не на шутку.
- Слово мужчины! – ЗдукІ прижал к груди правую руку. И взмолился: – Брось же эту ножовку!

Я бросила ножовку. Сильнее такой клятвы быть не могло. Мужчина – двенадцатилетний Зейдуллах – спустился с дерева. Он вынул из кармана штанов пригоршню старых монет и бросил на землю. Я, успокоившись, подобрала их: всего было шестнадцать. Пересчитав, я положила деньги себе в карман.

– Зачем тебе столько денег? – спросил опечаленный ЗдукІ. – Давай их поделим. Ты же нашла их, когда мы вместе пошли на кладбище!

– Ну что ты врешь! Забыл, что ты испугался и не вошел в ворота кладбища? Зачем я должна делиться деньгами, которые нашла самостоятельно?

Обиженный ЗдукІ ушел. Я же, довольная, уселась в тени черешни и перенеслась в свой мир. Пересчитывая много раз, я с удовольствием всматривалась в потемневшие медные кругляши с изображением солнца, на которых едва различались надписи.

Я была так рада, словно завладела настоящим кладом. Эти монеты я подобрала два дня назад в изголовье разрушенной могилы на албанском кладбище, расположенном к северу от

города, у заросшего лесочком подножия высоких скал. Больше всего мне нравилось изображение солнца на этих медных кружочках, найденных в расколоте глиняном сосуде, полном набившейся туда земли. Немного поиграв, я стала думать, как с ними быть. Почему-то не хотелось нести их домой или показывать ребятам. Я желала владеть ими одна, ни с кем не делаясь.

Я встала, огляделась по сторонам: ни ЗдукІа, пришедшего со мной на кладбище, ни кого-либо другого не было видно. Деньги я положила обратно в глиняный сосуд, а сосуд – на свое место. Потом воткнула рядом с могилой толстую ветку и пошла домой.

На следующий день, проснувшись утром, я сразу вспомнила про клад. Прибежала на албанское кладбище, к отмеченной мною могиле, и замерла: глиняный сосуд с деньгами исчез. Я сразу подумала о ЗдукІе: никто другой, только он! От кладбища до дома ЗдукІа я добежала на одном дыхании.

– ЗдукІ! – увидев, как он спокойно вышел на мой зов, я пришла в замешательство.

– Что случилось? – удивленно спросил он.

– Мне некогда говорить с тобой, быстро отдай деньги!

– Какие деньги? – спросил он таким тоном, что я опять растерялась.

– Деньги, которые были найдены на кладбище.

– Ты что? – ЗдукІ выпучил глаза. – У тебя все в порядке с головой? Какие деньги?

Как было не поверить, что он и вправду ничего не знает! «Неужели я ошиблась?» – промелькнуло в голове. Но кто, если не ЗдукІ?

В тот день мне не хотелось есть, не хотелось ни с кем говорить – ходила как потерянная.

На следующий день я услышала от ТутІуса:

– Вчера у ЗдукІа была целая пригоршня медных денег. Сказал, что нашел их на кладбище...

Ничего не говоря Тутусу, я пошла искать ЗдукІа. Но его нигде не было. Наверное, он скрывался, узнав, что я ищу его. Но до каких пор он сможет скрываться?

А вот и он: издали, увидев меня, он побежал в сторону холма КъенчІеб...

Вечером дома мама, заметив, что лицо у меня сияет, с улыбкой спросила:

– К добру ли, Азгар? Ты что, клад нашла?

Я удивленно уставилась на маму, месившую тесто. Она-то откуда узнала про клад? Мама всегда говорила по существу, но на этот раз она произнесла эти слова без всякой причины, спокойно.

В дальнем конце нашей большой террасы был ход в погреб. Подняв крышку люка, я спустилась по деревянной лесенке. Там во всех стенах были устроены ниши, одна из которых была выделена мне. Она была заполнена принадлежавшими мне вещами: собранными на речке красивыми камешками, лесными корягами, напоминавшими фигуры разных зверей, колпачками от бутылок, фантиками...

Из всего этого богатства больше всего я дорожила железной шкатулкой, в которой хранилось самое ценное – глиняный кувшинчик с красивыми синими узорами, найденный мной в селе Яргун, на возвышенности Келедхюр. Любовалась я также медным медальоном и медным подсвечником – их я нашла на берегу реки Самур... За этими находками лежал кинжал с серебряной рукоятью с тонкими узорами. Завернув его в тряпку, я хранила его так, чтобы никто о нем не знал. Это было единственное мое оружие – я нашла его год назад на албанском кладбище. Когда я обнаружила кинжал под могильной плитой возле старого бука, то от радости даже вскрикнула. Ко мне подбежали ребята, по очереди рассматривали его, гладили. Завидуя моей находке, кто-то сказал:

– Тебе всегда попадается что-то интересное!

Я до блеска натерла кинжал шерстяной тряпкой и спрятала в нише.

Теперь к моему богатству прибавились старинные монеты. Завернув в тряпку, их я тоже положила в шкатулку.

Спустя два дня отец позвал меня к себе.

– Ну как ты, КІампІул? – спросил он. Это означало, что у него есть ко мне какое-то дело. Без причины он никогда не спрашивал никого из шестерых детей в отдельности. Значит, что-то произошло...

– У меня все хорошо, – ответила я.

– Дочка, ты не устала носиться по полям да по лесам? Совсем не жалеешь себя. Скоро в школу идти, тебе надо хотя бы изредка брать в руки книги.

Я понимала, что это лишь вступление к серьезному разговору. Отец не спеша продолжал:

– Как твои друзья?

– У них тоже все хорошо.

– Какие новости?

– Нет особых новостей.

– Никаких?

– Никаких!

– А я слышал, что ты нашла старинные монеты на албанском кладбище.

– Это неправда! – поспешила ответить я.

Отец вспыхнул:

– Посмотри на меня, Азгар! Ты хорошо знаешь: больше всего на свете я не люблю, когда говорят неправду.

– Папа, ты мне не веришь? – спросила я и вдруг почувствовала, как мои щеки запылали. Под взглядом отца мне стало жарко.

– Тебе сказал Здук! – плачущим голосом вымолвила я.

– Неважно, кто сказал. Такие дела нельзя скрывать. По-моему, и монеты, и кинжал, и подсвечник надо показать учителю Зикруллаху. Не лучше ли выставить их в школьном музее, чем прятать в темном погребе?

Предложение отца мне не понравилось. И он понял, что мне нелегко будет расстаться со своим богатством.

– Хочешь, я поговорю с учителем Зикруллахом, чтобы он выделил в музее отдельный стенд для твоих экспонатов? И пусть на нем напишут: «Эти предметы найдены ученицей 7-го класса школы №1 Азгар Рзахановой». Все будут знать о твоих находках. А то кому польза от того, что ты их прячешь в темном месте?

Отец меня убедил. Когда в сентябре начались занятия, я передала свой маленький клад в школьный музей.

Теперь в школе на меня смотрели с уважением. Ведь в музее появился целый уголок с моим именем! Это не могло не радовать.

16. Галимат

В Кусарах, да и в соседних районах, Тимирали ценили как хорошего кузнеца. Ну и улыбнулось же счастье его младшему сыну Физедину по прозвищу ФизетI, низкорослому и тощему парню: его женили на Галимат, одной из жгучих красавиц Кусаров, статной и крепкой девушке! При этом Галимат, соответственно своему имени, имела кроткий характер, была мягкой и покладистой. Когда она говорила, ее речь текла словно мед. Это была умная и трудолюбивая невестка, способная вести домашнее хозяйство, наводить уют в своем гнездышке.

Дом мужа представлялся Галимат дворцом после восемнадцати лет жизни с мачехой. Ее появление в этом доме осчастливило Тимирали и его жену Гебиле. Галимат стала станowym хребтом этого дома. Невестка содержала его в такой чистоте, что все вокруг так и блестело. Соседки, вздыхая, поговаривали между собой: «Аллах кому дает, а кого, как нас, обделяет».

Многие удивлялись тому, каким образом невестка, пребывающая в постоянных заботах о доме-дворе, прекрасно ладившая с семьей, выносила самого Физедина – злобного на язык и драчливого выпивоху. Люди поговаривали, что ФизетIа, по лезгинской пословице, «осел лягнул и сбросил в рай». Говорили и о незаслуженно доставшемся ему счастье – такой чудесной жене. «Уж теперь-то ФизетI изменит свой нрав!» – предполагали иные. Но, как говорят в народе, нрав приходит с кровью, а уходит с душой.

Через две недели после свадьбы по улице разнесся слух:

«ФизетІ бьет свою жену!» Трудно было представить, что маленький, хлипкий ФизетІ бьет высокую, как тополь, крепкую Галимат. Многие этому слуху не поверили, а некоторые – жалели невестку. Впрочем, в дальнейшем все стали относиться к этим побоям как к чему-то обыденному. Лишь одно всех удивляло: как у тщедушного ФизетІа получается избивать свою богатыршу-жену?

ФизетІ же чувствовал себя героем – хвалился направо и налево, как он учит уму-разуму жену. Многие, возмущаясь, укоряли его: «Почему ты поднимаешь руку на такую красивую, умную жену? За что ты ее бьешь? Аллах не прощает несправедливости!» На их вопросы он самодовольно отвечал: «Из неочищенного риса плов не приготовишь». Его друзья любопытствовали: «Может, за ней водится нехорошее?» То есть, не склонна ли к блюду? Но тут он заступался за честь жены: «У нее только один недостаток: не плачет, когда ее бьют!» Один из собутыльников ФизетІа подзадорил его: «Наверное, ты бить не умеешь!» ФизетІ запомнил эти слова, которые стали для него поводом еще больше измываться над женой.

У него вошло в привычку каждый раз, возвращаясь домой в подпитии, нападать на жену. ФизетІа не принимали ни мольбы матери, ни укоры отца – он лишь сильнее избивал красавицу Галимат, иногда даже пуская в ход кизилковую палку.

Но сломить гордую Галимат не удавалось – она не склоняла головы перед замухрышкой ФизетІом. Когда он бил, она терпела, глядя ему прямо в глаза, не говоря ни слова, не плача, и никому, даже свекру и свекрови, не жаловалась. Словно ФизетІ был всего лишь назойливой мухой. Муж уставал бить, а жена продолжала держаться с достоинством. Наконец, устав, ФизетІ отставал от нее, и она тут же принималась за свои дела, что злило ФизетІа. Он уже готов был убить Галимат! Он любил жену, но и

побаивался ее. В сердце его таился страх: вдруг жена бросит его и уйдет к другому? Он был не настолько глуп, чтобы не осознавать, что он жене не ровня. Таким образом, ФизетI прославился на весь город как «герой», бьющий жену. Как это часто бывает, постепенно люди привыкли и к этому. Однако Аллах никогда не прощает несправедливости!

Как-то мы с МахитI, играя на улице, стали свидетелями удивительного случая. Галимат схватила соседскую овцу, забредшую в их сад, легко, словно перышко, подняла ее и перебросила через ограду. Мы остолбенели. Это увидел и проходивший мимо Курбан, приятель ФизетIа. Курбан тут же растрезвонил об увиденном на всю улицу. Одни ему поверили, другие – нет. Те, кто сомневались, загорелись желанием увидеть это своими глазами.

И вот в один из последующих дней Курбан сговорился с несколькими приятелями. Они запустили в сад ФизетIа пойманную ими чужую овцу, а сами укрылись в кустах. Через некоторое время Галимат, выйдя покормить кур, заметила овцу. Рассердившись, она схватила ее за ноги и так швырнула через ограду на улицу, что у спрятавшихся в кустах отвисли челюсти.

Слух распространился мгновенно. Донесся он и до мужа Галимат.

– ФизетI, чтоб тебе сдохнуть, ты знаешь, твоя жена может ба-рана поднять над головой! – восторженно верещали приятели.

ФизетI им не поверил. «Галимат, сама робость – и способна на такое?! – ухмыляясь, подумал он. – Поверить в это? Нет, ребята хотят посмеяться надо мной». Он пропустил их слова мимо ушей.

Прошло немало дней. Как-то вечером ФизетI пришел домой с приятелями, не нашел жену в доме и в поисках ее заглянул в сад. Увиденное потрясло его: жена, схватив соседского теленка, пробравшегося в сад, подняла его над головой и перекинула

через ограду. Когда она направилась к террасе, ФизетI, заикаясь, спросил:

– Ж-жена, эт-то как так? Как т-ты сум-ме-ла б-большого теленка...

Галимат в мгновение взяла мужа за шкирку, приподняла и с силой швырнула оземь:

– Как? А вот так!

ФизетI онемел.

Жена заговорила со злостью:

– Слушай, ФизетI! Навостри свои уши и хорошенько послушай! Если ты еще хоть раз вернешься домой подвыпившим и поднимешь на меня руку, ты полетишь через забор, как тот теленок! – сказала она и пошла в дом.

Очевидцами происшедшего стали и приятели ФизетIа, настроившиеся было на пирушку. Оставив ФизетIа валяться на земле, они, пятясь, в ужасе убежали со двора.

С того дня ФизетI перестал пить и бить жену.

17. Слоеный хлеб

Еще не рассвело. Луна отдавала бледной желтизной. Еще не заалело на востоке. Еще не перекликались во дворах петухи. И Тарзан еще по-утреннему не забрежал в непередаваемо умиротворенном воздухе. А мама уже трясла меня за плечи, пробуждая от сладкого сна:

– Проснись, Азгар, проснись же! Сегодня твоя очередь!

Сначала мне показалось, что я слышу маму во сне. Но какой уж тут сон, когда она настойчива, как Азраил, пришедший по мою душу.

– Что? Какая очередь? – сердито спросила я спросонок, пытаясь разомкнуть веки.

Мама не отставала:

– Чан руш, сегодня твоя очередь вести стадо. Вставай, а то опоздаешь!

– Как – моя очередь? – расстроилась я. Приподнявшись, уселась посреди кровати: – Двух недель не прошло, как я вела стадо! А ведь каждый должен пасти только раз в месяц!

Я злилась на весь мир. Разве можно быть таким бессердечным? Ни свет ни заря разбудить ребенка и отправить его пасти стадо? Как никогда в жизни я почувствовала обиду на маму. Разве мать не должна болеть сердцем за свое дитя, жалеть его?

В тринадцать лет я была худенькой, маленькой и не дотягивала по росту до своих ровесников. Оттого, что на нашей улице и в школе все считали меня еще маленькой, я и сама привыкла о себе так думать.

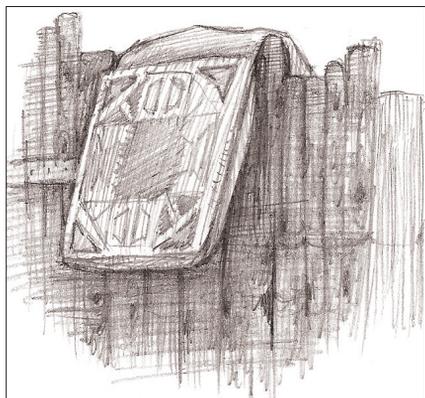
Ох, и тяжело же было вылезать из теплой постели! Все

отдала бы, чтобы еще немного поспать! Не было сил даже поднять голову от подушки.

– Во всем доме больше некому вести стадо, кроме меня? – заныла я, хотя хорошо знала, каким будет ответ. Заранее знала каждое слово, которое последует от мамы.

– А кто, кроме тебя? Кому еще можно это доверить? Ты ведь опора моя, доченька! Сладкая моя Кэмпбл! – мама ласково потянулась погладить меня, но я, надувшись, оттолкнула ее руку. Потом лениво поискала свои разбросанные кофточку и штанишки, нехотя натянула их. Как же я была обижена на маму! Даже в лицо ей смотреть не хотелось. Подумать только, ранним утром без всякой жалости гонит ребенка вести стадо!

Из-за отсутствия постоянного пастуха кусарцам приходилось по очереди пасти общественное стадо. В те времена все держали во дворах скот, так что на каждой улице было свое стадо. В связи с этим раз в месяц на каждый дом выпадала очередь пасти его. Обычно к этому привлекали старших мальчиков в семье. Но у меня не было старшего брата, а старшая сестра Саяд, взявшая на себя обязанности по дому, не бралась за работу вне дома. Вот почему раз в месяц мне приходилось пасти стадо.

Поначалу новая обязанность мне даже нравилась. Приятно было гнать в поле большое стадо, занимавшее всю улицу. Соседи улыбались, видя меня с пастушьей палкой в руке, с сумкой с едой через плечо. Но меня редко что в жизни увлекало надолго. Вот и эта новая обязанность – водить стадо – спустя некоторое время мне надоела.

В прошлом месяце мама с

большим трудом, ласками да поцелуями, уговорила меня вести стадо. И вот сегодня опять моя очередь. Меньше всего на свете я сейчас хотела вставать! «Как быстро пролетел этот месяц!» – подумала я. Взглянула на часы: они показывали половину шестого. Но ведь коров выводят в шесть, отчего же мама разбудила меня на полчаса раньше?

Мир бы обрушился, небеса бы раскололись, если бы я послала еще полчаса?

С веранды донесся ласковый голос мамы:

– Доченька, я испекла тебе чар авай фу⁶³! Иди умойся и поешь. Ведь ты до самого вечера в поле.

В воздухе витал дурманящий аромат хлеба, только что выпеченного на саже⁶⁴. «И когда она только успела испечь хлеб?» – подумала я. Такой хлеб мама пекла из белой муки, обильно промазывая слои осадком топленого масла, что придавало ему особый вкус. Она знала, что я очень люблю чар авай фу, и хотела порадовать меня. Но мне в тот момент не хотелось ничего.

– Не надо мне твоего хлеба! Не буду я его есть! – сердито ответила я. – Если бы ты меня любила, не разбудила бы на полчаса раньше, чем нужно!

– Дитя мое, съешь хоть кусочек! – но и умоляющий голос мамы не развеял моей обиды. Я со злостью посмотрела на сестер, сладко спавших на полу, на разостланных на ковре постелях. Как им не позавидовать: спят себе, посапывая, а я должна уходить!

Я сняла с колышка сшитую мамой матерчатую сумку, в которую клала еду. Тайком вытащила из-за стенного зеркала спрятанный дневник, достала ручку и положила все в сумку. На веранде от утреннего холода меня бросило в дрожь. Стуча зубами, я посмотрела на небо: на востоке белая зоря сливалась с алой, создавая неописуемую красоту! И вдруг неожиданно вырвавшаяся

63 Чар авай фу – слоеный хлеб

64. Саж – железный диск, на котором пекут тонкие хлебные лепешки.

из-под стрехи ласточка брызнула пометом мне в лоб.

Это было уже слишком! Я пришла в ярость.

– Проклятая, тебе некуда было больше гадить, кроме как мне на лоб? Чтоб твой клюв навсегда угодил в капкан! Чтоб ты себе крылья переломала! – крикнула я ей вслед.

Но что за дело счастливой ласточке до моих проклятий! Кружась вокруг грушевого дерева, росшего рядом с верандой, она так щебетала, словно была хозяйкой всего мира. Потом из гнезда вылетела другая ласточка. Вдвоем они залились таким пением, что мой сон вмиг улетучился.

Слегка побрызгав в лицо водой, я спустилась вниз. Взяла в хлеву пастушью палку, висевшую на стене. Распахнув дверь, вывела корову.

– Азгар, ну куда ты, не поев? – мама поспешно вышла вслед за мной. – Выпей хоть чаю! Ведь целый день будешь на солнце! – в голосе ее звучала озабоченность. Но я всерьез была обижена на нее, хотя и не совсем понимала, за что. Сердце подсказывало, что я не права, однако упрямство пересиливало.

Когда я выходила за ворота, мама протянула мне маленький сверток:

– Тут чар авай фу с сыром – поешь, когда проголодаешься.

– Не надо мне твоего хлеба с сыром! Зачем он мне? – с этими словами я бросила сверток на дрова, сложенные у конуры Тарзана.

На первом этаже в колыбели заплакал мой братишка Урват, и мама поспешила туда. «Беги к своему ненаглядному сыночку!» – завистливо проговорила я про себя. Невольно глянула на брошенный сверток и вышла за ворота. Мысленно я продолжала разговор с матерью: «Не надо мне твоего хлеба! Назло тебе останусь сегодня голодной! Ни крошки не съем! Даже воды не выпью! Вот увидишь!»

Погоня корову, я направилась вверх по улице, однако нос все

еще ловил аромат аппетитного слоеного хлеба. Обычно коров сгоняли сначала к основанию холма Кьенчлеб, где пастух их подсчитывал, и затем, убедившись, что все на месте, гнал дальше. Так же поступила и я. Без особой охоты, расстроенная, я погнала стадо по улице мимо кладбища в поле, в сторону села Цурухулат. Когда закончился лес, тянувшийся по обе стороны дороги, я направила коров влево, на склон. Сама же села под алычой, растущей прямо на гребне. Отсюда все поле было как на ладони.

Вдруг в животе у меня заурчало. И коровы словно услышали это. Всякий раз, когда в животе у меня урчало, они поднимали головы и смотрели на меня. Позывы желудка еще больше разозлили меня. В другие дни, бывало, до полудня и не вспомнишь о еде, а сегодня, как назло, есть захотелось с утра пораньше! Как бы я ни старалась отвлечься, горькие мысли не оставляли меня. Они все время возвращались к одному и тому же – свежее испеченному слоеному хлебу. Он так и стоял перед моими глазами, отчего у меня буквально текли слюнки.

«Попридержи аппетит! Человек не должен проявлять такую слабость! Живот тебе не хозяин», – укоряла я себя. Но вскоре опять начинала думать о слоеном хлебе. «А кто виноват? Разве не сама виновата? Теперь терпи!..» С каким бы аппетитом я откусывала сейчас большие куски хлеба с сыром!

Коровы жадно, с хрустом, жевали траву. Я смотрела на них сердито: «Чтоб у вас вымя иссохло, ненасытные!»

Сегодня меня злило все. Я готова была взорваться без всякого повода. Если бы мне сейчас встретился кто-нибудь из детей с нашей улицы, я обязательно нашла бы предлог, чтобы накинуться на него с кулаками. И хорошенько отколотила бы, чтобы успокоиться. Но не было никого, на ком можно было бы сорвать злость.

Взгляд мой наткнулся на сочные стебли щавеля – съедобной травы, росшей рядом. Вынув из кармана нож, я срезала

несколько стеблей и, очистив ножиком кожуру, начала есть сердцевину. Потом, увидев землянику, с радостью полакомилась ею в надежде сбить голод. Но мне это было как слону булочка. Я любила сытно и вкусно поесть, даром что была маленькой и худенькой.

«Помирай теперь с голоду! Кому ты навредила? Только самой себе! Сиди теперь голодная! Поделом тебе!» – ругала я себя.

Я лежала, ворочаясь с боку на бок. То камешек, то комочек земли, попадая под бок, мешали мне занять удобное положение. Краем глаза я следила за «ненасытными», переводя то и дело взгляд на наручные часы. И двух часов еще не прошло! «Ну почему время идет так медленно?» – думала я. Солнце еще не прогрело землю, и она была холодной. «Ой, сколько же еще ждать до вечера!» – эта мысль лишала меня остатков терпения.

Мне стали приходиться на ум ребята с нашей улицы. Сначала я подумала о ХацІ, потом о МахитІ, потом о ТатІи... ЗдукІ и ШинцІ, наверное, еще спят. Как же я им завидовала! Вспомнила и о моднике МутІе, брате пятерых сестер. Мать никогда не послала МутІа пасти стадо – берегла сыночка. «Как же, бесценный! Долгожданный родился!» – от злости я покусывала себе губы. Чуть не плача, я вынула дневник и излила ему душу. Написала о том, что на свете нет девочки несчастнее меня: «Счастливые сейчас позавтракали, напились чаю, и кто знает, где они теперь носятся! Никто так не страдает от голода, как я...»

Вдруг я увидела зайца, прыгавшего в сторону леса. Я вытащила из кармана рогатку, прицелилась и выстрелила. Камешек угодил зайцу в бок. Все это я проделала в один миг, не раздумывая. Но когда заяц взвизгнул от боли, мне стало стыдно. И зачем надо было трогать косоногого? Мне показалось, что заболело и у меня в боку. Я побежала к раненому зайцу с одним желанием: взять его на руки и приласкать. Но пока я бежала, он успел подняться, бочком допрыгать до леса и исчезнуть. Вместе с

ним испарилась и моя злость, которой я кипела все утро. Теперь я устроила суд над собой: «У тебя чесались руки? Чего ты этим добилась? Теперь ты довольна? Оставила бы в покое это божье создание!»

Долго еще я жалела косо́го, перестав думать о чем-либо другом, забыв даже о голоде. И сама не заметила, как заснула. Какой мне приснился сон! На зеленой лужайке, усеянной весенними белыми цветами, мама расстелила скатерть. Чего только не было на ней: вареные яйца, только что сбитое масло, свежая брынза, еще теплый чар авай фу... По одну сторону сидели отец с Уфтаном, добавляя уголья в самовар, а напротив рядком расселись мои сестренки Саяд, Чимер и Синер. Маленький Урват спал на подушке прямо на ковре. Я жадно уплетала хлеб с маслом и сыром. Было так вкусно, что я никак не могла наестся.

Отец глянул в мою сторону и, посмеиваясь, сказал:

– Не ешь так много, Азгар, а то у тебя лопнет живот!

Мама заступилась за меня:

– Не говори так! Видишь, она много трудилась и проголодалась... На свежем воздухе аппетит разыгрывается не на шутку.

Разбудило меня раскаленное солнце. Оно стояло прямо надо мной, обдавая жаром. Тень от алычового дерева переползла на другую сторону. Я пересчитала коров, вразброс сидевших в поле: все были на месте. Покрикивая, я подняла их и погнала к канаве, текущей по краю поля. Глядя, с какой жадностью они пьют воду, я прослезилась от жалости к себе. Мне так хотелось пить! И я отпила из той же канавы, но чуть повыше. Мутная вода, пахнувшая землей, приятно охладила меня. «Пей больше, чтобы заполнить живот и не думать о еде!» – невесело посмеялась я над собой.

Усевшись под дикой яблоней на краю канавы, я обняла руками колени и заплакала от голода. Плакала долго и горько. Устав плакать, вытерла слезы и посмотрела на часы: два часа. До того,

как можно будет погнать стадо обратно, оставалось еще более пяти часов. Как ни странно, во мне уже не осталось ни злости, ни обиды. Мною овладело какое-то неземное умиротворение. Однако сил подняться не было. Грустная, ослабевшая, я смотрела на воду, с журчанием бежавшую в канаве.

Вдруг я вспомнила цикен, который ела вчера вечером с ребятами у ТатИи. Ох, как вкусен был этот мясной цикен в три слоя! Мы и не заметили, как расправились с ним. Бабушка Чюквер часто угощала друзей своего единственного внука. Готовила то афарар, то чар авай фу, то шакуку⁶⁵ и звала нас к себе. Зимой она готовила для нас свой коронный хинкал – никто не умел готовить его так, как она! У бабушки Чюквер и сердце, и руки были золотыми. Она была бесконечно щедра, несмотря на то, что жили они бедно – на одну ее пенсию. Дети в ней души не чаяли. Мы постоянно искали повод, чтобы посидеть у них дома. Бабушка Чюквер никого не отпускала, не накормив. Из ее рук нам казался вкусным даже обычный тонкий хлеб, натертый чесноком и намазанный творогом.

Бабушку Чюквер любили не только дети, но и взрослые – чем могли, старались помочь ей. А мама ТутГуса часто помогала ей продуктами из магазина. Доброта бабушки Чюквер и камень смягчит, говорили кусарцы.

Мне вспомнился один случай. Как-то с дальнего конца улицы до нас донесся плачущий голос. Это был ЗдукI. Рядом с ним шла разгневанная бабушка Раифат. Она двигалась решительным шагом, размахивая одной рукой, а другой – таща за собой внука, и что-то бурчала себе под нос. Они быстро приближались к нам. До нас оставалось совсем немного, когда тетя Селми, идущая навстречу, остановилась возле них:

– Что случилось, тетя Раифат? Почему ребенок плачет?

65. Шақуқла – лезгинская пицца.

Судя по всему, у бабушки Раифат наболело, и ей хотелось выговориться. Она сердито ответила:

– Что же еще могло случиться? На нашу улицу Аллах наслал Ардавула⁶⁶! Никому проходу не дает, всех обижает! Никуда от него не укроешься. Сирота, всё ему спускают, вот он и делает все, что его душа пожелает. Разве ты не видишь синяка под глазом ребенка? Его избил внук Чюквер! Чтобы у него руки отсохли!

– Ой, бессердечный, ты посмотри, как ударил ребенка! – подлила масла в огонь тетя Селми. Потом приласкала ЗдукІа:

– Чан, чан, больно тебе?

ЗдукІ, из глаз которого ручьями текли слезы, заревел еще громче, отчего бабушка Раифат совершенно разъярилась:

– Вот увидите, что я сделаю с этим щенком! Я его наизнанку выверну! Глаза ему выколю! Тоже мне, гроза улицы! Если мы молчим, это не значит, что нам можно на шею садиться!

Голос разгневанной бабушки Раифат разносился по всей улице. Продолжая ругаться, она с внуком подошла к дому ТатІи. За ними следовала ватага детей – они молчали и палками что-то вычерчивали по земле.

Когда они прошли мимо нас, МахитІ повернулась ко мне:

– Пропал ТатІи! Бежим, сообщим ему. А то попадет в руки бабушки Раифат – она ему кости переломает!

Мы рванули на верхнюю улицу, к ТатІи. Он колол дрова во дворе. МахитІ, запыхавшись, закричала:

– Чтоб тебе не умереть, ТатІи! Быстро прячься, к вам идет бабушка Раифат со ЗдукІом. Она сказала, что выколет тебе глаза!

– Пусть попробует, если сможет, – ТатІи и не подумал прятаться.

– Она побьет тебя перед детьми! И об этом узнают все! Ты же

66. Ардавул – в лезгинской мифологии: грозное, опасное существо.

потом не сможешь смотреть людям в глаза! – не отставала МахитІ.

– Давайте все спрячемся сейчас в комнате-хлебопечке, – предложил МутІ.

Мы так и сделали.

Вскоре прогремел голос бабушки Раифат:

– Чюквер! Эй, Чюквер!

Никто не откликнулся. Старушка закричала еще громче:

– Эй, Чюквер!

До нас донесся мягкий голос бабушки Чюквер:

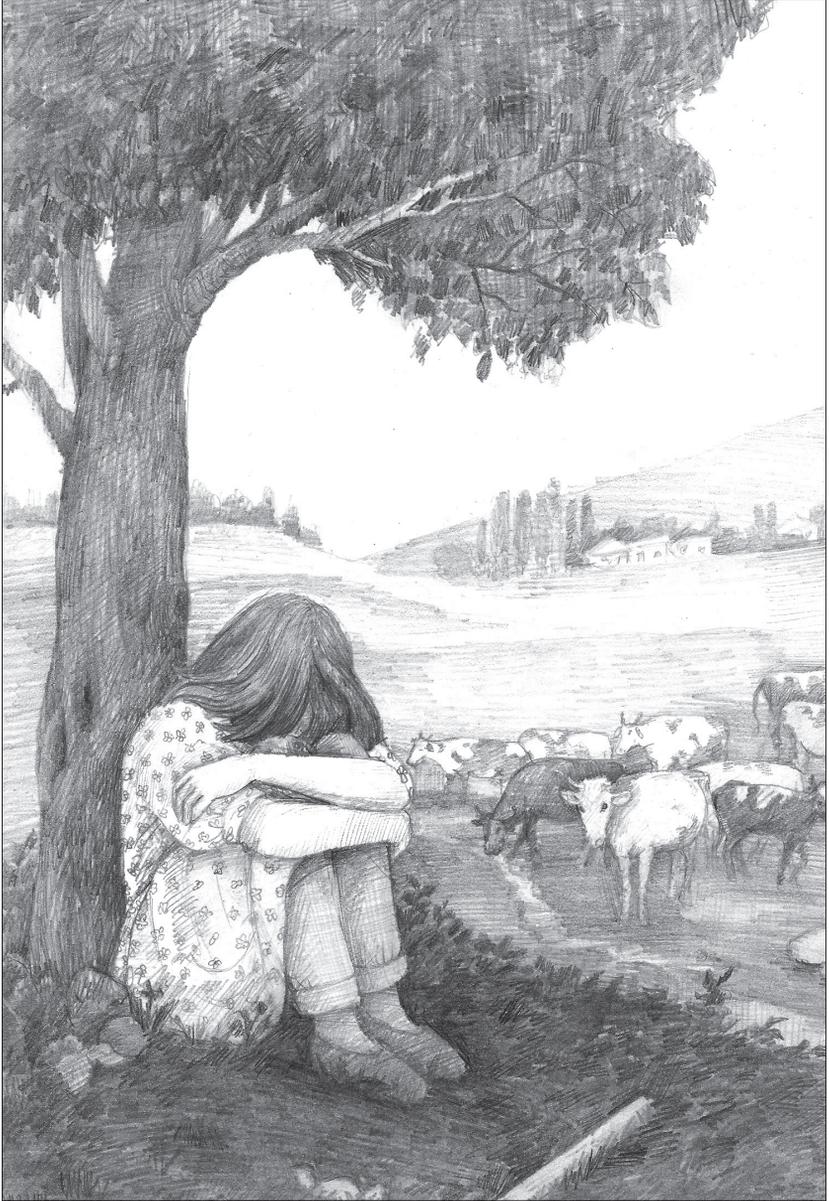
– Раифат, я руш, это ты? Благослови Аллах ноги, что привели тебя ко мне! Да умру я за язык твой, зовущий меня! Да умру я за сердце твое, вспомнившее меня! Твой приход – солнца восход! Почему ты стоишь на улице? Заходи же скорей, сестра угостит тебя своими афарар из сурепки. Когда ты позвала, я как раз их переворачивала.

На одном дыхании произнеся все эти благопожелания, ни о чем не подозревающая бабушка Чюквер вышла за ворота. Она, радуясь, обняла и расцеловала Раифат. И что же? Та на глазах растаяла! Все это мы хорошо видели из окна комнаты-хлебопечки. Бабушка Раифат, которая еще недавно была готова выколоть глаза ТатИ, запнувшись, проговорила:

– Благослови Аллах твоего ТатИ!

Мы почувствовали огромное облегчение. Бабушка Чюквер настойчиво потянула бабушку Раифат в дом. Кажется, ЗдукІ, оставшийся на улице, тоже почувствовал облегчение – он уже не плакал. Выйдя из комнаты-хлебопечки, мы вернулись на нашу улицу. С нами был и ЗдукІ. Как будто ничего и не произошло. Вот такой была бабушка Чюквер...

Глотая слюну, я вспоминала вчерашний цикен. Тогда я съела всего один кусок – и наелась, а теперь мои мысли возвращались к целому цикену.

Вдруг залаяла собака – это был голос Тарзана. Его, составившегося и ослабшего, я в последнее время никуда с собой не брала. Да он и сам уже редко и неохотно выходил за ворота. Как он оказался здесь?

Я вскочила в удивлении. От подножия холма ко мне пулей мчался Тарзан. Я уже давно не видела, чтобы он так резво бежал! Радостно подлетев ко мне, он выронил на землю сверток и распластался у моих ног. Я не могла отвести глаз от свертка – того самого, с едой, который мама утром дала мне, а я оставила на дровах во дворе. Я вскрикнула от радости, прижала к себе Тарзана и поцеловала. Мы стали кувыркаться на траве. Наконец я развернула сверток. Чар авай фу с сыром был обернут марлей. Отломив кусок, я отдала его Тарзану, после чего, сказав «Бисмиллах!», накинулась на еду.

Никогда в жизни никакие яства не казались мне такими вкусными! Я съела все до последней крошечки. Вспомнила ласковый голос мамы: «Доченька, я испекла тебе чар авай фу». Поев и сказав: «Алхамдуллах!» – как учила мама, испытывая непередаваемое наслаждение, я растянулась на траве. Тарзан разлегся рядом.

Вдруг я увидела вдали идущих ко мне МахитІ, ХацІ, МутІа, ПатІи, ЗдукІа, ШинцІа и радостно рванулась им навстречу. Не было на свете в тот момент никого, кого бы я любила больше их! МахитІ хлопнула меня по плечу:

- Чтоб тебе не умереть, КІамПул, без тебя нам скучно!
- Да, правда, – подтвердила ХацІ.

Остальные промолчали, что означало, что они согласны с МахитІ. Счастливее меня не было никого!

18. Восхождение на Шахдаг

Из какого уголка Кусаров ни посмотри, отовсюду видны завораживающие вершины Шахдага и Базардюзю, по соседству вознесшиеся в поднебесье. Их неповторимая красота всегда была мне близка, я не могла не восторгаться ими. Когда-то дома здесь строились так, чтобы с веранд второго этажа были видны горные вершины. Их вид задавал особый настрой чувствам не только поэтов, но и простых смертных. Особенно тянула к себе вершина Шахдага, вечно покрытая снегом.

Для каждого кусарца любовь к Шахдагу являлась самой дорогой на свете. Это ни с чем не сравнимое чувство. Шахдагу преклонялись, им гордились, у него учились достоинству, познавали тайны противостояния горестям и несчастьям, преодоления трудностей и невзгод.

И самым большим желанием каждого кусарца считалось восхождение на Шахдаг. С того самого момента, как он начал осознавать мир, это желание зарождалось, вселялось в его сердце и уже никогда не исчезало. У одних оно исполнялось, другие же до конца своих дней таили его, сожалея о несбывшейся мечте.

В пору моего детства разговоры кусарцев с самого начала весны и вплоть до конца лета начинались и заканчивались Шахдагом. Все знали, что лучшим временем для восхождения на гору был июль. Имена тех, кто собрались подняться на вершину, узнавали все. Все то время, пока группы по пять-шесть человек готовились к восхождению, а затем отправлялись в путь, все только и говорили, что о них. Когда же счастливики возвращались, они

на киме, у себя на улице, прямо у ворот рассказывали обо всем увиденном, о том, что им пришлось перенести. Все с восхищением и искренним интересом слушали рассказы везунчиков, у которых сбылось самое сокровенное желание.

Мы, дети, тоже понимали: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Как и все остальные, мы тоже мечтали о восхождении на Шахдаг. В последнее время только об этом и говорили.

Попрощавшись на три месяца со школой, мы предавались своим бесконечным детским увлечениям. Наступили июльские дни, будоражащие сердце. От зари до позднего вечера мы – ребята с нашей улицы – пропадали в лесах, на полянах, в долинах нашего прекрасного края. Мои ровесники заметно подросли, я же оставалась прежней – маленькой, худенькой, чернявой девочкой. Остриженная коротко, под мальчишку, вечно одетая в рубашку и штаны, я и вправду мало походила на девочку. Мальчишки, если обсуждалось что-то важное, девочек к себе не подпускали, мне же, улыбаясь, говорили:

– КІамПул, ты можешь остаться.

В глубине души я радовалась этому. Я и характером не походила на девочку.

В тот день мы в шестером – я, ТІатІи, МутІ, ЗдукІ, ПІинцІ, ТутІус – сидели на холме КьенчІеб. Вершины Шахдага и Базардюзю, горделиво возвышавшиеся бок о бок, были несказанно красивы. Все молчали. Наши взоры тянулись к белой вершине Шахдага. Непонятное чувство, смешанное с грустью, охватило нас.

Неожиданно заговорил ТІатІи:

– Сколько лет мы только и слышим – то одни, то другие восходят на Шахдаг. А мы сидим тут, бездельничаем, – голос его был подавленным.

– Уж не хочешь ли и ты подняться на Шахдаг? – съязвил МутІ.

– А чем я хуже других? – самолюбиво ответил ТатИи.
– Остановись, не приставляй лестницу к небу! – подзадорил его ТутГус.

– Эй ты, ящерка на дереве, держи свое мнение при себе! – повернувшись к нему, рассердился ТатИи. – Парень, у тебя хоть раз в жизни сорвется с языка умное слово? Если не можешь сказать «Давайте и мы попробуем», зачем вообще раскрывать рот?

Наверное, у ТатИи накипело, и ему надо было на кого-то излить зло, а тут бедняга ТутГус дал повод.

– А что, разве я сказал неправду? Кто тебя отпустит в горы? Услышит бабушка Чюквер – побьет тебя, как собаку!

– Чтоб тебе сгинуть! Ты из тех, кто втыкает иглу, а вынимает шило! Когда это я брал разрешение у бабушки? Вот увидишь, завтра же отправлюсь в горы! – ТатИи совсем разошелся.

– Может, ты и готов подняться на гору, но меня-то зачем обвинять? – ТутГус явно желал примирения.

– ТатИи прав. Наверное, и наши ровесники не раз поднимались на вершину. А мы все цепляемся за мамину юбку.

От слов поддержки МутИа у ТатИи заблестели глаза. Понравились они и ШинцЮ:

– Верно!

– Давайте сделаем это, иначе у меня сердце лопнет!

Все, оживившись, усталились на ТатИи, и только ТутГус хранил молчание.

– На Шагдаг идут через село Лацар, куда и мы должны будем сначала добраться. Найдем какую-нибудь машину, которая едет туда, – уже увереннее заговорил ТатИи.

– Изетуллах, сын тети Тюти, работает шофером рейсового автобуса Кусары–Лацар. Он каждый день отправляется в семь утра. До села ехать два часа, – радостно изложила я.

ТатИи повернулся ко мне:

– КИамПул, ты не надейся – это дело не для девочек...

МутІ ехидно заметил:

– Посмотрите-ка на эту девочку!

Все засмеялись, но я не придавала значения его словам.

– Нам сейчас не до шуток. Дорога будет длинной и трудной...

Я прервала ТатІи:

– Значит, вы сильные, а я слабая? Да вы самодовольные дураки, которые не признают других! О себе только и думаете!

Никто не ответил, но я уже не могла остановиться:

– Хотя вы взлетите в небо, хоть провалитесь сквозь землю, но на гору и я поднимусь! Вы слышите?

Выпалив это, я отвернулась – не хотела, чтобы они увидели мои слезы.

ТатІи мягко сказал:

– КямпІул, я не хотел тебя обидеть. Но ты сама подумай: если узнают у вас дома, представляешь, какой шум поднимется?

Но он понимал, что уговоры бесполезны. И он, и все остальные ребята знали: если я что-то задумала, то ни за что не отступлюсь.

В тот день мы решили, что впятером, без ТутІуса, поднимемся на Шахдаг. ТутІус отказался, сказав, что боится отца.

На следующий день вечером мы отправились к дяде Изетуллаху и рассказали ему о нашем плане. Он согласился довести нас до села Лацар. А еще мы попросили его, чтобы об этом никто не узнал на нашей улице.

– Дядя Изетуллах, ты отвези нас в Лацар, а мы за один день дрова, что перед вашими воротами, перетащим во двор! – пообещал ТатІи.

– Если так, я вас и обратно привезу! – обрадовался дядя Изетуллах.

И вот через два дня ТатІи, МутІ, ЗдукІ, ШинцІ и я тайком от домашних собрались в половине седьмого утра на автовокзале. У каждого был рюкзак с едой и теплыми вещами. В семь часов

подъехал автобус дяди Изетуллаха, и мы сели в него вместе с другими пассажирами.

Настроение у нас было приподнятое, радостное. Впервые мы вот так, вместе, втайне от всех отправлялись в дальний путь. Мы знали: до вечера нас никто не хватится, ведь днем никто из нас и без того не сидел дома. Вечером взрослые будут возиться со скотиной, вернувшейся из стада, и могут не обратить внимания на наше отсутствие. Ну а вечером следующего дня, когда домашние еще не успеют о нас вспомнить, «пазик» дяди Изетуллаха доставит нас обратно в Кусары.

Через два часа автобус привез нас в Лацар. Когда остальные пассажиры сошли, дядя Изетуллах сказал нам:

– Смотрите, не заблудитесь тут, в горах!

– Мы же не дети! – ответил ему ПагИи и напомнил: – Дядя Изетуллах, ты не видел нас, а мы не видели тебя. Хорошо?

– Хорошо, пусть будет так.

Был погожий день, солнце не так сильно припекало. Красотами села Лацар можно было любоваться без конца. В долине водопадов у нас вырвались восхищенные возгласы: здесь с высоких скал с грохотом низвергались шумные потоки воды. Во все стороны коврами простирались луга. И какие прекрасные узоры создавали белые, желтые, синие, красные цветы на зеленых коврах!

Когда мы вышли за околицу села, сзади раздался крик дяди Изетуллаха:

– Дети, подождите-ка!

Мы остановились. Он указал нам на скачущих позади чабанов.

– Здешние леса и холмы вам незнакомы. Дороги труднопроходимые. Не туда забредете – и всё, никто вас не найдет. Эти чабаны направляются на гору Кабаш. Держитесь их – так вы быстрее дойдете.

Четыре чабана, поднимавшиеся снизу на разгоряченных

конях, показались нам богатырями из сказки. За ними следовали сторожевые собаки и отара. Мы примкнули к их кочевью.

Через два часа ходьбы от нашего радостного настроения не осталось и следа. Мы устали до изнеможения – путешествовать в горах оказалось труднее, чем мы себе представляли. Дорога то круто поднималась, то спускалась в ущелья.

Мы прошагали еще два часа, когда перед нами во всей красе предстал альпийский луг. Травы и цветы здесь были с нас ростом. От смешанного удивительного аромата кружилась голова. Забыв про усталость, мы стали шумно резвиться. Глядя на нас, чабаны посмеивались.

– Эй, дети, идите направо, там родник! – крикнул нам старый чабан.

За всю дорогу это были первые слова, которые мы услышали от него.

У дороги из-под белых валунов, кипя, шумно пробивался ключ с ледяной водой. Мы напились, потом стали брызгать друг в друга холодной водой. Успокоившись, мы вдруг почувствовали, что ноги нас не слушаются. Я особенно измучилась, но старалась не показать виду. Боялась, что мальчишки станут меня упрекать.

Старый чабан, заметив, как мы обессилели и притихли, с жалостью сказал:

– Надо же, и никто не спросит: поросята, что вы потеряли в этих горах? И как вас только родители из дому отпустили?

Порассуждав еще немного в таком же духе, он обратился к другим чабанам:

– Парни, пожалейте детей – они измучились. Надо посадить их на лошадей.

Один из них посадил к себе на лошадь МутІа с ТІатІи, другой – Шинціа со ЗдукІом, а я оказалась на лошади вместе со старым чабаном. Теперь наши ноги могли наконец отдохнуть.

Как удобно было созерцать с лошади луга и скалы, потоки и ключи! На каждом шагу открывалась по-своему красивая картина, на которую невозможно было наглядеться.

– Как тебя зовут? – спросил старый чабан немного погодя.

– Азгар.

– Ты чья будешь?

– Абдулрзы.

– Какого Абдулрзы? Председателя колхоза?

– Да.

– Ваша фамилия Рзахановы?

– А вы откуда знаете? – удивилась я.

– Доченька, мы с твоим отцом большие друзья. Пуд соли с ним вместе съели, – неожиданно он развернул меня лицом к себе. – Ты не узнала дядю Гайбата, поросенок с поросычьими глазами?

Конечно, узнала, но только после этих слов – «поросенок с поросычьими глазами». Дядя Гайбат много раз гостил у нас. Когда он появлялся, со своими неизменными шуточками, отец оживлялся. Поев и попив, они предавались бесконечным воспоминаниям.

– Отец знает, что ты отправилась на гору? – спросил дядя Гайбат.

– Нет.

– Нехорошо так. Подняться на гору и вернуться обратно – это на два дня. Домашние потеряют покой.

Я не ответила. Через некоторое время мы дошли до чабанских палаток. Навстречу нам с лаем кинулись собаки. Соскочив с лошади, дядя Гайбат зашел в один из овечьих загонов и вышел оттуда с юношей лет шестнадцати-семнадцати, которому что-то говорил. Юноша вскочил на оседланного коня и поскакал в сторону села Лацар.

Потом мы продолжили наш путь, которому, казалось, не

будет конца. Еще через три часа чабаны остановились на короткий отдых. Не описать, как мы были этому рады! Когда спешили, наши ноги словно окоченели – мы не могли стоять и распластались на траве. Дядя Гайбат, посмеиваясь, сказал:

– Полежите немного, пусть ноги отойдут.

Через какое-то время ноги вновь стали чувствовать землю. Когда чабаны уселись поесть, мы тоже вынули взятую из дома еду. Мы думали, что наших припасов нам хватит на два дня, но проснувшийся в нас волчий аппетит не оставил от еды и крошки. Поели – и нас тут же потянуло в сон. Неизвестно, как бы долго мы спали, если бы нас не разбудили чабаны. Подсаживая на лошадь, дядя Гайбат опять пожалел меня:

– Одни кости торчат... И что ты здесь забыла? Сидела бы себе спокойно дома, а не тащилась неизвестно куда! Разве у тебя хватит сил, чтобы подняться на гору, Азгар? Да на тебя дунь – ты упадешь!

– Далеко еще до Кабаша? – сменила я тему.

– Дай Аллах, часа через два доберемся.

Теперь дорога шла среди громадных скал по ущелью реки Кусарчай, которая мчалась с грохотом, неся большие камни. Так мы шли довольно долго – река словно направляла нас.

На закате мы достигли горы Кабаш. И были потрясены видом большого водопада, считавшегося самым высоким из лацарских водопадов. К нему стекали потоки с вершин, его воды низвергались вниз с тридцатиметровой высоты. Его исступленные раскаты наводили страх. Когда мы подошли совсем близко к водопаду, наши лица и руки обрызгало каплями холодной воды. А как были красивы верховья Кусарчая! Усталость тяжелого пути понемногу отпускала нас...

Чабаны развернули палатки между двумя громадными скалами у подножия горы. Мы, сидя в сторонке, внимательно

наблюдали за ними. Они разложили еду на траве, позвали и нас. Но нам было не до еды – усталость валила с ног. Мы хотели только одного – поспать. Чабаны это поняли и отвели нас, всех пятерых, в одну из палаток. Мы повалились на жесткий матрац и тут же заснули.

Утром раньше всех проснулась я. Всю ночь я проспала, скрючившись, на краю матраца, отчего у меня онемела поясница. С трудом выпрямившись, я вышла из палатки. От открывшейся мне красоты я тут же забыла о боли.

В правой стороне долины, со всех сторон окруженной вершинами, ниспадал белый от пены водопад. Красивее этого зрелища я в жизни ничего не видела. В этой красоте было что-то гордое и сильное. Потоки воды, ударяясь о скалы, издавали ни с чем несравнимый грохот. Над ними вверх уступами поднималась гора Кабаш.

Вокруг палаток не было ни пяди земли, где бы не цвели цветы – лазоревые, желтые, белые, на которые я не осмеливалась ступить ногой.

Насмотревшись, я встала перед палаткой и закричала:

– Эй, бездельники, вы пришли сюда, чтобы спать? Уже полдень, а ну-ка быстро вставайте!

Мальчики зашевелились, потягиваясь и недовольно поглядывая на меня. Еще бы, ведь я прервала их сладкий сон!

Мы умылись ледяной водой и занялись приготовлениями к восхождению на гору. Надели сапоги, теплую одежду, натянули Шапки. Чабаны угостили нас завтраком с чаем. А после дядя Гайбат, улыбаясь, сказал:

– Тем, кто поднимается на вершину Шахдага, сам Аллах открывает дорогу. Сегодня, к счастью, будет ясный день.

Потом он спросил:

– Кто у вас старший в команде?

Мы все показали на ТатИ.

– Смотри, сынок, сначала вы подниметесь на Кабаш. Там узкая тропинка сама поведет вас в верном направлении. Дойдете до скалы с прорубленным проходом. После нее повернете налево. Запомни: надо все время идти, ориентируясь на вершину Шахдага! Потом достигнете озера камней. Дорога, которая проходит по озеру, – нелегкая. Пройдете озеро – свернете к каменистому склону. Другого пути там нет. Преодолеете скат, и перед вами откроется заснеженная тропа. По той тропе, давая себе передышку, вы взойдете на вершину. Спуск будет легче, чем подъем. Ну, доброго пути!

Дядя Гайбат довел нас до устроенного самой природой моста внизу, у водопада – там две скалы сомкнулись верхушками над рекой Кусарчай.

С самого утра дядя Гайбат возился с нами, как отец, мы успели привязаться к нему и проникнуться полным доверием.

– Не всякому под силу подняться на Шахдаг. Но вы, я вижу, смелые ребята. Знаете, я был даже младше вас, когда в первый раз поднялся в гору. Ничего не бойтесь. На заснеженной тропе друг от друга не отставайте...

С этими напутственными словами дядя Гайбат проводил нас. Мы, воодушевленные, словно у нас выросли крылья, зашагали друг за другом. Невозможно было наглядеться на красоты, открывающиеся со всех сторон. В скалах пели горные птицы. Иногда над нами парили орлы, вид которых прибавлял нам бодрости. Нам казалось, что вершина Шахдага уже близка, хотя до него предстояло идти еще много часов.

Ближе к вершине Кабаша перед нами взлетел орел и, расправив крылья, взмыл в небо. Он начал очерчивать круги над глубоким ущельем между горами Кабаш и Цемент. Стоило посмотреть в это ущелье, как в глазах темнело. Вдруг с крыла орла сорвалось перо, его долго носило в воздухе над ущельем, потом

оно закружилось и наконец, словно успокоившись, полетело вниз. Мы до конца проводили его взглядом. Долог же был путь орлиного пера!

А вот и скала с проходом. Как же образовалась эта дыра в самой середине огромной скалы? Когда мы по очереди прошли через нее, нашим глазам открылась долина, которую, казалось, никогда не пройдешь до конца. Она была усеяна незнакомыми нам низкорослыми цветами.

Потом мы дошли до озера камней, о котором говорил дядя Гайбат. Скользя по камням, падая и поднимаясь, мы продолжали идти. Преодолев и этот отрезок пути, мы, измученные, повалились на камни. Ни у кого из нас не оставалось сил сделать хотя бы шаг.

– Умру, но не встану. Идите без меня, – сказал ШинцІ. Закрыв глаза, он и вправду мгновенно уснул, как мертвый. Через час ТатІи с трудом поднял нас на ноги:

– Эй, вы чего, нам ещё предстоит обратная дорога!

Но ШинцІа невозможно было сдвинуть с места. Он часто пил ледяную воду от подтаявшего снега, с журчанием стекавшую меж камней, отчего у него распухли губы. Глаза его блестели, как при высокой температуре.

МутІ умолял его:

– Чан ШинцІ, ну что ты! Ты же мужчина!

– Чтоб тебе умереть, как здесь оставаться женщиной?! Ну, не идут мои ноги, не слушаются они меня! – заныл ШинцІ.

МутІ указал ему на заснеженную дорогу, поднимавшуюся перед нами по склону:

– Стыдно же дойти сюда и повернуть обратно! Самое трудное осталось позади. Еще немного, и мы достигнем вершины. Ну, что же ты, будь смелее! – он кивнул на меня: – Постеснялся бы КІампІул!

Услышав последнее, ШинцІ все же нашел в себе силы встать.

Опираясь о землю палками, отдыхая на каждом шагу, мы поднимались по крутому склону. Ох и трудным же был этот путь!

Еще совсем недавно нас поджаривало солнце, а сейчас, с самого начала снежной тропы, стал донимать пронизывающий холод. Мы надели на себя все, что было в наших рюкзаках из одежды, одно поверх другого. Шапки натянули по самые глаза. И все равно дрожали от холода. Обувь у всех оказалась не самой удобной для такой дороги: она скользила, внутрь набивался снег, что прибавляло нам мучений. Подъем же становился все круче и круче. ТатИ шел впереди, за ним следовали МутИ, ЗдукИ, ШинцИ и в самом конце – я. Было невозможно присесть даже на минутку, чтобы передохнуть – можно было только опуститься на корточки. Но мы продолжали идти.

Вдруг расплакался ЗдукИ:

– Я не могу больше идти! У меня ноги отваливаются! И зачем я, дурак, послушался и пошел с вами? Не хватило ума, как у ТутГуса...

Он зашелся в плаче и не на шутку напугал нас. Глядя на него, заплакал и ШинцИ.

Мы не знали, как быть. Но ТатИ не растерялся. Он был на год старше нас, а потому имел право смотреть на остальных, как на малышей. Они с МутИом перемигнулись. ТатИ начал успокаивать ЗдукИа, а МутИ – ШинцИа, что им и удалось, хотя и с трудом. После этого ТатИ, которому, наверное, надоело возиться с нами, внушительно сказал:

– Запомните: дорога не кончится, пока мы ее не пройдем. Если мы мужчины, мы не должны нарушать данное слово. Вы думаете, я не устал? Я тоже не железный, но я знаю, что мне никто не поможет, кроме меня самого. Каждого несут только его ноги. Мы же не дети. Мы должны идти только вперед. Вы как хотите, а я иду!

И он решительно двинулся вверх. Его слова подействовали.

Мы преодолели снежную крутизну, уж не скажу, за сколько часов, и наконец очутились на вершине Шахдага. К нашему огромному удивлению, здесь не оказалось снега, а было полно камней, больших и мелких. На какое-то время мы забыли про изнеможение. Восторженно крича, мы кинулись обниматься. В эти минуты не было на свете людей счастливее нас! С высоты вершины мы смотрели на расходящиеся во все стороны горы – это и было счастьем исполненного желания. Не только горы, даже облака были сейчас ниже нас!

ТатИ, прыгая, как сумасшедший, кричал:

– Мы смогли! Мы добились исполнения своего желания! Мы мужчины! Вы слышите? Мы настоящие мужчины!

Однако радость наша длилась недолго. Неожиданно ЗдукІ стало плохо. Он посинел, как перезревший плод мушмулы, его стало рвать. Следом у ШинцІа закружилась голова, и он свалился без чувств. Когда мы с трудом привели его в сознание, его тоже вырвало. МутІ также почувствовал себя плохо. Вскоре побледнел и ТатИ. Лежа на камнях, они еще долго не могли встать. Одна я держалась. У меня ничего не болело, от радости я не знала, что делать. Мальчишки ревниво и недоуменно поглядывали на меня.

– Поглядите на эту стрекозу! Как будто и не протопала весь путь вместе с нами, – проговорил пришедший в себя ШинцІ.

– Девочки сильные, – сердито посмотрел на меня ЗдукІ.

Ровно час они провалялись, будучи не в силах двигаться, но постепенно пришли в себя. И в пять часов вечера мы пустились в обратный путь. Спуск нам действительно дался легче. Иногда мы, усевшись на свои рюкзаки, просто скатывались вниз по снежному склону. Наши веселые крики нарушали тишину гор. В одиннадцать часов вечера, спустившись к водопаду, мы увидели дядю Гайбата, вышедшего навстречу нам. Но ведь, расставаясь с нами утром, он говорил, что собирается на

пастбище ниже Кабаша! Удивившись, я спросила:

– Разве вы не пошли на пастбище?

– Ну, земеклар, пока вы не вернулись, я не мог туда отправиться! – ответил он.

Доводилось ли нам когда-либо слышать такие ласковые слова? Мы так и льнули к дяде Гайбату – первому человеку, встреченному после путешествия, оказавшегося самым тяжелым в нашей жизни. Подкручивая усы, он сказал:

– Пойдемте-ка, съешьте по миске горячего супа, чтобы потеплело внутри. Ну же, земеклар, скорее!

Трех палаток уже не было – другие чабаны успели подняться на Кабаш. Перед палаткой дяди Гайбата горел костер, над которым в ночную тьму красиво взлетали искры. От алюминиевого котелка, висевшего над костром, распространялся аромат, разжигающий аппетит. Дядя Гайбат снял котелок с огня и проговорил:

– Садитесь поближе! Знаю, как вы проголодались...

Ничего на свете не могло быть вкуснее этого варева из вермишели и картошки! Мы уплетали суп, макая в него хлебушек, и не могли насытиться. Потом дядя Гайбат напоил нас чаем из алюминиевых кружек. Утолив голод, мы тут же уснули.

Проснувшись утром, мы увидели еще двух лошадей, которых откуда-то пригнал дядя Гайбат. Он посадил нас на лошадей и отвез в Лацар. Прощаясь, он сказал мне:

– Абдулрзе передашь от меня привет. Скажи, Гайбат из Лацара спрашивал о нем.

Обнаружив здесь ждавший нас автобус дяди Изетуллаха, мы безумно обрадовались. Он приехал за нами в обещанный срок! Открыв дверцу, он впустил нас в автобус, и только после того, как машина отъехала, спросил:

– Ну как, смогли подняться на Шахдаг?

– Смогли! – в один голос ответили мы.

Едва мы отъехали от Лацара, как ЗдукI вспомнил про дом и опять заныл:

– Теперь меня поколотят!

Этих слов нам хватило: в сердце ожил страх, в голове закопошились неприятные мысли. В одном не приходилось сомневаться: восхождение на Шахдаг обойдется нам очень дорого.

Удивительно, но за эти два дня мы ни разу не вспомнили о своих родных! Теперь же нас удручали мысли о том, как мы покажемся на глаза домашним.

– Чувствую, влетит мне от баде! – проговорил ТатИ.

Мы знали, что бабушка Чюквер, когда разозлится, поколачивает скалкой единственного внука, который был для нее светом очей, самой жизнью.

– Меня бабушка теперь целый месяц не выпустит на улицу, – пожаловался ЗдукI.

У ШинцIа не было сил произнести ни слова: у него поднялась температура, он весь горел. Тяжело приоткрывая глаза, он поглядывал на нас.

И МутI не был похож на себя, он ни слова не промолвил.

Я про себя решила, что надо до конца держаться твердо, иначе можно потерять доверие мальчиков. Но перед глазами вставало строгое лицо отца. Он никогда не поднимал на нас руку, но одного его сердитого взгляда нам хватало. «Лучше бы бил», – думала я со страхом.

Помнится, когда несколько месяцев назад я подралась с детьми с нижней улицы и пришла домой с окровавленным ртом, отец сказал маме:

– Если она еще хоть раз позволит себе подобное, пусть больше мне на глаза не попадается!

Для меня не могло быть наказания страшнее. Ведь если отец больше не захочет меня видеть, это будет означать, что он перестал меня любить...

Одинаково подавленные, с грустными мыслями, мы приехали в Кусары. Дядя Изетуллах поехал не на автовокзал, а

прямоком на нашу улицу. Выйдя из автобуса, мы увидели, что перед домом ЗдукІа собралась целая толпа. Среди них были и наши взволнованные и рассерженные родные. Но при виде нас – загоревших, с полопавшимися губами, еле державшихся на ногах – они переменялись.

Первым раздался возглас бабушки ТІатІи:

– Сокол мой ясный! Ты поднялся на гору? Да буду я твоей жертвой, мой герой!

Она обхватила за шею ТІатІи и шумно расцеловала его в щеки. Слова бабушки Чюквер подействовали и на остальных.

ШинцІа, горевшего жаром, немедленно отвели домой.

ЗдукІ рассказывал отцу с матерью о восхождении, они же его восторженно слушали. Я не заметила, куда пропал МутІ. Да и ничего другого мои глаза уже не видели, потому что мама передавала мне слова отца:

– Слушай меня внимательно, Азгар! Больше никаких ребячеств ты себе не позволишь. С завтрашнего дня перестаешь водиться с мальчишками. Не будешь ходить в этих штанах. Не будешь носиться неизвестно где. И всегда будешь слушаться нас. Иначе тебе несдобровать!

Вот так мне дали понять, что я уже взрослая – как-никак, восьмиклассница! А дети с нашей улицы, в том числе мои сестры и братишки, смотрели на меня как на героиню.

Перед сном мама раскрыла мне секрет: оказывается, отцу позвонили из села Лацар и сообщили о нашем тайном путешествии. Он попросил, чтобы дядя Гайбат приглядел за нами. А дядя Изетуллах помнил не только о своем слове, данном нам, но и об обещании, данном моему отцу. Мне стало стыдно, что я заставила отца так беспокоиться.

Но радость мою ничто не могло омрачить: исполнилось мое самое заветное желание – я покорила Шахдаг! Я сделала то, что не каждому взрослому было по силам...

19. Цангу⁶⁷

Дом тети Селми славился в Кусарах. Дело в том, что тетя Селми, жившая довольно бедно, сумела возвести громадный дом в три этажа. Ее частенько спрашивали, зачем ей такие большие апартаменты с тремя комнатами на каждом этаже. Она, смеясь, отвечала:

– Один этаж – Махмуда, другой – Габиба, третий – наш с Уруджем.

Эта хрупкая, сероглазая женщина была остра на язык. Говорят, в молодости она была красавицей. Но мы знали тетю Селми уже старушкой. Ее одежда и разговоры соответствовали старой, сдавшей женщине. Никто не верил, что ей всего пятьдесят. Ее ровесницы в сравнении с ней выглядели чуть ли не молодыми невестами.

От ее платья несло хлевом и курятником. Она всегда была чем-то занята. Во дворе держала корову и буйволицу, а ее сад был полон кур, уток и гусей. Все, что могла, она относила на базар, сдавала там постоянным лавочникам и на вырученные деньги содержала семью. Голос у нее был звонкий, говорила она энергично и напористо. Муж ее, дядя Урудж, был тихим человеком и ничем не выделялся на фоне наших соседей. В отличие от жены, его почти никогда не видели на улице, он ни с кем не общался, трудился на стройке.

У них были дочь и двое сыновей. Дочь Бетура, старшая из детей, была уже замужем. Вторым ребенком был Махмуд, инвалид с рождения. Ноги его не держали, поэтому вырос он в

67. Цангу – блудница.

постели. Как рассказывали соседи, Селми, которая некогда сияла как солнышко и характером была огонь, в одночасье переменилась в тот день, когда узнала, что ее дитя никогда не сможет ходить. Переменилась и внешне, и характером, и делами. В свои двадцать лет она увяла, как осенний лист, надела длинное платье, покрылась платком.

Габиб, родившийся после Махмуда, был здоровым ребенком. Когда он подрос, то начал охотно помогать родителям в домашних делах. Но Махмуд, прикованный к постели, так и не научившийся ходить, говоривший косноязычно, остался для матери горем на всю жизнь. О своей неизбывной боли она никогда не упоминала. Никто не знал, что у нее на сердце – она всегда старалась казаться улыбчивой и разговорчивой. Никогда и никому не раскрывала свою душу, не рассказывала о своем горе, которое выворачивало ее наизнанку – молча несла крест судьбы.

Тетя Селми всегда что-нибудь волокла к себе во двор. Как будто Аллах ее создал для того, чтобы она вечно тащила на себе какой-то груз. Мы привыкли видеть, как она несет под мышкой какое-нибудь тряпье, доску или кусок железа. Тетя Селми утаскивала к себе домой даже кирпичи, брошенные кем-то. Она никогда не расставалась с заплечной сумкой, которую заполняла всем, что люди выбрасывали за ненадобностью, и с завидной легкостью переносила любую ношу на своей хрупкой спине. С наступлением темноты часто можно было видеть, как они с дядей Уруджем что-то перетаскивают вместе – свою привычку она передала и мужу.

– Селми, ну сколько можно таскать тяжести? Не жалко себя? Ты же совсем извелась! – сочувственно укоряли ее соседки.

– От работы еще никто не умер, – бодро отвечала она.

Провожая ее взглядом, женщины глубоко вздыхали:

– Скажешь ей: пили камни – пойдет бедняжка! Да она железо готова гнуть, лишь бы забыться. Не может смириться с

несчастьем своего ребенка. В работе только и находит спасение, иначе давно померла бы...

Да, ни для кого не было секретом, что Селми, изводя себя, сама себя наказывает. Никак не может простить себе искалеченную судьбу сына.

Иногда тетя Селми приходила к нам – помогала матери в саду и в огороде, прибирала в комнате-хлебопечке.

– Саимат, учительнице не подобает чистить хлев, курятник... Оставь это мне! – говорила она.

Ее появление в нашем доме неизменно становилось маленьким праздником. Рассказы тети Селми были всегда интересны, мы могли ее слушать бесконечно.

– Как ты, тетя Селми? – спрашивали мы.

– Как лисий хвост! – смеясь, отвечала она, словно не было на свете человека счастливее, беззаботнее нее.

Потом просила у мамы соленького:

– Саимат, пока не поем соленького, не приду в себя!

«Соленьким» она называла сырную сыворотку. Мама растилала скатерть, ставила перед тетей Селми брынзу, творог, сливки. Добавляя в сыворотку всего этого понемножку, тетя Селми с удовольствием ела с подогретым на печи хлебом. Еще она любила, чтобы обязательно был чеснок. От нее всегда разило чесноком. Когда мы фыркали от чесночного запаха в комнате, она говорила:

– Если вам не нравится чеснок, не ешьте. А моя сила в чесноке! Говорят, в старину не садились за стол без чеснока. Не поев чеснока, люди не могли трудиться под солнцем. И я такая же. Когда я не поем чеснока, я бываю без сил.

На наших глазах она уплетала порой по четыре-пять зубчиков чеснока.

А еще тетя Селми имела привычку прикарманивать все что ни попадя: когда мы отвлекались, она брала головку чеснока или конфеты со стола и незаметно запихивала в рукава своего

платья. Мы делали вид, что ничего не замечаем. Так нам наказала мать: что бы вы ни заметили за тетей Селми, не показывайте виду!

Однажды мы увидели, как она в комнате-хлебопечке пила топленое масло, налитое мамой в глиняную миску. Это была удивительная картина: подняв миску над головой, она пила масло, как воду. Когда мы удивленно уставились на нее, она засмеялась:

– Сбереженное здоровье – клад, дети мои!

Особенно охотно тетя Селми прибиралась в нашем курятнике, пока мама была в школе. Каждый раз, когда она направлялась к курятнику, мы тайком следовали за ней и, укрывшись в сторонке, подсматривали за тем, что она там делает. Прежде всего она брала из гнезда два яйца, разбивала их и выпивала. Затем прятала несколько яиц в кустах. И только после этого принималась чистить курятник. Уходя, она забирала припрятанные яйца и засовывала их за пазуху между несколькими напаянными на нее одеяниями. Закончив свои дела, она заходила в дом, чтобы со всеми попрощаться.

Когда мы рассказывали маме об увиденном, она сердилась на нас:

– Что вы хотите от женщины, обиженной Аллахом? Не трогайте ее, грешно это!

Но как бы ни увещевала нас мама, мы все равно поступали по-своему. Нам нравилось подшучивать над тетей Селми.

– Тетя Селми, когда ты купалась в последний раз? – спрашивала я.

– Да кто ж помнит, да благословит тебя Аллах! Кажется, еще до наступления зимы, – преспокойно, с улыбкой отвечала она.

– А когда в следующий раз искупаешься?

– Да пусть потеплеет. Если искупаюсь сейчас, могу ведь и простыть.

От ее ответов мы хохотали до упаду.

Однажды я подшутила над ней. И вот как это было. По

наущению ТатИи я переложила в другое место яйца, которые тетя Селми припрятала в кустах, а сама забралась на тутовое дерево, откуда удобно было наблюдать за ней. Закончив работу, она безуспешно прочесала кусты и, ничего не найдя, призадумалась. Опять искала, все же нашла яйца под кустом шиповника и, обрадовавшись, спрятала их за пазуху.

Уходя, она наткнулась на ТатИи, «случайно» оказавшегося у нас. Он, якобы обрадовавшись такой встрече, с размаху обнял ее. В объятиях высокорослого, плечистого ТатИи тетя Селми казалась маленьким ребенком. Затрепыхавшись в его руках, она возопила:

– Отпусти меня, осленок, сейчас же отпусти! Убери свои лапы!

Но ТатИи, приподняв старушку, продолжал прижимать ее к себе.

– Осел с глазами осла! Что ты от меня хочешь? – вопила она.

– Селми хала⁶⁸, как я рад тебя видеть! – ТатИи вошел в кураж.

Когда он наконец отпустил ее, на груди у обоих выступили пятна от раздавленных яиц. На наш хохот выглянула мама, с улицы прибежали ребята, которые тоже покатались со смеху. Только тете Селми было не до смеха – она не могла вымолвить ни слова. По правде говоря, мы и не думали, что старушка так расстроится. С обидой в глазах она молча ушла. А нам за эту выходку здорово влетело от мамы.

Однако мы все равно не упускали случая подшутить над тетей Селми. А она, разобиженная, всячески старалась избегать встреч с нами. Но куда же денешься от нежеланных встреч в маленьком городке? В последнее время на наш обычный при встрече вопрос: «Как ты, тетя Селми?» – она сердито отвечала:

– Как запутанный моток! Какой я могу быть там, где бываете вы?

Это была сушая правда: запутать моток – это мы хорошо умели...

68. Хала – сестра матери.

Младшему сыну тети Селми Габибу исполнилось двадцать лет, когда они достроили третий этаж дома. Крышу покрыли шифером, поставили окна и двери, сделали пол из досок. Снаружи стены обмазали белой известкой, комнаты изнутри оштукатурили. Полы застелили коврами, купили и расставили все необходимое.

Вот так семья готовилась к свадьбе. Радость окрыляла тетю Селми. Она, несшая на себе весь груз забот по дому, мечтала о невестке-помощнице, которая поддерживала бы в нем порядок и чистоту.

Наконец сыграли свадьбу. Женой Габиба стала девушка по имени Суна из соседнего села.

С того времени и началась череда черных дней для этой семьи. Мир и лад в ней, живущей подобно пчелиному улью, распался на глазах у всех. Тетя Селми, которая надеялась на облегчение своей ноши, с первого же дня, как в дом вошла невестка, поняла, что обманулась в своих надеждах. Суна оказалась непохожей на тех невесток, каких мы знали. Ленивая, она только и знала, что наряжаться. Габиб, очарованный ее красотой, не замечал недостатков своей жены. Он не мог допустить и мысли, что его жена может быть непочтительной по отношению к свекру со свекровью и золовке.

Когда через неделю после свадьбы свекровь попросила невестку постирать одежду Махмуда, та ей при всех дерзко ответила:

— Я пришла в этот дом, чтобы быть невесткой, а не сиделкой для калеки!

Пораженные ее словами, никто ничего не сказал, а Габиб, опустив голову, вышел из комнаты.

Суна поступала так, как ей заблагорассудится. Махмуда, требующего за собой постоянного присмотра, она просто не замечала. С прочими домочадцами не ладила. Она была сама по себе: первой шла к столу обедать, в своей комнате чистоту

наводила, а больше ни к чему в большом доме не прикасалась. С Габибом она была ласкова, и он, в свою очередь, души в ней не чаял.

Прошло несколько месяцев. И вот Суна переселила свекра и свекровь с их сыном-калекой со второго этажа на первый, сказав при этом: «Махмуду наверху трудновато приходится, к тому же ему почаще надо бывать на свежем воздухе».

Свекровь попробовала было воспротивиться:

– Милая, в нижней комнате сыро, Махмуд может заболеть.

Невестка не послушалась, сделала по-своему, а весь второй этаж превратила в гостиную.

Прошло три года. Не знаю, что произошло между Габибом и его женой, но он охладел к дому. По слухам, доходившим до нас, он пристрастился к спиртному. Еще поговаривали, что Суна уходит из дома и неизвестно где пропадает по несколько дней.

Как известно, беда не приходит одна. Семью угнетало еще и неблагоприятное замужество дочери Бетуры, живущей в соседнем районе. Муж не давал ей житья только за то, что она родила ему не сына, а трех дочерей. И вот однажды она со своими детьми вернулась в отцовский дом. Но через несколько дней невестка указала ей на дверь, сказав:

– У меня здесь не гостиница!

Тетя Селми, со слезами на глазах, стала искать приют для Бетуры и нашла жилье за речкой. Это был дом одинокой старушки, в котором и поселилась ее дочь с детьми.

О невестке тети Селми заговорили по всей округе. Одни верили, другие считали, что кто-то по злобе распространяет слухи. Но как-то раз мы с ребятами, возвращаясь в сумерках из леса, увидели в дубовых зарослях Суну в объятиях незнакомого нам мужчины. Мы остолбенели, не веря своим глазам. Так мы убедились, что слухи о невестке тети Селми небеспочвенны, и поняли, почему кусарцы дали ей прозвище Цангу, то есть «блудница».

Через четыре года после того, как Суна пришла в их дом, двадцатипятилетний Махмуд умер в день своего рождения. Три дня он пролежал в жару – и истаял, как свеча. Говорили, что тетя Селми не проронила ни слезинки. Плакать она уже не могла. Надломленная горем, она несколько дней не выходила из дому.

Однажды в Кусарах разнесся слух:

– Селми упало на голову бревно!

Все, кто услышал эту новость, поспешили навестить несчастную женщину. Пошла к ней и моя мама, взяв с собой меня. Постель, на которой прежде лежал Махмуд, теперь занимала его мать. Напившийся до беспамятства Габиб лежал на полу у ее ног. С верхнего этажа доносился шум: говорила невестка, смеялись какие-то люди.

– Что с тобой случилось, Селми? – с жалостью спросила у нее мама.

– Бревно, брошенное мною, в меня же и попало, Саимат, – ответила женщина.

Больше она ничего не добавила. Глядя на окровавленный платок, которым была перевязана ее голова, мама тоже замолчала, поджав губы.

В городе говорили разное, судили да рядили. Были и те, кто открыто заявляли Селми:

– Послушай, сестрица: Суна – невестка не для твоего дома, прогони ее.

– Была бы моя воля, сию же минуту выгнала бы, но Габиб не соглашается. Говорит, что жить не может без нее, – горестно отвечала она.

Прошло несколько дней. Как-то вечером ТатИи и МутI позвали меня на холм КьенчIеб. ШинцI тоже был там. У ТатИи голос дрожал от возмущения – я ни разу не видела его таким разозленным. Он сказал:

– Цангу позорит нас всех. Несколько дней подряд мы с МутIом наблюдали за их домом с черешневого дерева: каждую

ночь к ней заявляются ухажеры! Сообщить милиционеру или прокурору – нет смысла. Им до Цангу нет дела, потому что они тоже ходят к ней. Мы должны сами проучить ее.

– Но как? – с удивлением спросила я.

– Смотрите, если об этом узнают, нам конец! Обещаете молчать?

– Обещаем! – хором ответили мы.

Цангу многие не любили. Мы же, дети, ненавидели ее особенно сильно. Ведь она у всех на глазах выживала тетю Селми из собственного дома! Вот почему мы без колебаний согласились с предложением ТатГи.

ТатГи подробно изложил нам свой план действий. Потом подчеркнул:

– Это надо сделать после полуночи – после того, как уйдет ее хахаль.

– А не узнают тетя Селми и дядя Урудж? – спросила я.

– Они в последнее время живут с Бетурой, за речкой. А Габиба, чтобы он под ногами не путался, ее хахали каждую ночь спаивают до бесчувствия.

Помедлив, ТатГи спросил:

– Ну что, проучим Цангу?

И мы, конечно же, вновь ответили в один голос:

– Проучим!

Еще раз все обсудив и договорившись встретиться в три часа ночи в саду тети Селми, мы разошлись по домам. Уткнувшись головой в подушку, чтобы никто ничего не заподозрил, я сделала вид, что сплю, но сна и в помине не было. Я лежала, прислушиваясь к громкому стуку своего сердца.

Уже пора! Я тихонько вылезла из постели, через окно спустилась в сад, перемахнула через ограду и направилась к дому тети Селми. Трехэтажный дом на Интернатской улице, отличавшийся от остальных домов на бугре, стоял в окружении яблоневого сада. Когда-то на этой пустоши, которая никому не была

нужна, тетя Селми разбила роскошный сад – всем кусарцам на загляденье!

В дальнем конце сада, в зарослях ежевики, ТатИ с мальчиками заранее проделали лаз и укрыли его ветками. Откинув ветки, я легко пробралась в сад. Страх прошел, когда я увидела под развесистой черешней поджидавших меня МутI с ШинцIем. МутI, приложив палец к губам, указал мне на макушку дерева. ТатИ, сидя на высокой ветке, наблюдал за окном второго этажа. Из открытого окна доносились голоса, вызывающие у нас обращение. Больше всего раздражал смех Суны.

Прошел, наверное, целый час, прежде чем громко хлопнула калитка в воротах. ТатИ быстро слез с дерева. Мы, тут же подтащив лежавшую рядом длинную лестницу, приставили ее к окну и следом за ТатИ поднялись по ней. Когда мы оказались в комнате, ТатИ быстро закрыл за нами окно.

От запаха перегара ударял в нос, нас чуть не стошнило. По указанию ТатИ мы спрятались за дверной занавеской. Со страху у меня перехватывало дыхание, сердце так колотилось, что казалось, не устою на ногах.

Минуты тянулись бесконечно. Но вот раздались шаги на веранде. В комнату вошла Цангу. Прикрыв за собой дверь, она подошла к тахте у стены. Разостлала постель. И только она хотела потушить свет, как ТатИ, накинувшись сзади, зажал ей рот платком. МутI с ШинцIем, тоже набросившись на нее, схватили ее за руки и ноги.

Цангу, с лицом, раскрасневшимся от спиртного, почему-то не пыталась кричать – возможно, она даже не испугалась. По знаку ребят я дрожащими руками стала связывать ей ноги. То же самое делал МутI с ее руками. Все было проделано поразительно быстро. Цангу взглядом подала нам знак, что хочет что-то сказать. ТатИ убрал платок, которым зажимал ей рот. И Цангу с шальной улыбкой сказала:

– Зачем связывать руки и ноги? Разве вы что-то приказали, а я не сделала?

ТатИи неожиданно так сильно ударил ее по правой щеке, что мы вздрогнули. Наверное, Цангу ожидала чего угодно, но только не этого.

– Скоты! – взвыла она.

ТатИи толкнул ее так, что она шлепнулась на тахту.

– Слушай сюда, Цангу! Что бы мы ни делали, ты будешь молчать. Твой голос нас бесит. Хотя, даже если будешь кричать, тебя никто не услышит. А если и услышат, никто не прибежит к тебе на помощь. Потому что ты всем уже как кость в горле.

После этого он вручил мне ножницы:

– Ты сумеешь лучше всех. Подстриги эту бесстыжую!

Русые волосы Цангу свисали с плеч. Как же они были красивы! Они выглядели так роскошно, что жалко было их срезать. Я почувствовала, что у меня задрожала рука.

– Ты чего как неживая? – закричал на меня ТатИи.

Он вынул ножницы из моих дрожащих рук и передал ПинЦю. Казалось, что для ПинЦя это было самым желанным занятием – он в мгновение ока отрезал прядь ее волос. Когда я это увидела, у меня потемнело в глазах. Но злость ТатИи все никак не проходила. Он вырвал у ПинЦя ножницы и сам довершил дело. Цангу безмолвствовала, а может, и не осознавала, что происходит.

– Вы не закончили? Я хочу спать, – вдруг сказала она.

– Поспишь, если сумеешь увидеть собственные уши! – зло радно вскричал ТатИи. – Послушай теперь, Цангу: мы отправляем тебя туда, откуда ты пришла. Ты забудешь дорогу к этому дому. Здесь для тебя больше нет места. Если ты кому-нибудь сообщишь о том, что с тобой случилось, тебе конец. Мы из-под земли тебя достанем и прикончим! Ты слышишь?

Она не отвечала.

– Ты меня слышишь, окаянная? – страшным голосом закричал ТатИи.

– Слышу... Оставьте меня в покое! – выдавила из себя Цангу. Наверное, ее опьянение еще не прошло.

– Тогда сейчас мы все выйдем отсюда. Проводим тебя в твой проклятый отцовский дом.

Ребята потащили Цангу к дверям и спустили ее по лестнице. Под грушевым деревом в саду стоял привязанный осел. Я сразу узнала в нем белого осла Келле-бубы. «Что же наобещали мальчики Келле-бубе? – подумала я. – Разве он одолжит осла бесплатно? А может, он где-то прячется, чтобы забрать его, когда все закончится?»

Ребята взвалили Цангу на осла и вывели за ворота. И вот мы пустились в путь. Впереди – Цангу, восседающая на осле, следом – ТатИи, МутI, ПинцI и, наконец, я, с трудом передвигающая ноги. Когда дошли до холма КьенчIеб, ТатИи развязал Цангу руки и ноги. Она странно молчала – не плакала и не кричала... Только жалость вызывала безмерную. Поразительно, но Цангу была красива даже с остриженными волосами. Отсвет утренней зари падал на ее лицо и серые глаза, выражавшие непонятную задумчивость.

– Гьешт!⁶⁹ – ТатИи хлестнул осла прутом.

Осел тронулся с места и, тяжело переставляя копыта, направился в сторону леса. Мы долго провожали его взглядом. Когда осел дошел до леса, мне показалось, что там промелькнул чей-то силуэт. Кажется, это был Келле-буба. Мальчики собрались идти обратно, но я не могла двинуться с места – ноги словно приросли к земле.

– КIампIул, ты чего не идешь? – МутI оглянулся на меня.

Я не могла идти. Мое сердце разрывалось от жалости к Цангу. Мне было до боли обидно за нее. Как объяснить все это ТатИи?

– Эй, что с тобой? – ТатИи подошел и встряхнул меня за плечи.

69. Гьешт – звук для понукания скотины.

— Оставьте меня! Вы дикари, ненавижу вас! Больше не попа-
дайтесь мне на глаза! — закричала я и громко разрыдалась.

Ребята растерянно смотрели на меня, не зная, как успо-
коить. Но я была сильно обижена на них.

— Значит, жалеешь Цангу? А ты забыла, до чего она довела
тетю Селми? А то, что эта блудница опозорила всех кусарцев? —
Татги, со злостью размахивая руками, что-то еще говорил. Но
я уже не слышала его. Только видела, как двигаются его губы,
что-то сердито выговаривая.

Я хотела как можно скорее дойти до дома и заснуть, чтобы
забыть обо всем происшедшем.

До дома я добралась с трудом. Ничком упав на кровать, за-
былась тяжелым сном. Потом мне сказали, что во сне я без
конца кричала. Неделью я пролежала с высокой температурой.
Встав на ноги после болезни, я услышала, что Цангу вер-
нулась в отцовский дом в соседнее село. А еще — что Татги,
Мутга и Шинца в районном отделении милиции допрашивали
каждый день. Весть о том, что они отправили Цангу в роди-
тельский дом на осле, молниеносно распространилась по всему
городу. О ребятах говорили с уважением. Никто из них нигде не
упомянул моего имени.

Цангу больше никто не видел. Поговаривали, что она уеха-
ла куда-то далеко. После того случая тетя Селми и дядя Урудж
забрали к себе Бетуру с детьми. Габиб бросил пить в знак
признательности к сестре за заботу о нем. Он стал прежним тру-
долюбивым парнем. Потом тетя Селми женила его на молодой
соседской вдове, у которой муж погиб в аварии. Она родила Га-
бибу четверых детей. В доме тети Селми вновь воцарился мир.

20. *МахитI*

Дом МахитI находился на той же улице, что и дом моей бабушки. Отец ее был агрономом в совхозе, а мать работала на почте. В семье, где росли семеро детей, забота о них с малых лет лежала на МахитI, как на самой старшей. Потому она и повзрослела так рано. В те дни, когда мать работала, она выгоняла корову в стадо, прибиралась в доме, приглядывала за сестренками и братишками, а вечером доила корову, вернувшуюся с пастбища. А день, когда мама бывала дома, превращался для МахитI в праздник. Тогда она с утра и до самого вечера носилась вместе с нами. Мы могли играть допоздна.

Высокая, как тополек, белокожая, с красивыми черными глазами, МахитI была мастерицей слов. Ее уста без конца перемалывали слова. Сколько она знала анекдотов! И откуда только все это бралось?! Когда МахитI начинала сыпать своими шутками-прибаутками, у нас от смеха не смыкались губы. Особенно она любила скороговорки. Странно, что МахитI, с ее подвешенным языком, не любила учиться. В школу она ходила неохотно и как-то даже осталась на второй год.

В сентябре, вернувшись в школу после каникул, мы, девочки из седьмого класса, увидели МахитI сидящей за последней партой в нашем классе. И поняли, что она осталась на второй год. Мы безумно обрадовались, потому что МахитI во всем была для нас советчицей, какую еще поискать. Это словно было ее призванием – объяснять девочкам-подросткам некоторые понятия о жизни, то, о чем нельзя было спрашивать у мамы, у старшей сестры. К ней можно было обращаться без всякого стеснения.

А вопросов у нас возникало – не счесть, и МахитІ терпеливо отвечала на каждый из них.

Возвращаясь домой после уроков, мы спорили за право идти рядом с МахитІ. Каждое ее слово для нас было ценным. Но, насколько мы, девочки, ее любили, настолько же мальчики нашего класса ее ненавидели. Они постоянно искали повод обидеть ее, хотя гордая МахитІ старалась не обращать на них внимания. Мысли и рассуждения у нее были как у взрослой девушки. Мальчиков нашего класса она считала детьми, и поэтому они терпеть ее не могли.

Как-то раз мы с ШапІ пришли домой к МахитІ. Увидев нас, она, опустив длинные ресницы, сказала:

– Повторите-ка: «Мискид тарцел мух мус михьна мус шешелра кутада, я лам»⁷⁰!

Мы попробовали повторить эту скороговорку, но ни у кого из нас не получилось так ловко, как у нее.

Увидев это, она еще быстрее повторила скороговорку, чем вызвала у нас неудержимый смех. По правде говоря, нас расшемила не столько скороговорка, сколько необычный вид самой МахитІ: она была одета в большое мамино платье, волосы собраны в «бабетту», а талия затянута широким поясом. Под тонкой тканью вырисовывалась грудь. Прохаживаясь то в одну, то в другую сторону, она подшучивала над нами, краем глаза поглядывая в зеркало. Что-то изменилось в МахитІ. Мы стеснялись смотреть на ее выпяченную грудь.

– Что с тобой произошло, подруга? – наконец спросила я.

– Что произошло? «Къве къуэзуь къиф къантІардин къилел къил-къиле къуна къведни къена»⁷¹, – по-своему, не сомкнув губ, скороговоркой ответила МахитІ.

70. Скороговорка: «Эй, осел, когда очистишь ячмень и насыплешь его в мешки?»

71. Скороговорка: «Две старые мыши на бугре стукнулись лбами и обе померли».

Она продолжала прохаживаться перед нами. Наконец ШапІ упрекнула ее:

– Вместо того, чтобы угостить друзей чаем, ты форсишь перед нами!

МахитІ засмеялась:

– Кьил яру кекІре кьил хьипи кІекІрен кьилиз кІуф гана!⁷²

Все же слова с ее языка слетали по-особенному мило. Как всегда, оставаясь невозмутимой, она смешила нас. Потом МахитІ принесла нам чаю с домашним сахаром, приготовленным на молоке с орехами и под села к нам:

– Ешьте досыта, чтоб вам не умереть!

Никто не умел готовить такой вкусный домашний сахар, как МахитІ. Мы выпили по стакану чая, опустошили всю сахарницу и наслаждались, слушая МахитІ. Она говорила на свой манер – делая слова «сладкими», растягивая их окончания:

– Ну, девочки, о ком поведать вам? А расскажу-ка я вам о моих дедушке с бабушкой. Ну, вы знаете, они живут в селе Кичан, в семье моего старшего дяди. Два дня назад я ездила в село. Мой дедушка несдержан на язык – с самого рассвета и до наступления ночи только и делает, что говорит, давая волю бранным словам. Домашние побаиваются его и стараются услужить во всем. Особенно бабушка. Над ней, бедняжкой, старик как только не измывается! Она же остается безмолвной, вызывая у всех жалость. Дедушка – богатырского телосложения, и голос у него грубый, а бабушка – маленькая, покорная женщина. И вот что произошло... Когда я проснулась в полночь, то случайно услышала тихий разговор дедушки с бабушкой. Их комната находится через стену от комнаты, где я спала вместе с детьми дяди. Я поднялась и приоткрыла их дверь. В щель их голоса доносились яснее. Дедушка ласково говорил:

72. Скороговорка: «Красноголовый петух клонул желтоголового петуха в голову».

– Послушай, Сенем, не вставай, отдыхай себе – вижу, что ты устала. Я тебе сейчас чаю налью.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела такое, отчего просто остолбенела. Бабушка лежала у печи, завернувшись в кавал⁷³, а дедушка наливал чай из чайника. Потом сел рядом с ней, взял ее руку и нежно погладил.

Мы слушали, затаив дыхание, что и воодушевляло МахитІ.

– И что же я вскоре увидела? Бабушка утонула в объятиях дедушки. Мне казалось, что слились вместе тигр и котенок. Слышали бы вы, какие слова говорил старик своей старушке! А когда утром дедушка, как обычно, стал бранить ее, я не могла удержаться от смеха. Я поняла, что никто в этой большой семье не обижается на его слова.

Ну и посмеялись же мы вдоволь над услышанным!

Вскоре мы вышли от МахитІ и направились на свою улицу. ШапІ, игриво стрельнув глазами, спросила:

– Ты видела, как кипела МахитІ?

– А что такое? – не понимая, спросила я.

– Не строй из себя ангела! – разозлилась ШапІ.

– Валлах, ничего не заметила! – побожилась я.

ШапІ, поверив, ущипнула меня за бок:

– Как ты не заметила? МахитІ, чтоб ей не умереть, сделала себе груди из ваты!

Я вспомнила, как выглядела МахитІ, и меня разобрал смех:

– Чтоб тебе не умереть, ШапІ, а как ты догадалась? Если бы ты не сказала, я бы ни за что не поняла.

– Люди давно проснулись, подруга, а ты все еще спишь! – ШапІ поджала губы. – МахитІ давно уже...

Я промолчала и впервые поняла, что я и многие другие

73. Кавал – овчинный тулуп с длинными рукавами..

девочки из нашего класса не хотим осознавать, что уже взрослые. Мы носили широкие платья, кисли по поводу того, что растем, старались всячески скрывать это от всего мира. С переходом из класса в класс у нас прибавлялись и вопросы по взрослению. Но это не относилось к МахитІ – у нее все было по-другому. Она никого не стыдилась, не желала скрывать свою красоту. Наверное, в отличие от нас, она хотела поскорее вырасти.

О набитой ватой груди МахитІ на следующий день заговорила вся школа. Удивительно, как дошел до ребят наш разговор с ШапІ. Вне всякого сомнения, тут постаралась сама ШапІ – большая любительница посплетничать. Девочки, указывая на МахитІ, шептались меж собой. Но как узнали об этом мальчики? Кто оповестил их? Встречаясь с МахитІ, они отворачивались, говорили о ней неподобающе. Могли даже освистать ее. Однако МахитІ не воспринимала их всерьез, вела себя спокойно и уверенно.

Распространившийся слух только начал было стихать, как разнесся другой. Стоял конец сентября. Когда нам сообщили о том, что последние два урока отменяются, мы договорились всем классом устроить прогулку в лес, за реку. И дружно отправились к реке Шахнабат. Спрятав портфели в зарослях облепихи на берегу, спустились к руслу реки и перешли ее вброд. Перебравшись на другой берег реки, мы вскоре оказались под сенью леса. Здесь мы предались беззаботной радости – наши звонкие голоса разносились далеко вокруг. Напившись ледяной воды из родника Карабулах, любимого всеми кусарцами, мальчики полезли на скалы, чтобы оттуда добраться до древнего поселения Каяхюр. Девочки же собрались вокруг МахитІ, которая увлеченно рассказывала:

– В деревне, по соседству с нами, живут Сефибег и Мислимат – муж с женой. Как-то они собрались на свадьбу в село Укур. Приоделись, как подобает, и вышли из дома. Дошли до реки Укурчай и вдруг видят – а моста-то нет, унесло его селем!

Муж решил перейти реку вброд, но жена расшумелась:

– Мне страшно! Я боюсь войти в реку, я лучше вернусь домой!

Муж стал ее уговаривать:

– Давай уж как-нибудь перейдем реку, ведь столько пол дороги уже прошли, обидно возвращаться назад!

– Нет, я боюсь! – настаивала на своем жена.

Что оставалось делать мужу? Он сказал:

– Смотри, Мислимат, я перенесу тебя через реку на спине, но чтоб никто об этом не узнал!

– Ой, Сефибег, разве про такое расскажешь другим? – успокоила жена мужа.

На следующий день Мислимат рассказывала каждому встречному-поперечному:

– Река вздулась! Вы ее точно не перейдете. Меня на ту сторону Сефибег на спине перенес...

Мы были готовы смеяться по любому поводу. Настроение у всех было отменное! Неизвестно, сколько времени мы так гуляли, собирая цветы и наслаждаясь прохладой в тени деревьев, как вдруг перед нами предстала прекрасная картина – ослепительно белый водопад, падающий с большой высоты. Вырываясь из-под деревьев, вода шумно срывалась вниз по зеленой круче. Утомленные зноем, мы прямо в одежде, со смехом и криками, залезли под водопад. Промокнув до нитки, мы играли, позабыв обо всем на свете.

– Чтоб вам не умереть, вы посинели, как мушмула! Простынете, выходите из воды! – кричала нам ШапI, сидя в сторонке. Ее одежда оставалась сухой. Как старушка, сидящая у печи, она выговаривала нам: – Смотрите, чтоб дома вас скалками не побили!

Но мы ее не слушали – никак не могли оторваться от водопада. ШапI закричала уже настойчивее:

– Да вы что, рехнулись? А ну-ка, быстро выходите из воды!

Наконец мы опомнились: выйдя из-под водопада, стали отжимать косы и одежду на себе. Хоть мы и были ровесницами, однако стеснялись друг друга и не решались раздеться. Так, мокрые, и уселись на траву.

– Ой, бесстыжая!

Напуганные криком ШапI, мы все повернулись в ту сторону, куда смотрела она. Прошли долгие годы, но каждый раз, когда вспоминаю тот случай, у меня на глаза наворачиваются слезы. МахитI, обнаженная, молочно-белая, с распущенными длинными черными волосами, купалась под водопадом. Она в точности походила на русалку. Нет же, не казалась – в те минуты она и была ею! Никак иначе о ней, невиданно красивой, невозможно было сказать. Она купалась, позабыв про нас и про весь белый свет и, наверное, была счастлива в эти минуты. Голос у нее был красивый – она всегда пела на школьных праздниках. Вот и сейчас она самозабвенно распевала:

*Къац-къацуда, къац-къацуда,
Къацавай руш вуч лацуда.
КIвалер-малар гана кIанда,
А лацу руш гъана кIанда*⁷⁴.

Мы словно онемели – никто не мог вымолвить ни слова. В глазах у девочек вспыхнули искры зависти, а у ХацI, диву дававшейся, невольно раскрылся рот, отчего меня охватил смех. Мы смотрели на МахитI, стесняясь и удивляясь, но в то же время восхищаясь ее смелостью и непринужденностью. Она, должно быть, совсем забыла о нас. Повернувшись к нам спиной и

74. Зелена нива, зелена нива,
На зеленой ниве девушка бела.
И дом продам, и подворье,
И женюсь на девушке, что бела...

высоко воздев руки, она игралась с водой. Когда она повернулась к нам, все замерли. Даже ШапI, вечно поучающая нас, как старушка, не нашлась, что сказать – только хмуро смотрела на МахитI. Нам впервые довелось видеть обнаженное тело уже взрослой девушки, и мы буквально глаз не могли отвести.

Неожиданно произошло то, чего мы не могли предвидеть. Из-за деревьев вышел ТпатI, а с ним – два его одноклассника. Увидев их, мы вскрикнули, потом замерли в ожидании чего-то. Мы смотрели на МахитI, которая не могла выйти из воды: ее платье лежало на траве, в пяти-шести шагах от нее. Мы дрожали от страха: чем все это закончится?

ТпатI был сам на себя не похож – у него дрожали губы, он не сводил с МахитI разгневанных глаз. Вдруг у него вырвалось: – Ах ты, блудница!

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба...

Выпалив это, ТпатI развернулся и рванул в том направлении, откуда появился. Его одноклассники последовали за ним. Мы готовы были расплакаться: нам показалось, что ТпатI обозвал не только МахитI, но и всех нас.

МахитI наконец-то вышла из воды и оделась. Потом отжала свои длинные волосы. Как она была красива! Нельзя было отвести от нее глаз. Ни у кого из нас не было таких густых, гладких волос! Мокрое платье облепило ее красивое, словно нарисованное, тело, длинные ноги, тонкую талию, два холмика на груди... От прежней нашей радости не осталось и следа. Мы были взволнованы и оскорблены словом «блудница», брошенным ТпатI. В глубине души мы думали, что ТпатI был прав, обозвав МахитI блудницей. В нас вскипала злоба от того, что она обнажилась – из-за этого теперь и нас ждет головная боль.

Несмотря на то, что внешне МахитI выглядела спокойной, свет в ее глазах потух – она мгновенно переменялась,

сникла. Я впервые видела ее такой, хотела сказать что-нибудь подбадривающее, но не нашла подходящих слов.

ТатИи и до этого пренебрежительно относился к МахитИ за то, что она, его одноклассница – второгодница. При каждом удобном случае он говорил ей гадости, унижал ее. Нас удивляло, что МахитИ, обычно никому и никогда не спускавшая обид и оскорблений, нападки ТатИи почему-то оставляла без внимания.

Да, радость того дня куда-то улетучилась. В школе произошло невероятное: мальчики нашего класса, сговорившись, перестали общаться с нами, девочками. Мы так и не узнали, ТатИи ли это подстроил или двое его одноклассников, которые тогда были с ним. Противостояние мальчиков с нами продолжалось чуть ли не полгода. В конце концов подключились учителя и родители, которые не без труда помирили нас. Но и после этого холодок в отношениях между мальчиками и девочками нашего класса сохранился.

Для МахитИ же мальчики придумали другое наказание: когда она шла из школы домой, ей вслед говорили омерзительные слова. МахитИ изменилась на глазах: упитанная, краснощекая девушка так похудела, что об этом стали говорить даже учителя. Хотя красота ее от этого не поблекла, но сама МахитИ как-то угасла. Прежде вечно щебечущая, как ласточка, теперь она стала молчаливой, отдалилась от всех. Со мной тоже она уже не поддерживала прежних дружеских отношений.

На следующий год, когда мы перешли в восьмой класс, МахитИ не вернулась в школу. Она не поддавалась на уговоры ни отца с матерью, ни учителей, ни одноклассниц. Заявила, что учеба ей не дается и что в школу ходить не будет. Она и из дома-то стала выходить редко.

В конце апреля всех потрясла новость: ожидается свадьба МахитИ! Город забурлил разговорами о том, что семнадцатилетняя МахитИ выходит замуж за парня, который на десять лет

старше ее. Обеспокоенные учителя пошли к ним домой, но мать девушки их успокоила:

– Мы же не насильно выдаем дочь замуж! Она полюбила, и мы согласились. Не верите – спросите у нее самой.

– Но ведь она несовершеннолетняя! Их не регистрируют, – привели веский довод учителя.

На маму МахитІ это не подействовало:

– Подумаешь, какая-то бумажка! Не сейчас, так через год регистрируют.

Наш классный руководитель, учитель Зикруллах, сказал МахитІ:

– Дочка, еще не поздно: если тебя принуждают выходить замуж, скажи нам.

– Меня никто не заставляет, учитель Зикруллах! Я выхожу замуж по собственной воле. Ведь каждый человек имеет право на счастье. – Услышав такой ответ, учителя молча ушли.

В день свадьбы МахитІ мы, все девочки, пошли попрощаться с ней. Мы не знали, как себя вести, были растеряны и опечалены. Ведь ни в школе, ни на нашей улице мы никого не любили так сильно, как МахитІ!

Глаза всех были устремлены на невесту – нашу любимую МахитІ. В свадебном наряде она была так красива! Она походила на еще не распутившийся бутон белой розы, нежнейшие лепестки которой оставались полузакрытыми. Мама, отец, дяди, тети, входя по очереди, благословляли ее. Удивляло то, что МахитІ не плакала. Зато женщины, находившиеся в комнате невесты, пошмыгивали носами и не могли сдержать слез. Ракуят, тетя МахитІ, с состраданием проговорила:

– Ребенок совсем, а замуж выходит. За кого выходит? Почему выходит?..

Я стояла рядом с МахитІ и не особенно ясно осознавала, что

тут происходит. Но слушая напутственные слова и восклицания, я тоже не выдержала:

– И что это за наказание ты придумала для нас? Что это ты делаешь? Скажи же, Махит! – я дернула ее за руку.

– Не называй меня больше Махит. Теперь я Магият, – улыбнулась она. И улыбка ее была сквозь слезы.

– Скажи мне, почему ты так поступила? – не отставала я.

– Уйди отсюда, Кямпул, смотри, не заставляй меня плакать! Слышишь, оставь меня! – сердито сказала она.

– Вот ты какой, оказывается, друг! – я никак не могла смириться с тем, что она выходит замуж. Мне это казалось предательством.

– Из-за того, что мы друзья, я не должна выходить замуж? – пошутила она по-своему.

Когда на улице раздалась музыка, сопровождающая проводы невесты, по ее щеке скатилась слезинка. В комнату вошел жених. Это был статный парень, красивый, похожий на киноактера: в черном костюме, в белоснежной рубашке, при галстукке. При его появлении все замолчали. Красота жениха немного развеяла одолевшую меня тоску. Как рассказывали родственницы Магият, парень прошлым летом увидел ее на деме и влюбился с первого взгляда. В Баку он занимал хорошую должность. Магият ожидал состоятельный дом.

Жених смотрел на невесту восторженными глазами, полными любви, что сразу было заметно. Он взял ее за руку. Я спустилась по лестнице следом за ними и вдруг, позади людей, столпившихся у ворот, увидела Пати, смотревшего в нашу сторону. Что удивительно, и глаза Махит, которые одновременно плакали и улыбались, были устремлены на него.

Вскоре свадебный кортеж, посигналив напоследок, уехал. Толпа стала расходиться. Последней ушла я – с тяжелым сердцем, окаменевшая и опустошенная.

Дома я не находила себе места, все валялось из рук. Мне казалось, что я потеряла половину своего сердца. Жизнь словно утратила все краски. Сама того не осознавая, я была крепко привязана к МахитІ, с ее добрым характером и ласковыми речами. МахитІ, простодушная и щедрая, была моей первой учительницей: она учила меня тому, как и что надо знать в различных житейских ситуациях, давала добрые советы, могла прийти на помощь.

В сумерки, не находя себе места, я отправилась на холм КъенчІеб – наше излюбленное место. Прислонившись к полуобвалившейся стене, я сидела на холодной земле. Чувствовала себя осиротевшей, готова была расплакаться, но глаза мои, устремленные вдаль, оставались сухими.

Вдруг мне послышалось, что за стеной кто-то плачет. Сначала я подумала, что мне показалось. Прислушалась: нет, совсем близко действительно раздавались горькие рыдания.

Я встала и пошла туда. И не поверила своим глазам: там, лежа ничком на зеленой траве, плакал ТІатІи. Когда он перевернулся на спину, его глаза встретились с моими, округлившимися от удивления. Он ничего не сказал. Я тоже не находила нужных слов. Все же он заговорил первым:

– Что мы теперь будем делать, КІампІул?

Эти слова, произнесенные с непередаваемой горечью, пронзили мое сердце. Теперь уже и я не могла сдержаться. Из глаз моих потоком полились слезы.

Эпиграф

После выпускных экзаменов я собрала одноклассниц и поделилась с ними своим заветным желанием: разве мы не можем, как настоящие лезгинские девушки, нарядившись, накинув на головы буюшме⁷⁵, пройтись по улицам Кусаров? Как бы обрадовались этому все взрослые!

Не было сомнений в том, что, увидев нас в буюшме накануне выпускного вечера, который должен был состояться завтра в школе, кусарцы обрадуются. Моя мысль всем понравилась, и девочки, согласившись, радостные, разошлись по домам. Мы знали, что если пороемся в сундуках наших бабушек и матерей, то обязательно найдем в них старинные шали, косынки, буюшме.

В сундуке моей мамы нашлась белая крепдешиновая шаль с шелковой бахромой. Ее – воспоминание о молодости – мама берегла как реликвию. Шаль сохранилась так хорошо, словно только что была куплена в магазине. Я провела по ней рукой, а потом стала искать подходящую обувь. Мой выбор остановился на маминых туфельках бежевого цвета. Они были мне великоваты, поэтому пришлось набить их носки ватой.

Как и договаривались, в семь часов вечера мы собрались на нашей улице, возле магазина, где работал отец Тутуса. Девушки все были в туфлях на высоких каблуках. А как украшали их белые шали и платки! И вот мы, двенадцать девушек, направились в сторону школы. Когда мы дошли туда, нас было уже двадцать. Люди на улицах устремляли на нас восторженные

75. Буюшме – национальный платок.

взоры. Мы чувствовали, с какой любовью нас провожают взглядами восхищенные кусарцы с веранд своих домов. Девушки смотрелись одна краше другой, о каждой можно было сказать: писаная красавица! До сих пор я этого почему-то не замечала. К нам стали присоединяться наши одноклассники. Они не могли скрыть своей радости. Казалось, за какие-то считанные часы они повзрослели и изменились. И на нас смотрели по-другому, с непередаваемой теплотой.

Мухйеддин не скрывал своего удивления:

– Молодцы, вы настоящие лезгинки! – а потом спросил: – Кто же до этого додумался?

– Кто же, как не Азгар? – Халиса указала на меня.

– Ну, на такие дела она мастерица!

Было непонятно: похвалил меня Мухйеддин или подтрунивает надо мной? Однако думать об этом было некогда. Мыслями я уже была на завтрашнем выпускном вечере. Завтра школа в последний раз распахнет перед нами свои двери. Я, как и все, была взволнована ожидаемым праздником. Я стояла между детством и юностью, мои мысли устремлялись к тому, что нас ждет в будущем.

Вечер получился незабываемым! Сквозь слезы и смех нас одолевали противоречивые бурные чувства. Мои глаза то и дело переполнялись слезами. Не я одна пребывала в таком состоянии. То же самое происходило со всеми тридцатью моими одноклассниками. Внешне все казались веселыми, а внутри у нас бушевал ураган эмоций.

От модного в ту пору танго, изливаемого магнитофоном, нас охватила непередаваемая грусть, нами владели какие-то непонятные чувства. Вторая часть торжества проходила в спортзале.

Учителя, пожелав нам счастья и удачи в будущем, разошлись по домам. Остался только наш классный руководитель – учитель Зикруллах. Чтобы не утруждать его, мы упрашивали его уйти домой. Но он не слушал наших уговоров. Опасаясь, как бы мы не переусердствовали с празднованием, он решил остаться с нами до конца. Сидя в сторонке, он наблюдал за нами. Мы же, столько месяцев ждавшие этого вечера, не могли свободно и вдоволь танцевать, так как стеснялись. При виде того, как танцуют наши девушки и парни, меня разбирал смех. Танцующие в паре сохраняли между собой большое расстояние, чтобы не касаться друг друга. Все были счастливо взволнованы, что и отражалось на их лицах. Щеки у всех алели, в глазах горели огоньки.

Я потанцевала со всеми одноклассниками, кроме Мухйеддина. С самого начала вечера он не сходил с танцплощадки, привлекая всеобщее внимание своим умением красиво танцевать. Но ко мне почему-то не приближался. Танцевал то с Халисой, то с Шапери, то еще с кем-нибудь из одноклассниц.

Ему всегда удавалось производить впечатление. Его – высокого, горделивого красавца с каштановыми волосами – любили и ученики, и учителя. Он окончил школу с золотой медалью, собирался учиться на врача. Многие из девушек были в него влюблены, и он знал это.

Танцуя с Пирмурадом, я искоса наблюдала за Мухйеддином. Сердце вдруг охватила непонятная грусть. Чтобы не расплакаться, приходилось сдерживать себя, что удавалось с трудом. Отвечая на вопросы Пирмурада нехотя и односложно – только «да» или «нет», я с нетерпением ожидала окончания танца.

Учитель Зикруллах время от времени напоминал нам, что в десять часов надо закрывать зал. Меня не покидала надежда: «Наверное, последний танец Мухйеддин прибережет для меня». Сердце мое колотилось. И вот раздался строгий голос учителя:
– Ребята, это последний танец!

Танцевали все. Кроме меня. А я делала вид, что занята: присев, якобы поправляла шнурки туфелек. Чего тут скрывать: этот танец я хотела танцевать только с Мухйеудином и ни с кем другим! Я ждала его. Но его не было. Куда же он, не пропустивший ни одного танца, запропастился теперь? Во всем зале не танцевала одна лишь я. Растерянная, с пылающим от стыда лицом, я вышла из зала, чтобы никто не увидел моих слез.

Я уселась на скамье под елью в школьном дворе. Никогда еще я не чувствовала себя такой несчастной. Мир стал для меня холодным и чужим. И в этом мире мое сердце сжималось от одиночества.

Под елью напротив меня мелькнула какая-то тень. Вглядевшись, я увидела Мухйеудина. Он издали наблюдал за мной. Потом подошел и сел рядом. Не говоря ни слова, развернул газету и что-то протянул мне. Увидев в свете луны толстую тетрадь в коричневой обложке, я вздрогнула, как от укуса змеи: это был мой дневник, пропавший три года назад. Дневник, по которому я пролила столько слез. Мой друг, кому я доверяла сердечные тайны, с кем делилась радостью и печалью. Свидетель моей первой любви.

Я не находила слов, не знала, плакать или смеяться. Потрясенная, я просто смотрела на Мухйеудина. И в то же время жалела себя: подумать только, как он, должно быть, насмеялся над моими детскими, чистыми мыслями! Мне стало стыдно и обидно за свои чувства. Заплетающимся языком я что-то сказала ему.

– Да, это я украл твой дневник. Я сгорал от любопытства узнать, что ты там пишешь, – голос у Мухйеудина дрожал. – Сколько раз я собирался вернуть его тебе, но так и не осмелился.

– Знал бы учитель Зикруллах, что его любимец и отличник – вор! – эти слова я произнесла с насмешливым укором. Затем меня прорвало, и я закричала:

– Больше никогда не попадайся мне на глаза! Ты слышишь? Никогда!

Мухйеддин вскочил. Он был ошеломлен, не мог вымолвить ни слова. Схватив тетрадь, я ушла. Слезы рекой струились из моих глаз.

Даже когда дневник пропал, мне было не так больно, как сейчас. А вот теперь он нашелся и перевернул всю мою жизнь. Три года назад я лишилась своей любимой тетради, но то, что я потеряла теперь, невозможно было сравнить с чем-либо.

Я отправилась домой с найденным дневником и опустошенным утратой своих надежд сердцем.

Володное солнце

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Яргунат, в первом действии – девушка восемнадцати лет
Ярмет, в первом действии – юноша двадцати трех лет
Эминат, мать Яргунат
Магомед, отец Яргунат
Цавар, сестра Ярмета
Сувар, Гатфар – подруги Яргунат
Усман, в первом действии – юноша двадцати пяти лет
Салихат, мать Усмана
Гамдуллах, брат Яргунат
Суна, вдова средних лет
Енге (женщина, сопровождающая невесту в дом жениха)
Доктор
1-я женщина
2-я женщина
1-я сваха
2-я сваха
Конферансье
Лезгия, дочь Ярмета
Садир, сын Яргунат
Медина, жена Ярмета
Бинетуллах, Садул – односельчане Ярмета и Яргунат

Действие первое

Село Яргун Кусарского района, 1941 год.

Сцена первая

(Яргунат, Цавар, Сувар, Гатфар входят, весело смеясь.)

СУВАР. Как хороша была Синевер в свадебном наряде! Какая она стройная, какие у нее красивые косы! А походка – словно лебедушка плывет! *(Кокетливо подражает)* Валлах, девушки, согласитесь, Синевер была подобна цветущей яблоне!

ГАТФАР. Девочки, все дело в наряде. И деревянной куклой залюбуешься, если она красиво одета. Видели бы вы мою шестидесятилетнюю тетку! Пришла на свадьбу такая нарядная, что все бросились обхаживать ее: «Айсар, присаживайся с нами! Айсар, отведай то, отведай это!» Не зря гласит народная мудрость: дерево красят листья, а человека – платье.

ЦАВАР. Тоже мне, сравнила... Где уж твоей тетке до Синевер! Та ведь писаная красавица! Человек и сам по себе должен быть привлекательным. Вот если, скажем, Суну одеть в дорогое платье – она что, красивее станет?

(Входит Суна)

СУНА. *(Поет)*

*Рушар, рушар,
Цингил къушар,
Гьарма сад жейрандиз ухшар⁷⁶...*

(Девушки смеются)

76. Девушки, девушки,
Девушки-резвухи –
Каждая из них словно джейран...

СУНА. А ну-ка, признайтесь, вы тут обо мне судачили? Вам что, больше говорить не о чем, кроме как мне косточки перемывать?

ГАТФАР. На ловца и зверь бежит! Нам тебя так не хватало! Как же мы скучали без тебя! Хорошо, что пришла. Присядь, давай, рассказывай: кто умер, а кто родился, женился ли кто или развелся с женой?

СУНА. В таких случаях говорят: кто о себе, а мельник – о воде.

СУВАР. Не медли же, я паб, сядь рядышком, посплетничай с нами!

СУНА. Уши поспешили – оказались позади, рога выросли – оказались впереди.

(Все смеются)

ГАТФАР. Как же мы соскучились по твоим рассказам!

СУНА. Ну и ненасытные же вы! Вам всегда всего мало. Как голодной курице снится просяное зернышко, так и вы жаждете моих слов.

СУВАР. Если бы не твой язык, вороны тебя давно бы заклевали!

СУНА. Вороны и те милосерднее вас!

(Все смеются)

ГАТФАР. Не женщина, а кладезь ума!

СУНА. А как же! Лягушка села на пригорок – выглядит верблюдом.

СУВАР. Посиди с нами, дай порадоваться!

СУНА. Пока сидящий вол встанет, стоящий вспашет десятину.

(Все смеются)

ГАТФАР. Не томи нас, посиди с нами, рассказывай уже!

СУНА. Сказ мельника – о запруде, возницы – о колесе. Не знаю как вы, а я пришла, чтобы испробовать свадебных даров

Синевер. Давно мечтала о халве и сдобе, слоеном хлебе и вареной курочке из сундука невесты.

ГАТФАР. Если так, то не медли. Поспеши, иначе там ничего не останется – женщины все съедят.

СУВАР. Пойдешь на запах шашлыка, а окажется, что ослу дают пойло!

СУНА. *(Отойдя от них, сердито оглядывается)* Ишь, как разошлись! Как у них глаза горят! У, бесстыжие!

(Суна уходит)

ЯРГУНАТ. Поговаривают, друзья жениха много чего украли из дома Синевер.

ГАТФАР. Мы приглядывали за вещами в доме. Откуда нам было знать, что происходит снаружи? Когда невесту выводили, один из друзей жениха уносил полный казан с шурвой⁷⁷, другой – самовар, а еще кто-то тащил кувшин. Когда мы спохватились, они уже исчезли.

ЯРГУНАТ. Да уж... Если бы во время свадьбы ничего не унесли, было бы неинтересно.

СУВАР. Девочки, а вы помните, как на свадьбе Лумунат парни угнали лошадь из хлева?

ГАТФАР. Для них лошадь угнать – что из родника напиться!

(Смеются)

ЯРГУНАТ. Унесли – и ладно. Вы лучше расскажите: драка была или нет? Какая же лезгинская свадьба без драки!

СУВАР. Не-ет, прошли те времена! Теперь наши свадьбы проходят спокойно, мирно. Не осталось буянов. Если и найдется какой, поднесут ему водочки – он и успокоится.

ЦАВАР. Что толку вспоминать прошедшее? Скажите, вы пойдете вечером на дем?

77. Шурва – мясной соус.

СУВАР. Мы-то можем и не пойти. Но кое-кто должен пойти обязательно! (*Показывает на Яргунат*)

ЯРГУНАТ. Отстань, а то я тебя выведу на чистую воду!

ЦАВАР. Ага! Видать, ты что-то знаешь...

ЯРГУНАТ. (*Обращаясь к Сувар*) Сказать?

СУВАР. Хочешь – скажи. Мне-то что!

ЯРГУНАТ. Знаете, девочки, вчера наш теленок не вернулся из стада. Отправилась я на другой край села искать его. И как вы думаете, кого я увидела на опушке леса? Сидят Сувар с Шахмиром лицом к лицу, забыв обо всем на свете. Шахмир так и заливается, а Сувар слушает как завороженная! Смотрела я на них, смотрела, а потом тихо позвала ее: «Сувар!». Оба тут же вскочили! (*Девушки смеются*) Сувар, заикаясь, говорит мне: «Я теленка искала...» «Вижу, как ты искала теленка!» – отвечаю я. (*Смеются*)

ГАТФАР. Огонь любви и без хвороста горит... Ты лучше скажи, теленок-то нашелся?

ЯРГУНАТ. Девочки, вы не поверите: оказывается, теленка Шахмир спрятал еще с вечера! (*Смеются*) Эх, услышали бы вы слова Шахмира – тоже бы так таяли. Верно сказано: при солнце снег тает, при любимом – сердце.

СУВАР. Ну да, кому-то в любви повезет, а кого-то она обойдет. Можно подумать, тебе никто не говорит таких слов! Нас лишь на словах возносят, а тебе песни посвящают... Не влюбляйся так сильно – обожжешься!

ГАТФАР. Девочки, хватит шутить, а то опоздаем на дем! Скоро зима, и свадеб придется ждать аж до самой весны. Как он поет! Какой же у него красивый голос!

СУВАР. А как он хорош собой!

ЦАВАР. Да ну вас, еще сглазите моего брата!

СУВАР. (*Показывая на Яргунат*) При таком обереге молодцу никакой сглаз не страшен!

(Смеются)

ЯРГУНАТ. Язык бы тебе вырвать, Сувар!

СУВАР. Вот увидите: сегодня вечером Ярмет до самого конца дема глаз не сведет с Яргунат, истоскуется весь, бедняга!

ЦАВАР. Да как же не смотреть на красивую девушку! Будь я парнем, тоже любовалась бы Яргунат! Оба – поэты, оба – поют. Кто может с ними сравниться?

СУВАР. Вы только поглядите, как золовка за невестку горою стоит!

ГАТФАР. Ну да не зря ведь говорят: до свадьбы золовка – мед, после свадьбы – соль. Не смотрите, что сейчас Цавар поддерживает ее – после будет громы метать...

*Яран вах, я яран вах,
Къашкъа лацу, куьрен вах.
Палари ви туьд къурай,
Мез кИанелай атIурай⁷⁸.*

(Смеются)

ЦАВАР. Ох, и язычок же у тебя!

ГАТФАР. И Усман тоже не сводит глаз с Яргунат!

СУВАР. Ветренный он – какую увидит, в ту и влюбляется...

ЦАВАР. Кто влюбляется в каждую встречную, тот останется без жены.

ГАТФАР. Жалко будет Яргунат, если она попадет в тот дом. Тетя Салихат будет считать каждую крошку хлеба, съеденную ею. Вы знаете, какая она жадная? Как-то моя мама попросила у нее глиняный кувшин для молока. И что же, вы думаете, ответила тетя Салихат? «Соседка, наш кувшин стал как сито – не

78. Ах, золовка, золовка,
Рыжая ты головка!
Горло боль тебе сожмет,
Язык верткий оборвет!

держит молока». (*Смеются*) Как-то пришлось попросить у нее десять яиц, а она заявила: «Наши куры переболели и несут малюсенькие яйца». (*Смеются*) А недавно она сама пришла к нам просить яиц. Мамы дома не было – ну, я ее и проучила: «Тетя Салихат, наши куры несут яйца без скорлупы!» (*Смеются*)

СУВАР. Тише вы, Усман идет! Неудобно будет, если услышит...

ГАТФАР. Да пребудет во здравии тетя Салихат! Близкая соседка такой и должна быть: чистая сердцем, щедрая на руку.

(Усман, хмурясь, проходит, окинув их взглядом. Девушки провожают его смехом.)

Сцена вторая

(Традиционно обставленная комната. Стена завешена большим ковром, на нем висят ружье и кинжал. На полу, на ковре, лежит Магомед. Эминат вяжет шерстяной носок. В окно доносится песня Ярмета.)

*Экуьн яру яралай,
«Яр булахдал» яр алай,
Заз Яргуна са иер,
Яр акуна яралай.*

*Ярдин тIвар Яргунат,
Ярдин кIвал Яргуна,
Яр авай Яргунай,
Гьиниз фин яр туна?⁷⁹*

79. На заре той на красной,
На роднике влюбленных,
Увидел я в Яргуне
Любимую на зорьке.

МАГОМЕД. *(Резко поднявшись, сердито)* Ты слышишь? *(Эминат смотрит на мужа, но не отвечает)* Чего молчишь, словно воды в рот набрала? Къари⁸⁰, не показалось ли мне? Он опять упоминает имя Яргунат?

ЭМИНАТ. И что с того, что упоминает? Что ждать от сына возчика? Он весь в своего покойного отца Садира. Ни вол на пахоте, ни бык в стаде. Говорят же: из ноздри свиньи выпадет поросенок.

МАГОМЕД. Бык тут не при чем, къари! Говорят ведь: собака воеет, чуя свой смертный час. Что потерял сын Садира под моим окном? Разве мы не отказали их сватам? Каким еще языком им объяснить? Нет у меня дочери, которую я мог бы выдать за Ярмета. Пусть хоть мир перевернется, я не изменю своего решения. Передай ему: пусть больше не упоминает имени моей дочери! Иначе... *(Устремляет злой взгляд на кинжал, висящий на ковре.)*

ЭМИНАТ. Не обращай внимания. Он всем надоел. Что толку от его песен? Пусть поет, сколько душе угодно! Пусть торчит себе под окном – тебе-то что от этого? Ведь он не лезет в твой дом.

МАГОМЕД. Хватит болтать! Вразуми его. Передай ему, что если не понимает слов, то втолкую по-другому.

ЭМИНАТ. Не говори так – стыдно, ведь мы же односельчане. К девушке сватается сотня, а достается она одному.

МАГОМЕД. Думай, что говоришь! Этот, дудящий в свирель, на каждом углу треплет имя нашей дочери, делает из нас посмешище в глазах людей, а ты говоришь: стыдно! Нет, так не пойдет!

Любимая – Яргунат.
Дом любимой – в Яргуне.
Из Яргуна, где она,
Не уйти мне никуда.
80. Къари - старуха.

ЭМИНАТ. Имей терпение! Такие дела с бухты-барухты не решаются. А то Ярмет сведет с пути Яргунат. Да и дочка наша себе на уме. Стихи она, видите ли, сочиняет, сидит на почетном месте на всех торжествах. Только поэта нам не хватало...

МАГОМЕД. Смотри, жена, как бы народ не посмеялся над нами!

ЭМИНАТ. *(Встает)* Я итим⁸¹, не зря говорят в народе: советуйся и с камнем, что старше тебя... Я вот о чем подумала: давай выдадим дочь за Усмана. Салихат давно хочет заслать к нам сватов.

МАГОМЕД. Что? За сына недоумка Велибека? Что отец, что сын – оба хороши!

ЭМИНАТ. Ну и что с того, зато папаха на голове!

МАГОМЕД. Ум – в голове, а не в папахе... И еще: каждому человеку предопределено время его счастья.

ЭМИНАТ. Пока бедняк счастья дожидался, жизнь закончилась... Было бы счастье зрячим, все было бы по-иному.

МАГОМЕД. Люди скажут: в таком большом селе не нашли другого, за кого выдать дочь!

ЭМИНАТ. Зачем слушать людей? Лишь бы дела шли ладно, да всем нам было бы хорошо. А кто лает со стороны, пусть себе так и продолжает.

МАГОМЕД. *(Вдруг изменившись в лице)* Но Яргунат еще совсем ребенок... Ума-разума не набралась, какая тут свадьба?!

ЭМИНАТ. Какой ребенок в восемнадцать лет? Я вышла за тебя в пятнадцать.

МАГОМЕД. *(Покручивая усы, с улыбкой)* О да, ты соблаговолила выйти за меня...

ЭМИНАТ. *(Со вздохом)* Ты был сиротой, бедным пареньком. Когда я пришла в ваш дом, там не было даже старого ковра, чтобы постелить на пол...

81. Итим – мужчина, здесь: муж.

МАГОМЕД. А на следующий день после свадьбы ты приготовила шурву. До сих пор помню ее вкус. Мои братья съели по две, даже по три порции. После смерти матери мы впервые ели блюдо, приготовленное женскими руками. Те дни и поныне стоят у меня перед глазами.

ЭМИНАТ. И не говори. Чего только мы не повидали! И бедность, и нужду, и холод, и голод. Бывали дни, когда сидели без куска хлеба... Так и тянем лямку вот уже сорок лет. Хорошо, что смогли поставить на ноги твоих братьев, женить наших сыновей. Не было в нашей жизни спокойного дня, возможности отдохнуть.

МАГОМЕД. Не говори так, къари... Мы устроили наших детей – это и есть счастье. А что сами не видели спокойной жизни – это ничего. *(Улыбается)*

*Кар алачиз ван мийир, чан къари,
Ваз регъятвал кІан жемир, чан къари⁸².*

ЭМИНАТ. Содной стороны, ты прав. Тут ничего не поделаешь – такова наша судьба. Даст Аллах, выдадим Яргунат, съездим с тобой в Баку, навестим родственников, развеемся... Но дочь, родившуюся после семи сыновей, я хочу выдать в такой дом, чтобы не пришлось ей повидать трудностей, какие выпали на мою долю. Усман парень неплохой. Пусть внешне не так красив, как Ярмет, но у него покладистый и обходительный характер, а главное, умеет зарабатывать. Быть продавцом в магазине не каждый сумеет. Салихат каждый день меняет наряды. Чего еще может пожелать себе мать, имеющая такого сына? Давай выдадим дочь за Усмана, и дело с концом! Не зря говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Что скажешь, итим?

МАГОМЕД. Ты мать, тебе виднее, но надо узнать и мнение дочери. Вдруг ей неприятен этот парень? Как говорится, выйти

82. Ты без повода не шуми, моя старушка.
И легких дней не жди, моя старушка.

замуж не напасть, кабы замужем не пропасть.

ЭМИНАТ. Дай девушке волю, так много чего дождешься! У нее на сердце Ярмет. Но как за такого выдашь дочь? Разве сможет артист содержать семью? Разве сумеет он обеспечить жену?

МАГОМЕД. (*Шутливо*) Да, къари, надо, чтобы у мужа жена как сыр в масле каталась. Вот как ты у меня. Не ешь творог, поешь меду! Не ешь солений, поешь дошаба⁸³! Носи не бешмет, а самое красивое платье! Купи себе не простую косынку, а шелковую шаль! Не простужайся, сиди в тепле! Будь здорова, весела, береги себя!

ЭМИНАТ. (*Кокетливо подходит к нему и кладет руку ему на плечо.*) Ты не шути, завтра могут заявиться сваты от Усмана.

МАГОМЕД. Ну что ж, заявятся так заявятся. Ты уговорила меня, къари...

Сцена третья

(Яргунат и Ярмет на лугу, среди цветов)

ЯРМЕТ. (*Вручает Яргунат букет цветов*) Я собрал их на Силибире⁸⁴.

ЯРГУНАТ. (*Берет букет, вдыхает аромат цветов*) Как они красиво пахнут! В горах еще остались цветы или ты все сорвал и принес мне?

ЯРМЕТ. Если бы я мог, я подарил бы тебе все цветы мира! Жаль, что не могу. Не знал, что я такой бессильный. Я ничего не могу дать тебе, кроме своей любви.

ЯРГУНАТ. Ничего другого я и не хочу от тебя – мне достаточно твоей любви. Что бы я без тебя делала? Умоляю, больше

83. Дошаб – фруктовая папка.

84. Силибир – альпийские луга на склонах Шахдага.

никуда не уезжай! Десять дней твоего отсутствия превратились для меня в десять лет. В ожидании тебя я чуть не умерла. Как я тосковала!

ЯРМЕТ. Я не могу не поехать. Что еще мне, сироте, остается? Нужно самому заработать денег на свою свадьбу. Дай Аллах, скоро завершу приготовления к свадьбе.

ЯРГУНАТ. *(Напевает)*

Ваь лугьумир кесибдиз,
Гумир вуна икI наз, руш.
Тадаракар гьазур я,
Къведан гила вун заз, руш?⁸⁵

(Смеются)

Будь моя воля – сегодня же вошла бы в твой дом, ничего не требуя от тебя!

ЯРМЕТ. Разве ж я не знаю?.. Вот сегодня свадьба Камала и Синевера. Все влюбленные женятся, кроме нас! Вот бы сегодня играли нашу свадьбу! Эх, наступит ли когда-нибудь и для нас такой день?

ЯРГУНАТ. Не унывай, каждому человеку предопределен день его судьбы. Нам тоже улыбнется счастье.

ЯРМЕТ. Кто знает! Говорят ведь: счастье и несчастье – брат и сестра... Хорошо, если счастье не заблудится по пути к нам.

Хотя бы потом твои родители согласятся?

ЯРГУНАТ. Не знаю... Ведь твоих сватов они отправили обратно ни с чем.

(Появляется Цавар)

85. Не говори «нет», пожалей,
Оставь капризы, девушка.
Все готово к свадьбе,
Выходи за меня, девушка.

ЦАВАР. Яргунат, тетя Эминат ищет тебя! Иди домой, да побыстрее!

ЯРГУНАТ. Мама убьет меня! Я пойду, Ярмет.

ЯРМЕТ. Не дадут поговорить вдоволь... Когда я еще увижу тебя?

ЯРГУНАТ. Я передам весточку через Цавар. *(Уходит)*

ЦАВАР. Братец, отстань ты от Яргунат! Не отдадут ее за тебя. Ты же знаешь ее братьев! Гамдуллах, Амруллах, Садуллах, Гейбуллах – все накинутся на тебя. Что тогда будешь делать? К Яргунат многие сватаются. Видно, что ее хотят выдать за состоятельного человека. Таких бедняков, как мы, они не признают.

ЯРМЕТ. Бедность разве порок?

ЦАВАР. Слов бедняка никто не слышит...

ЯРМЕТ. У бедного сердце просторное, а у богатого – нет!

ЦАВАР. Бедность приносит несчастье.

ЯРМЕТ. Прекрати, ну что ты каркаешь, как ворона!

(Расстроенный, уходит)

Сцена четвертая

(Яргунат входит в комнату, где находится Эминат.)

ЯРГУНАТ. Мама, ты меня искала?

ЭМИНАТ. Мы с отцом только что говорили о тебе.

ЯРГУНАТ. Обо мне?

ЭМИНАТ. Да, о тебе. О ком же еще, дочка? Все наши мысли и заботы – только о тебе.

ЯРГУНАТ. Интересно! И что же вы говорили обо мне?

ЭМИНАТ. Ты уже взрослая, моя дорогая. И тебе пора кое над чем задуматься.

ЯРГУНАТ. Над чем же, мама?

ЭМИНАТ. Над тем, что тебя ждет в будущем, то есть о своей судьбе.

ЯРГУНАТ. (Подходит к матери, прижимается к ней) Как это понять: задуматься о своей судьбе?

ЭМИНАТ. (Гладит ее волосы) Каждый человек должен думать о себе, дочка. До каких пор ты будешь ходить так?

ЯРГУНАТ. (Отступив, встревоженно смотрит на мать) Как – «так»? Как это понять?

ЭМИНАТ. (Улыбаясь) А вот как: нехорошо, когда взрослая девушка задерживается в отцовском доме. Она должна вовремя выйти замуж. Иначе какие только слухи о ней не пойдут!

ЯРГУНАТ. (Расстроено) Вы хотите избавиться от меня? Боятесь слухов, значит?

ЭМИНАТ. Счастливому в дверь стучится друг, несчастливому – долг.

ЯРГУНАТ. (Начинает злиться) И кто же этот друг, который стучится в дверь?

ЭМИНАТ. Семья Велибека. Мы хотим выдать тебя замуж за Усмана, дитя мое.

ЯРГУНАТ. Что? За пустомелю Усмана с совиными глазами? Что ты такое говоришь, мама!

ЭМИНАТ. Ну какой же он пустомеля? Мужчина, который, сам зарабатывает себе на кусок хлеба! Это он-то пустомеля – кому в руки

плывут благодатные деньги?

ЯРГУНАТ. Умоляю тебя, не упоминай при мне имени Усмана! Во всем селе нет другого парня, кого я так ненавижу. Если каждого, кто носит папаху, называть мужчиной...

ЭМИНАТ. Замолчи! Что ты понимаешь в папахах да в мужчинах? Тебе рано еще говорить о таких вещах.

ЯРГУНАТ. Рано?! Почему же тогда вы спешите избавиться от меня?

ЭМИНАТ. *(Смягчаясь)* Доченька, для родителей превыше всего счастье своих детей. Сегодня мы живы, завтра нас может не стать. Чтобы со спокойной душой оставить этот мир, нам надо благополучно устроить вас в жизни. Ты – самое дорогое, что у нас есть, и мы хотим, чтобы ты попала в богатый дом, вышла замуж за достойного человека.

ЯРГУНАТ. Зачем мне богатый – выдайте меня за умного!

ЭМИНАТ. И кто же этот умный?

ЯРГУНАТ. Ярмет.

ЭМИНАТ. Ярмет? Разве моя дочь ровня такому бездельнику? И ты войдешь в халупу этого бедняка, свихнувшегося, как Меджнун, над которым насмеются люди?

ЯРГУНАТ. Он же не всегда будет бедным!

ЭМИНАТ. Да, конечно: до сих пор ничего не добился, но когда-нибудь у него появятся дворцы!

ЯРГУНАТ. Мама, умоляю тебя: если уж вы хотите меня выдать, то только не за Усмана! Выдайте меня за Ярмета! Иначе я оболью себя керосином и подожгу!

ЭМИНАТ. Я вижу, ты совсем распустилась. Пора укротить твою строптивость. Ты потеряла стыд, перестала уважать старших. Так вот, считай, что мы тебя уже выдали замуж. Слышишь? Иди занимайся своими делами. Только смотри, чтобы из-за тебя отцу и братьям не пришлось ходить с опущенной головой! У нас в роду такого не было! И чтоб я больше нигде не видела тебя распевающей песни! *(Уходит, обозленная)*

ЯРГУНАТ. *(Плачет)* О Аллах, укажи мне верный путь! Как же мне быть, что мне делать?

Сцена пятая

(Яргунат, с кувшином на плече, идет на родник. Раздается звук, напоминающий птичий свист. Яргунат сворачивает в сторону. Появляется Ярмет и берет ее за руку.)

ЯРМЕТ. Я уже извелся весь – третий день поджидаю тебя! Почему тебя так долго не было? *(Яргунат не отвечает)* Ты плакала? *(Яргунат молчит)* Не мучь же меня!

ЯРГУНАТ.

*Гецягъ мийир зи циферик,
Ягъмур гала зи кеферик.
Ахвар квахъай зи йиферик
ГъарикI са гъам какахъзава⁸⁶.*

*(Ярмет, обхватив голову руками, опускается на землю.
Яргунат садится рядом.)*

ЯРМЕТ. Не нравишься ты мне... какая-то странная.

ЯРГУНАТ...

ЯРМЕТ. Яргунат, ну-ка посмотри на меня! Что случилось?

ЯРГУНАТ. Наши хотят выдать меня за Усмана.

ЯРМЕТ. За кого?! За Усмана? Этого не может быть! Разве я умер, чтобы мою возлюбленную сватали за другого?

ЯРГУНАТ. Но что ты можешь сделать? С моими родителями не поспоришь!

ЯРМЕТ. Тогда я украду тебя!

ЯРГУНАТ. И куда же отвезешь?

ЯРМЕТ. Мир огромен, в нем много мест, куда можно уехать. Ты только согласишься – и на рассвете мы отправимся в путь!

86. Сошлись тучи над головою,
Гонится беда за мною,
Непреходящей полны тоскою
Ночи мои без сна.

ЯРГУНАТ. Что ты такое говоришь? Оставишь семью – ветром унесет, уйдешь из села – градом побьет. Да меня люди проклянут! Как я посмею? Я – сестра семи братьев, как я допущу бесчестье?

ЯРМЕТ. (*Теряя терпение*) А как быть? Позволить украсть свое счастье?

ЯРГУНАТ. Не сыпь мне соль на рану! Оставь меня наедине с моим горем.

ЯРМЕТ. (*Берет её за руку*) Яргунат, не обижайся на меня. Ты представляешь себе несчастье, которое нас ожидает? (*Он встает. Следом встает и Яргунат.*) Я упаду к ногам твоих родителей. Буду умолять...

ЯРГУНАТ. Не надо, Ярмет. Уже поздно.

ЯРМЕТ. (*Берет ее за плечи, тресёт*) Я не смогу без тебя! У меня сердце разорвется, если ты выйдешь за другого. Ты понимаешь это?

ЯРГУНАТ. (*В слезах*) Видно, не судьба нам быть вместе...

*Заз акI хъанай зун чIмеда гъатнава,
На лугъумир, кIвач желеда гъатнава.
Акъат тежер са чиледа гъатнава,
Низ гъарайин, низ эверин, низ лугъун?*⁸⁷

ЯРМЕТ. Яргунат, жизнь дается человеку один раз. Как ты проведешь ее с нелюбимым? Послушай, давай уедем отсюда далеко-далеко, построим себе маленький дом и будем счастливы!

ЯРГУНАТ. Поздно, Ярмет, поздно. (*Плачет*) Не знаю, увидимся ли мы еще. Но помни, Ярмет, что в целом свете я никого не любила, кроме тебя. И буду любить до конца своих дней!

87. Думала, что счастье выбрало меня.
Оказалось: ногой в капкан угодила.
Не выйти мне из этой тяжести,
Кому кричать, кому сказать, кого позвать?

ЯРМЕТ. И поэтому ты оставляешь меня и выходишь за Усмана?

ЯРГУНАТ. Я не стану женой Усмана! Я положу в постель кинжал, не подпущу его к себе. Я буду ждать тебя и днем, и ночью. Настоящий дом любви – это сердце. Никто не в силах разрушить его.

ЯРМЕТ. *(Вынимает из нагрудного кармана кольцо)* Возьми это кольцо на память обо мне. *(Надевает кольцо на палец Яргунат)*

(Они обнимаются, не в силах оторваться друг от друга.)

Сцена шестая

(Музыканты играют свадебную мелодию. Невеста в белом подвенечном платье сидит рядом с енге. Девушки, окружив их, поют песню «Перизада». Когда песня завершается, вперед выступает Сувар.)

СУВАР. А теперь настал черед шуток. Выходи-ка, Суна!

СУНА. Поделюсь-ка я с невестой некоторыми секретами. С первого же дня надо подчинить себе мужа. А для этого невеста должна быть хитрой. Как сядешь вместе с женихом, сначала положи руку на его колено. Если он смолчит, то положи руку ему на плечо. Видишь, что опять молчит – залезай ему на шею. Потом будет легко: так и будет носить тебя на шее... *(Все смеются)* Смотри, невестушка, никогда не медли с едой для мужа! Она должна быть всегда готова. Верно говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. У верблюда губы мягкие, а ест колочки. О себе тоже не забывай: не голодай, себя не утруждай. Ешь то, что тебе нравится, а наряжайся в то, что нравится другим. Ешь большой ложкой, работай на тенистой лужайке... *(Все смеются)* Звуки зурны бросают меня в дрожь! Пока не

станцию, не отпустит... Сыграйте-ка «Лезгинку», ребята!

(Зурначи играют. Суна танцует, остальные ей аплодируют. Появляются пожилые женщины. Молодые встают и приветствуют их, потом уходят.)

1-Я ЖЕНЩИНА. Да прижиться, укорениться и расцвести тебе там, куда идешь! Стань хозяйкой дома-двора, большой семьи!

2-Я ЖЕНЩИНА. Да наградит Всевышний невесту счастьем, здоровьем, радостью!

1-Я ЖЕНЩИНА. Да найдет невесту счастье, которое не выпало нам! Да уродится от нее семь, а от семи – семнадцать! Да будет огонь в очаге, свет в доме! Да срастется она воедино со своей семьей!

(Произнеся благопожелания, женщины передают невесте маленького мальчика. Потом все вместе воспевают невесту.)

*А тахт, тахт хъуй,
Тахт барка хъуй,
Ирид хва хъуй,
Къвед хътин са руш хъуй.*

*А тахт, тахт хъуй,
Тахт барка хъуй,
Къул ацІай рухвар хъуй,
Рак ацІай шаламар хъуй.*

*Хадайбур гадаяр хъуй,
Храдайбур гамар хъуй.
А тахт, тахт хъуй,
Тахт барка хъуй,*

*Хуз хъиз гъуьлуьк кукІуй,
Чиж хъиз кІвалик кукІуй.*

*Ваз к'вал мубарак х'уй,
Чан ц'Ийи свас⁸⁸.*

*(Играют мелодию «Шахсенем». Женщины, танцуя, уходят.
Появляется Цавар, подходит к невесте и целует ее.)*

ЦАВАР. Все плачешь? Что же мне делать с вами? Ты здесь убиваешься, братец – там... *(Плачет)* Почему Аллах допускает такое?

ЯРГУНАТ. *(Со страхом)* Похоже, ты что-то скрываешь... Что с Ярметом?

ЦАВАР. Как с утра бросился ничком на постель, так и лежал. Ни с кем не разговаривал. А сейчас взял свою одежду и ушел из дома. Сказал, что никогда не вернется в село... Что за несчастье! Как вытерпеть такое горе?

(Яргунат, теряя сознание, падает.)

Сцена седьмая

(Дом Эминат. Стучат в дверь. Входит енге.)

ЭМИНАТ. *(Встревоженно)* Это что за время такое для визитов? Что случилось? С какой вестью ты пришла?

ЕНГЕ. Ой, Эминат, что делать? Вот уже две недели, как я, оставив свой дом, нахожусь у чужих. Твоя дочь тает на глазах.

88. Да будет славен престол,
Да славен будет!
Дай Бог семь сыновей,
И дочь-куропаточку.

Да будет славен престол,
Да славен будет!

Она не переставая льет слезы. Если так будет и дальше продолжаться, пропадет она совсем... И Усмана жалко: на престол жениха взошел, а счастья не нашел. Видя кинжал, который Яргунат положила посреди постели, он тоже тает как свеча.

ЭМИНАТ. Как мне быть? Как мне смотреть людям в глаза! Чего только не наговорят! О Аллах, не дай никому испытать такое! Что делать? Я схожу с ума...

ЕНГЕ. Что написано пером, того не вырубишь топором. Ах ты бездушная, что ты натворила? Троих молодых сделала несчастными. Ярмет ушел из дома, Усман опозорен, Яргунат горит в огне.

ЭМИНАТ. Кто бы мог подумать, что дойдет до этого?

ЕНГЕ. Чему быть, того не миновать. Надо искать выход. Вот уже две недели, как твоя дочь и глотка воды в рот не взяла. Бедняжка еле на ногах держится. Ты мать: если сумеешь, укажи ей правильный путь, убеди свою дочь, уговори ее. Не заставляй людей страдать!

ЭМИНАТ. По-твоему, ее можно уговорить? Поймет ли она? О Аллах, если я не смогу ее убедить, что тогда скажут люди?

ЕНГЕ. На кой тебе сдались люди? На каждый роток не накинешь платок. О себе подумай. Проблема твоя – тебе ее и решать.

ЭМИНАТ. Но как? Что я отвечу ее отцу и братьям? А как мне вынести ее горе? Как я перенесу, если завтра с ней что-то случится? Несчастливая! За что же мне такое горе? Бедное мое дитя! *(Плачет)* А что говорит Салихат?

У очага – полно сыновей,
У двери – полно чарыков.

Да будет славен престол,
Да славен будет!
С мужем – как оса,
В доме – как пчела.
С новым домом тебя,
Милая невеста!

ЕНГЕ. Что ей говорить? Ходит как в воду опущенная, в доме словно траур... Неладно все получилось. Больше всех жаль жениха.

ЭМИНАТ. Подождем-ка еще два-три дня, посмотрим, может, переменится что-то.

ЕНГЕ. Не каменное ли у тебя сердце, женщина?! Пошевели мозгами – пока еще не поздно, сделай что-нибудь!

ЭМИНАТ. Ты права... И родственники начали сторониться. С ними бы хоть посоветоваться.

ЕНГЕ. Не надейся на других. Люди на язык только сладкие, а в глубине души таят зло.

ЭМИНАТ. Тогда с кем же мне посоветоваться?

ЕНГЕ. Ни с кем, решай сама! Потому что дочь – твоя, а не родственников. Не позорь себя, верни дочь в отцовский дом.

ЭМИНАТ. Я боюсь...

ЕНГЕ. Чего ты боишься? Сама растила, сама выдала замуж – и сама же должна забрать ее.

ЭМИНАТ. Вот в таких случаях говорят: захотел папаху побольше, а она сползает на глаза...

ЕНГЕ. Эминат, не медли, подумай о дочери, пожалей ее!

ЭМИНАТ. Что я могу сейчас сделать? Потерпела бы немного, а потом...

ЕНГЕ. Потом будет поздно. Лучшая помощь – вовремя оказанная. Твоя Яргунат подобна бутону розы – не дай ее растоптать! Верни ее в отцовский дом. (Уходит)

ЭМИНАТ. *(Сама с собой)* Под каким предлогом ее вернуть в отцовский дом? Лучше бы ей там и умереть...

Сцена восьмая

(Яргунат сидит на полу, обхватив колени руками.)

УСМАН. *(Входит)* Яргунат, что было, то прошло, забудь его! Теперь здесь твой дом, хватит капризничать! Я люблю тебя не меньше Ярмета. Не насильно же я тебя увез. По обычаю сыграли свадьбу, расходов не счесть. Так будь же, по обычаю, невесткой этого дома.

ЯРГУНАТ. Не было бы обычаев – не было бы и горя моего. Иначе...

УСМАН. Иначе сбежала бы с Ярметом, да?

ЯРГУНАТ. Кто бы меня остановил?

УСМАН. Думаешь, у Ярмета хватило бы мужества увезти тебя?

ЯРГУНАТ. Оставь Ярмета в покое, он ничем не хуже тебя! Я не согласилась на побег, чтобы не опозорить отца и братьев. Ярмет меня понял, а ты – нет. Сколько раз я передавала тебе: не упоминай моего имени, я не выйду за тебя! Все равно ты поступил по-своему, ударил кулаком по шилу.

УСМАН. Я женился на тебе по согласию старших. Я думал, после свадьбы ты смягчишься, создадим свой очаг...

ЯРГУНАТ. Насильно возведенный очаг обрушится с проклятиями. Из-за меня Ярмет ушел из села. Ты разлучил нас...

УСМАН. *(Мягко)* Как бы там ни было, теперь ты моя жена. Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

ЯРГУНАТ. В сердце – одно, на языке – другое? Я так не могу! Я никогда не стану твоей женой, Усман! Найди себе ровню.

УСМАН. Разве я найду красивее тебя?

ЯРГУНАТ. Червь выбирает ценное дерево...

УСМАН. Мечта слепого – увидеть свет. Сбылась моя мечта, большего мне и не надо.

ЯРГУНАТ. С кизилового дерева не сорвешь айву...

УСМАН. Угомонись же, знай свое место! Не дай остыть теплomu очагу.

ЯРГУНАТ. Не ту кошку решил пригреть у очага...

УСМАН. Вижу, ты не угомонишься, пока не испробуешь плетки. *(Начинает злиться)* Побойся Аллаха, Яргунат! Не вороши старое. Можешь не любить меня, но хотя бы уважай! Теперь ты моя жена, и ты в моей воле.

ЯРГУНАТ. Я в твоей воле? *(Подает ему кинжал)* Бери, убей меня, я не издам ни звука! И для меня все закончится, и для тебя. Уж лучше умереть, чем стать твоей женой.

УСМАН. Что за порода такая! На каком языке с тобой говорить? Почему ты унижаешь меня? Почему ты втоптываешь в грязь мою папаху? *(Толкает Яргунат, она падает.)*

(Входит Салихат)

САЛИХАТ. *(Обращается к Яргунат)* Кто знает, что ты вытворяла с беспутным Ярметом? В тихом омуте черти водятся! Если сердце твое было занято, почему тебя занесло в мой дом? Как будто больше не было в селе девушек!

УСМАН. *(Кричит на Яргунат)* Ты не плачешь? Заплачешь! *(Бьет Яргунат. Она молчит.)* Забирай свои вещи и убирайся из моего дома! Чтобы духу твоего здесь не было! *(Уходит, хлопнув дверью)*

САЛИХАТ. *(Обращается к Яргунат)* Чтобы ты никогда не была счастлива, змея подколотная! Чтобы тебя чума унесла!

(Входит енге. Она берет Яргунат за руку и уводит. Издали слышится голос: «Люди, началась война! Немцы напали на Советский Союз. Проклятый Гитлер идет на нас...»)

Сцена девятая

(Яргунат лежит в постели. Рядом доктор. Напротив сидят Эминат, Магомед, Гамдуллах.)

ДОКТОР. Пришла в себя.

ЭМИНАТ. *(Подходит к Яргунат)* О Аллах, благодарю тебя!

ЯРГУНАТ. *(Подняв голову)* Где я?

ЭМИНАТ. *(Плачет)*. Успокойся, дитя, ты дома.

ЯРГУНАТ. Мама, у меня жжет в груди.

ЭМИНАТ. Пройдет, дитя мое.

ЯРГУНАТ. Пройдет? *(Плачет)*

ДОКТОР. Тетя Эминат, Яргунат нужен покой. Не обижайтесь, но сейчас ее лучше оставить одну.

ЯРГУНАТ. Отец пустит меня домой?

ЭМИНАТ. Конечно, дитя, что за вопрос? Разве это и не твой дом?

ЯРГУНАТ. А брат Гамдуллах?

ЭМИНАТ. Родная, мы вернули тебя с того света. Аллах подарил тебя нам во второй раз. Если бы с тобой что-то случилось, я бы не вынесла!

(Яргунат вновь впадает в забытье. Магомед и Гамдуллах встают.)

МАГОМЕД. Эминат, не заморочила бы ты мне голову – не дошло бы до такого!

ЭМИНАТ. Не надо, сейчас не до упреков...

ГАМДУЛЛАХ. А Усману, сукиному сыну, я проломлю голову. Довести до такого состояния мою сестру...

ЭМИНАТ. Не надо заводить ссору, сынок. Усман тут не при чем – он ведь не виноват, что полюбил твою сестру.

ГАМДУЛЛАХ. Нельзя ему прощать этого. Мы что, платки на голове носим?

ЭМИНАТ. Мужчина прежде всего должен иметь терпение, сынок.

МАГОМЕД. К чему терпение, когда потеряна честь?

ЭМИНАТ. За всякое дело надо браться с умом.

МАГОМЕД. Почему же ты так не сделала?

(Эминат плачет)

ГАМДУЛЛАХ. Отец, не упрекай мать. А тому выродку я голову оторву...

ЭМИНАТ. Сынок, Усман и так наказан. Тебе больше нечего делать.

(Яргунат бредит в беспамятстве.)

ЯРГУНАТ. Ярмет, где ты? Я же обещала: куда ты ступишь ногой, там я положу голову... Почему я не послушалась тебя? Я упустила свое счастье, Ярмет. Счастье ослепло при встрече со мной... Вынеси меня из огня, Ярмет! Я горю...

ЭМИНАТ. *(Со страхом подходит к ней)* Ярмета тут нет, дочка.

ЯРГУНАТ. Он же обещал вернуться летом!

ЭМИНАТ. До лета еще далеко, дитя... Осень на дворе.

ЯРГУНАТ. Осень?

ЭМИНАТ. Да, осень наступила...

ЯРГУНАТ. Осень наступила... *(Поет тихим голосом)*

Мад атана бахтавар зул,

Хъити пешер авадаариз.

Рахкура яр, заз ви шикил,

Сефил рикIер аладариз...⁸⁹

Занавес.

89. Осень пришла – счастья пора.

Падают листья желтые.

Вестью, любимый, о себе

Разгони печаль из сердца...

Действие второе

Село Яргун Кусарского района, 1956 год.

Сцена первая

(Яргунат собирает в узел одежду. Появляется Эминат.)

ЭМИНАТ. Да будет к добру, дочка, куда ты собралась?

ЯРГУНАТ. Я переселяюсь.

ЭМИНАТ. Как переселяешься? Куда?

ЯРГУНАТ. В дом Ярмета.

ЭМИНАТ. Ярмет, наверное, погиб на войне. Иначе бы он приехал. Зачем тебе теперь его дом?

ЯРГУНАТ. Мое сердце подсказывает: если я поселюсь в доме Ярмета, он обязательно приедет, где бы ни был.

ЭМИНАТ. Что ты будешь делать в пустом разваливающемся доме Ярмета, доченька?

ЯРГУНАТ. После того, как Цавар вышла замуж, а тетя Авсият умерла, никто не открывал дверь их дома. Уже много лет в доме Ярмета не горит огонь, погас свет, там пусто и холодно. Кто, кроме меня, зажжет там свет, затопит очаг?

ЭМИНАТ. Что ты говоришь? Что о нас подумают? Люди засмеют нас!

ЯРГУНАТ. Не засмеют, мама – не каменные же сердца у людей.

ЭМИНАТ. Оставив отцовский дом, что ты найдешь в чужом доме?

ЯРГУНАТ. В чужом? Дом Ярмета для меня не чужой. Однажды вы с отцом разлучили нас, не дали нам познать счастья. Но разлучить наши сердца вам не удалось.

ЭМИНАТ. Что было, то быльем поросло, Яргунат, про то забудь. Но если ты оставишь свой дом и переселишься в чужое,

заброшенное гнездо, то это может бросить тень на твое честное имя.

ЯРГУНАТ. А разве у меня есть свой дом? Я потеряла дом, когда вы насильно выдали меня за Усмана. Мама, родная, как будто мало было того, что я пережила, ты и теперь не даешь мне молча нести свой крест судьбы. Даже сейчас не перестаешь меня сватать. Я устала, ведь ты изводишь меня этим! Ты никак не хочешь понять, что я не хочу быть обузой ни для кого!

ЭМИНАТ. Почему ты хочешь оставить свой теплый очаг?

ЯРГУНАТ. Разве я не имею права на собственную крышу над головой?

ЭМИНАТ. Дитя мое, пойми, одинокую женщину легко запятнать. Каждый, кому не лень, будет обливать грязью твое имя.

ЯРГУНАТ. О каком имени ты говоришь, мама? На мне лежит только одно имя – имя Ярмета. *(Достает из-за пазухи платок, вынимает из него кольцо.)* Вот мое обручальное кольцо. *(Прячет его обратно.)*

ЭМИНАТ. *(С горечью)* Вот уже десять лет, как закончилась война. Кто вернулся – тот вернулся, о погибших оповестили. Погиб твой брат Гамдуллах, подобный богатырю. Амруллах вернулся без ноги. Бедный Магомед, твой отец, ушел из жизни, не вытерпев постигших нас бед. Будь Ярмет жив, за столько лет о нем дошла бы хоть какая-нибудь весточка. Зачем ты обманываешь себя?

ЯРГУНАТ. Он ушел из дома, покинул село из-за меня. Разве я не могу ждать его? Неужели ты не можешь этого понять и смириться с этим?

ЭМИНАТ. Как ты будешь жить одна в обвалившейся халупе? В наше время, когда кусок хлеба достается с невероятным трудом, тебе будет очень трудно. Как у всех, так и у нас тоже есть и друзья, и недруги – что они скажут?

ЯРГУНАТ. Друзья поймут меня...

ЭМИНАТ. А недруги? Не зря ведь говорят: ста друзей мало, а врага и одного хватит. Как ты там справишься?

ЯРГУНАТ. Как все, так и я. Буду питаться ржаным хлебом, есть похлебку – зато у себя дома. Я не хочу состариться в отцовском доме. Моя помощь требовалась, когда дети Гамдуллаха были еще маленькими, а теперь уже пора им свадьбы играть. Почему я должна стесняться их, быть им в тягость? *(Вздыхает)* Уйдя однажды из отцовского дома, девушка не должна возвращаться обратно – ей лучше умереть.

ЭМИНАТ. *(Тоже вздыхает)* Не вытерпела ты в доме Усмана, а была бы у тебя сейчас безбедная жизнь. Видела, как он увернулся от войны? Это время изворотливых людей. Сколько молодцов из нашего села сгинуло на войне – и следа от них не осталось! А Усман построил себе дом, который и пушкой не разрушишь. Гатфар родила ему четверых детей и живет себе припеваючи.

ЯРГУНАТ. Сколько можно возвращаться к одному и тому же? Если бы на всем белом свете остались только мы с Усманом, я и тогда не посмотрела бы на него как на мужчину. В моем сердце – только Ярмет, и ни для кого другого там нет места. Если не суждено мне быть с ним, то предпочту могилу. Умоляю тебя, больше никогда не возвращайся к этой теме!

(Яргунат уходит. Эминат садится, обхватив руками голову.)

Сцена вторая

(Яргунат входит в дом Ярмета. Снимает со стены портрет любимого и целует, прижимая его к груди.)

ЯРГУНАТ. Ярмет, ты меня слышишь? С сердцем, наполненным стоном, плача, твоя любимая пришла в твой дом. Пришла через пятнадцать лет невестой, но нет жениха. Я жду тебя в твоём доме. Говорила же я тебе: другой мне не заменит тебя! Я осталась той самой Яргунат, которую ты знал – ко мне не прикоснулась чужая рука, никому другому я не открыла двери своего сердца. Иные сравнивают меня с холодным камнем. Но они не ведают, какой огонь пылает в моей груди. Это огонь любви, которую я берегу для тебя. Я знаю, что ты жив, иначе ты не снился бы мне каждую ночь. Но если ты жив, почему не откликаешься на мой зов? Почему не возвращаешься в родные места? Неужели не думаешь обо мне? Ты и дня не мог выдержать не повидав меня! Гладил мои волосы и говорил: «Голубка моя!» Ты часто повторял: «Красивая моя!» Я отзывалась: «Красивую несчастье метит». Но ты успокаивал меня: «Красота и есть счастье...» Скажи, как ты прожил пятнадцать лет вдали от меня? Помнишь ли ты меня? Горишь ли и ты желанием встретиться со мной? *(Поет, подойдя к окну)*

Гынава вун, зи масанди, жуванди?

Зи бахтунин хуш бередин, члаванди.

Гатфарин нуькI, зи тамунди, суванди,

Ша акъатин чун чуьллериз гъил-гъиле.⁹⁰

(Опускается на пол. Плачет.)

90. Где ты, мой бесценный, где ты, мой родной,
Друг поры радости моей, поры счастливой?
Птица весны моей, леса моего, горы моей,
Явись же, выйдем в поля рука об руку.

Сцена третья

(Дом Яргунат. Сидят две свахи. Яргунат угощает их чаем.)

ЯРГУНАТ. Ваш приход – что солнца восход! Садитесь поудобнее, выпейте чаю. Что привело вас в наши края? Или случайно здесь оказались?

1-Я СВАХА. Как бы тебе сказать, милая... Мы из села Гиль.

ЯРГУНАТ. О гильцах идет слава как о трудолюбивых и умелых людях. Говорят, у вас в обычае, что каждый хозяин своими руками строит себе дом. И веселиться ваши люди умеют на зависть!

1-Я СВАХА. Народ у нас степенный. С детства нас учат уважать старших

ЯРГУНАТ. Где почитают старших – там благодать.

2-Я СВАХА. Правильно ты говоришь, дочка.

ЯРГУНАТ. И все же, что привело вас сюда?

1-Я СВАХА. У нас говорят: веревка, потянувшаяся в лес, и кувшин, отправившийся на родник, не возвращаются пустыми... Мы пришли по делу. Есть у меня деверь. Человек добрый, разумный, работает учителем. Три года назад у него умерла жена. Бедняга остался один с тремя детьми. И дети не избалованные – как полагается, ходят в школу. До сих пор он не соглашался жениться заново. Но на свадьбе в вашем селе он увидел тебя и с того времени потерял покой. Очень ты ему приглянулась. Вот он и послал нас сюда. *(Показывает на другую женщину)* А это моя золовка.

2-Я СВАХА. У кого бы мы ни спрашивали о тебе – все отзывались только хорошо. Говорили, что мало тебе равных: умная, домашняя, порядочная. Сожалели, что ты осталась одна. Что поделаешь, милая, с судьбой не поспоришь. Наверное, Всевышний так решил. Иначе и мы бы здесь не оказались. Ты скажи свое слово. Если дашь согласие, тогда он сам придет,

поговорите – вдруг и тебе он понравится.

ЯРГУНАТ. Вы гости дорогие, прибыли издалека, и двери моего дома открыты для вас. Но вы неправильно осведомлены: я невеста Ярмета и нахожусь у себя дома.

1-Я СВАХА. Милая, мы знаем, что с тобой произошло. Но вот уже много лет, как закончилась война. Был бы Ярмет жив – приехал бы! Не обманывай себя. Ты красивая, рассудительная женщина – не проводи попусту свою жизнь в четырех стенах! Одинокой жить без мужа очень тяжело.

ЯРГУНАТ. Я же вам сказала: я невеста Ярмета и жду только его.

2-Я СВАХА. У нас говорят: разлученная с любимым оплакивает его семь лет. Сколько же можно ждать, дочка?

ЯРГУНАТ. *(Встает)* До конца своих дней... Поймите меня: я жду его. Сердце мне подсказывает, что он жив. Прошу вас, оставьте меня в покое.

(Женщины встают и уходят. Появляется Эминат.)

ЯРГУНАТ. Мама, родненькая! Умоляю тебя: хватит направлять свях к моей двери! Ты не дала дочери счастья, когда та была молодой, а теперь хочешь и вовсе оставить меня без дома-двора?

ЭМИНАТ. Что ж, будь по-твоему. Но и ты пожалей меня, дочка – я вся извелась от твоего горя! Даже умереть спокойно не могу, зная, что оставлю тебя одну. *(Плачет)*

ЯРГУНАТ. *(Обнимает ее)* Не плачь. Где бы ни был Ярмет, в один прекрасный день он вернется... Откроет дверь, увидит дома меня – и так обрадуется! *(Вздыхает)* Только бы ничего худого с ним не случилось! Чует мое сердце, что он жив.

ЭМИНАТ. Да услышит Всевышний твои слова, Яргунат! Оказывается, права была моя бабушка, да упокоится душа ее с миром, когда говорила: любовь – это свет души. Пусть никогда не гаснет этот свет!

ЯРГУНАТ. Не погаснет. Сердце мне говорит, чтобы я

уповала только на Аллаха. А Ярмет вернется, где бы он ни был... Мама, я хочу посоветоваться с тобой. У Цавар опять родился мальчик. Такой красивый малыш! Я хочу забрать его к себе. Ей, бедняжке, трудно управляться с пятерыми детьми.

ЭМИНАТ. Это богоугодное дело, дитя мое. Дом без детей – что мельница без воды. У тебя будет о ком заботиться, вырастишь себе сына. И завтра будет кому откликнуться на твой зов. А согласится ли Цавар?

ЯРГУНАТ. Мы с ней уже договорились. Я подумала и об имени для ребенка: Садир.

ЭМИНАТ. Но кого ты запишешь его отцом?

ЯРГУНАТ. Как кого? Ярмета. Садир, сын Ярмета.

ЭМИНАТ. А правильно ли это?

ЯРГУНАТ. Правильнее не бывает.

ЭМИНАТ. Да исполнит Аллах твои желания! Пусть Садир вырастет тебе достойным сыном. Тогда я пойду, подготовлю колыбель и постельку для ребенка. (*Уходит*)

ЯРГУНАТ. (*Радостно*) Теперь и у меня будет своя семья. У меня будет сын, наш с Ярметом сын!.. Может, теперь он вернется? (*Поет*)

*Гатфарин рагъ, гатфарин рагъ,
Ван яни ваз зи риклин цѳвагъ?
Са хабар це Ярметакай,
Гъич тахъайтIа лагъ, яни сагъ?⁹¹*

Занавес.

91. Солнце весны, солнце весны,
Крик сердца моего слышишь ли?
Принеси весть о Ярмете,
Скажи хоть, он жив ли?

Действие третье

Стамбул, 1986 год.

Сцена первая

(В ресторане. Садир сидит за столиком, пьет кофе. На сцену выходит конференсье.)

КОНФЕРАНСЬЕ. Değerli konuklar! Bu günkü misafirimiz genç şair-besteci Lezgiye Hanim'dır. Şimdi sizlere kendine ait yeni şarkısını söyleyecek⁹².

ЛЕЗГИЯ. (Поет)

*Eser yine gam sazağı,
Keser yine gam tuzağı,
Tutar yakını, uzağı,
Yağış değil, çiskin değil.*

*Tutar yine nem rüzgarı,
Bu sarhoş, bu dem rüzgarı,
Dillendiren kem rüzgarı,
Üzgün deyil, küskün deyil.*

*Üzür, üzür gam rüzgarı,
Yok ümidi, yok dileyi,
Nedir sırrı, ne keleyi,
Ben tek bedbin, üzgün deyil⁹³.*

92. Дорогие гости! Сегодня у нас в гостях – поэт и композитор Лезгия ханум. Сейчас она исполнит для вас свою новую песню (тур.)

93. Дуют ветры печали,
Бьют мне прямо в душу.
Ветер грусти, как сито,
Сеет дождь с туманом.

Ветер влагу несет,
Пьяную влагу.

(Аплодируют)

ЛЕЗГИЯ. Saygıdeğer konuklar! Şimdi size babamın çok sevdiği bir şarkıyı söyleyeceğim. Şarkı Lezgicedir ve aşka dair güzel bir hikaye anlatmaktadır⁹⁴. (Поет)

*Экуьн яру яралай,
«Яр булахдал» яр алай.
Заз Яргуна са иер,
Яр акуна яралай.*

(Официант приносит Садиду кофе и уходит.)

САДИР. (Про себя) О Аллах, где Турция, а где – лезгинская песня «Яргунат»? Или мне показалось? Нет же, она точно поет на лезгинском языке!

(Все аплодируют. Садир пишет записку и передает ее через официанта певице. Лезгия, прочитав записку, подходит к Садиду.)

ЛЕЗГИЯ. Beyefendi, mektubunuzu aldım. Teşekkürler.⁹⁵

САДИР. Sizin şarkınız beni hayran etti. Sizinle konuşmadan gidemedim. Siz benim için çözülecek bilmece oldunuz. Adınız Lezgiye, şarkınız Lezgice, demek ki, Lezgice konuşabiliyorsunuz⁹⁶.

ЛЕЗГИЯ. Siz de mi Lezgisiniz?⁹⁷

Звенит словно струна,
Унося слезы и обиды.

Проникает прямо в душу,
Унося мечты и надежду.
Что же задумал ветер?
Он не я – у него нет печалей.

94. Господа! Сейчас я спою вам песню, которую очень любит мой отец. Она на лезгинском языке. Это красивая история о любви (тур.).

95. Я получила вашу записку, уважаемый. Благодарю (тур.).

96. Меня очаровала ваша последняя песня. Я просто не мог уйти, не поговорив с вами! Вы стали для меня приятным сюрпризом. Зовут вас Лезгия, песня ваша – на лезгинском... Стало быть, вы знаете лезгинский? (тур.)

97. Вы тоже лезгин? (тур.)

САДИР. Evet⁹⁸.

ЛЕЗГИЯ. В таком случае, я очень рада!

САДИР. (*Радостно*) Какой же сегодня прекрасный день! Я просто счастлив! Не припомню, чтобы какая-либо песня так глубоко трогала меня. И, по правде говоря, такой красивой девушки я тоже никогда не встречал.

ЛЕЗГИЯ. (*Ласково улыбаясь*) Вы не пригласите красивую девушку сесть?

САДИР. Да-да! (*Улыбается*) Кажется, я совсем потерял голову. Буду очень рад, если вы сядете рядом. (*Жестом приглашает ее сесть*)

ЛЕЗГИЯ. Как я понимаю, вы хотите познакомиться со мной поближе.

САДИР. Да, да. Но я из тех, кто только на язык боек, а в деле туговат.

ЛЕЗГИЯ. То есть?

САДИР. Хочу сказать, что я из тех мужчин, кто лишен таланта знакомиться с девушками. Однако сегодня я набрался смелости и решил познакомиться с вами.

ЛЕЗГИЯ. Ну что ж... Меня зовут Лезгия. Отец у меня лезгин, а мама – турчанка.

САДИР. Лезгинскому языку отец научил?

ЛЕЗГИЯ. Да. А кто же вы? И откуда?

САДИР. Меня зовут Садир. Я из Азербайджана. Живу в Баку.

ЛЕЗГИЯ. Наверное, приехали сюда по торговым делам?

САДИР. Нет, я возвращаюсь из Франкфурта, с научной конференции. Неделю побуду в Стамбульском университете, потом уеду.

ЛЕЗГИЯ. Значит, вы ученый?

САДИР. (*Смеется*) Да как сказать...

ЛЕЗГИЯ. Мой отец говорит: один день ученого дороже всей жизни неуча.

98. Да (тур.).

САДИР. Хорошая пословица. А что еще говорит ваш отец?

ЛЕЗГИЯ. Еще он говорит: ученый человек может преодолеть любое препятствие.

САДИР. Вот этого о себе я не могу сказать.

ЛЕЗГИЯ. Почему?

САДИР. Потому что... у меня нет ничего другого, кроме науки.

ЛЕЗГИЯ. Разве есть что-то дороже науки? Знание и есть богатство.

САДИР. Лезгины говорят: знание – гость, ум – хозяин.

ЛЕЗГИЯ. Еще лезгины говорят: ум дан не каждому, хотя глупый и жаждет его.

САДИР. Да, не будет вреда от ума и пользы – от глупости...
(*Оба смеются*) А ты за словом в карман не лезешь!

ЛЕЗГИЯ. Ты тоже.

САДИР. (*Улыбаясь*) Скажи-ка, откуда ты знаешь песню «Яргунат»? Мне казалось, что кроме моей матери, ее никто не знает.

ЛЕЗГИЯ. Серьезно?

САДИР. Честное слово! Мою мать зовут Яргунат, что означает «девушка из Яргуна». В Азербайджане, в Кусарском районе, есть село Яргун.

ЛЕЗГИЯ. О Аллах, что за чудо! Мой отец тоже родом оттуда...

САДИР. Что ты говоришь?! Как его зовут?

ЛЕЗГИЯ. Ярмет.

САДИР. (*Вскакивает*) Ярмет, сын Садира?

ЛЕЗГИЯ. Да.

САДИР. О Аллах! Я Садир, сын Ярмета, а он – Ярмет, сын Садира. Что это значит? Не отец ли он мне? Ярмет из Яргуна, который не вернулся с войны...

ЛЕЗГИЯ. (*Пораженно*) Погоди-ка, стой! Уж не брат ли ты мне?

САДИР. Я тебе расскажу обо всем по порядку, как было...

Сцена вторая

(Садир и Лезгия сидят в городском саду.)

ЛЕЗГИЯ. Твой рассказ потряс меня. Видно, мама твоя – женщина с большим сердцем. Как жаль, что за верность и преданность людям не ставят памятников! Впервые в жизни я слышу о таком случае. Сколько горя она, должно быть, перенесла! Жизнь без любимого – это не жизнь...

САДИР. Мама о своем горе не рассказывала. Только иногда печально пела песню «Яргунат». Когда я был маленьким, ничего не понимал. Но однажды мне обо всем рассказала бабушка. И я лучше стал понимать свою маму.

ЛЕЗГИЯ. Какое совпадение! Я ведь тоже выросла на песне «Яргунат». Ее мелодию отец часто исполнял на свирели. Бывало, когда душа просила, он напевал ее печальным голосом. Когда я ребенком слышала эту песню, мои глаза наполнялись слезами, а с возрастом полюбила ее. По правде говоря, именно мелодия «Яргунат» вдохновляет меня сочинять песни.

САДИР. Я послушал твои песни на турецком. Почему они такие грустные?

ЛЕЗГИЯ. Не знаю...

САДИР. (Шутя) Ты же не седая, как я, чтобы быть обиженной на весь мир!

ЛЕЗГИЯ. Как говорится, соха не знает, что тащит плуг. Я не так уж молода. Недавно мне исполнилось двадцать семь.

САДИР. Совсем старушка... (Оба смеются) Где двадцать семь, а где – тридцать!

ЛЕЗГИЯ. Говорят, что мужчины стареют поздно, особенно – ученые. Тому, кто занимается наукой, наверно, некогда стареть.

САДИР. Сказал бы кто-нибудь эти слова моей маме! Каждый раз, когда я приезжаю в село, она начинает: «Сынок, у твоих

ровесников не сегодня-завтра уже внуки появятся, а ты и не думаешь о женитьбе!» А я отвечаю: «Мама, зато они стареют, а меня все до сих пор принимают за молодого парня».

(Смеются)

ЛЕЗГИЯ. У меня такое чувство, словно мы друзья детства... Друг, который вернулся ко мне после долгих лет отсутствия. И надо столько всего рассказать...

САДИР. И мне кажется, что я давно знаю тебя. Кто поверит, что мы познакомились всего три или четыре часа назад?

ЛЕЗГИЯ. Вот что значит – свела судьба...

САДИР. Наверное.

ЛЕЗГИЯ. Не встреть я тебя, кто бы преподавал бы мне такой урок?

САДИР. Правда?

ЛЕЗГИЯ. А разве можно говорить неправду?

САДИР. Можно.

ЛЕЗГИЯ. Как?

САДИР. Вот так! *(Надувает щеки)*

(Смеются)

САДИР. Ты не обидишься на то, что я сейчас скажу?

ЛЕЗГИЯ. Говори.

САДИР. Хорошо, что мы не родные брат и сестра. Я этому безмерно рад! *(Целует руку Лезгии.)*

ЛЕЗГИЯ. *(Смотрит на часы)* Дома меня заждались, наверное. Я даже не позвонила им. Мне надо идти. Но почему-то не хочется уходить. Приходи к нам в гости завтра вечером! Представляю, как отец обрадуется встрече с тобой! Узнаешь обо всем, что с ним произошло...

САДИР. Как же мне выдержать до завтрашнего вечера, не видя тебя?

(Уходят)

Сцена третья

(Дом Ярмета. Садир сидит за столом, накрытым белой скатертью. Лезгия входит вместе с Мединой.)

ЛЕЗГИЯ. Садир, знакомься, это моя мама.

(Медина обнимает Садир)

МЕДИНА. Сынок, твой приход – что солнца восход! Дорогой наш гость! Вот если бы и Ярмет был дома... Но он вчера уехал в Измир, к старшему сыну. У нас ведь родился внук. Я вот не смогла поехать из-за болезни. Ярмет сказал, что вернется через неделю – решил отдохнуть, как пенсионер. Сколько лет он думает о поездке на родину, но никак не соберется с духом. И врагу не пожелаю чужбину! Это непреходящая боль...

САДИР. А разве преходящи горе и боль тех, кто ждет Ярмета? *(Вздыхает)* Тетя Медина, расскажите о вашем муже. Что он за человек? Я хочу знать все. Почему он до сих пор не послал о себе весточку в родное село? Неужели он не тосковал по родине?

МЕДИНА. Эх, сынок, что может чувствовать человек, оказавшийся вдали от родины? Как говорит сам Ярмет: «Лишившийся родины несчастен и после смерти». Еще он говорит: «Родина – это мать, а чужбина – мачеха». Человек без родины может улыбаться, но душа его всегда плачет. Кто не испытал этого, тому не понять... Сынок, ты с дороги – сядем за стол и поговорим спокойно.

ЛЕЗГИЯ. Мама, ты пока займи его разговором, а я тем временем накрою на стол.

МЕДИНА. *(Садится)* Эх, сынок, Ярмет прошел через такое... Я тебе расскажу все по порядку... *(Свет слабеет)* Село наше было маленьким. Однажды разнесся слух: какой-то чужестранец хочет поселиться у нас. Люди говорили, что это советский солдат, освобожденный из немецкого плена. По словам

стариков, в то время советских пленных на родине сажали в тюрьму как предателей. Поэтому многие из них не возвращались домой, а находили себе пристанище на чужбине. Рассказывали, что этот чужак, побывавший в разных странах Европы, под конец приехал в Турцию, чтобы быть хоть немного ближе к своей родине. Никто не знал, откуда он, потому что он не любил рассказывать о себе. Высокий, привлекательный, но с постоянной печалью в глазах, этот мужчина хранил в сердце какое-то горе. Сельчане помогли ему построить дом. Оказалось, что он мастер на все руки. За короткое время он стал уважаемым человеком в нашем селе.

Но чужак никого не подпускал к себе близко. По-турецки он говорил плохо. А по вечерам садился под шелковицей, что росла перед его домом, и играл на свирели. Долгие годы мы засыпали и просыпались под звуки его свирели. Мы понимали, что это – мелодии его родины, в них он изливает тоску своего сердца.

Из сельских девушек не я одна была влюблена в Ярмета. Но ему приглянулась я. Сначала мои родители не хотели выдавать меня за чужака, тем более что и в годах у нас была немалая разница. Но в конце концов они согласились.

Ярмет – человек уравновешенный, добрый, заботливый, уступчивый – всегда старался исполнять мои желания. А вот что у него было на сердце, он и мне не рассказывал. Так прошло немало лет. У нас родились два сына, Мурадхан и Зиядхан. Ярмет очень любил своих детей, проводил с ними много времени, но и это не рассеивало его тоску...

Помнится, зима шла к концу. Теплело, пели птицы, вокруг все цело. Как-то ночью я проснулась, словно от удара молнии. Ярмета не было в постели. Может, вышел подышать свежим воздухом, подумала я. Но время шло, а муж не возвращался. Не выдержав, я тоже вышла. Услышав в хлеву его тихий голос, я направилась туда. И не поверила своим глазам: Ярмет, обняв

коня за шею, говорил с ним. Говорил на непонятном мне языке. Иногда я различала слово «Яргунат». А конь его слушал, как будто понимал все. Слова Ярмета были полны печали. Сколько же у него накопилось в сердце, подумала я. Ярмета, охваченного такой тоской, таким опустошенным я никогда не видела... Вот так я узнала, что время от времени он беседует со своим конем на родном языке. Песню «Яргунат» он всегда напевал вполголоса. Я не знала смысла этого слова. В ту ночь я поняла многое, но ему об этом ничего не сказала. Поговорим, если он сам захочет, решила я. Так прошло еще несколько лет.

Когда у нас родилась дочь, Ярмет дал ей имя Лезгия. Собрав всю семью, он пояснил: «Знайте все: она лезгинка, дочь лезгина». Видя мое удивление, он добавил: «Проклятая война лишила меня родины, но не родного языка. Моя родина – село Яргун в Азербайджане, в Кусарском районе». Сказав так, он заплакал. Потом рассказал обо всем, что он пережил... К тому времени те, кто был в плену у немцев, уже получили разрешение вернуться на родину. Собрался было съездить туда и Ярмет. Но потом передумал: «Да кто у меня остался в селе? Мать умерла еще во время войны. Одна сестра, да и та в заботах о своей семье...» – «А как же Яргунат?» – спросила я. «У нее своя семья, свой дом», – ответил он... Но ему часто снилось родное село. За день до поездки в Измир ему опять приснилась родина.

САДИР. *(Растроганно)* Разве можно вынести такое...

(Лезгия приносит чай и уходит)

МЕДИНА. Ярмет очень привязан к Лезгии, гордится дочерью. Он любит повторять: «Лезгия – моя душа». Наши сыновья не знают лезгинского языка, а дочка еще в детстве научилась говорить на нем. Они иногда могут беседовать часами. Заметив, что у Лезгии красивый голос, Ярмет продал нашего старого быка и купил ей пианино. Вы бы видели, как увлеченно они учились играть! Когда Лезгия окончила школу, мы продали дом

в селе и переехали в Стамбул. Одно время муж хотел переселиться в село, где живут лезгины. В районе Балыкесир много таких сел. Мы решили переехать в Кирне – одно из самых крупных лезгинских сел. Как-то раз мы были там в гостях, и Ярмет очень обрадовался встрече со своими. Излил душу в беседах с сельчанами. Сев за станок, я даже попробовала ткать ковер. Лезгинки ткут очень красивые ковры.

САДИР. Да, это так. Наши женщины ткут ковры неповторимых орнаментов: «Ярар», «Фурар», «Яргунар», «Кекер», «Иридар», «Лезгинская звезда»... *(Пьет чай)* Я не знал, что в Турции столько лезгинских сел. Так почему же вы не поселились в Кирне?

МЕДИНА. Муж передумал – он решил, что Лезгие надо учиться в институте. И поэтому мы переехали в Стамбул. Ярмет безумно радовался, когда дочь поступила в консерваторию... Теперь многие песни Лезгии поют и другие исполнители. Она сочиняет песни и на лезгинском языке, но не поет их.

САДИР. Почему?

МЕДИНА. Не знаю.

(Входит Лезгия)

ЛЕЗГИЯ. Об отце вы уже поговорили, теперь переключились на меня?

МЕДИНА. Да, дочка, мой рассказ растрогал Садира, вот я и поменяла тему.

ЛЕЗГИЯ. В таком случае мы с Садиром выйдем в город. Наш дорогой гость согласен?

САДИР. С такой красавицей, как ты, я готов дойти хоть до самого края земли!

ЛЕЗГИЯ. Ну, до края земли доходить не стоит – для начала побудем здесь.

(Все смеются)

Сцена четвертая

(Садир и Лезгия в городе. Лезгия стоит, прислонившись к дереву. Садир сидит рядом на земле.)

ЛЕЗГИЯ. Я выросла в турецком селе, похожем на райский уголок. Мы, дети, росли, пропадая все время на склонах гор, на берегу реки, в поле. Плутали в лесу, лазали по скалам – и это нас только закаляло. Но в сердце у меня всегда таилось сокровенное желание побывать на родине отца. Я даже мысленно, в своем воображении, создала село Яргун, которое так жаждала увидеть. Расскажи мне о нем.

САДИР. Посреди села возвышается холм. Его называют Келдхюр. С него весь Яргун – как на ладони! У нашего села богатая история. Две тысячи лет назад на его месте располагался древний город Яргу, который разрушили хазары. Потом пришли арабы. Они не щадили лезгин, воевавших с ними, разрушили много сел. Сотни лезгинских юношей и девушек они увезли в Сирию. Заявлялись к нам и войска кызылбашей. В сражении в долине реки Самур лезгины разгромили кызылбашей, а их предводителя, шейха Джунейда, убили в Яргуне. Там осталось его захоронение. В дальнейшем яргунцы немало натерпелись от персов. Надир-шах разрушил Яргун и соседние села за то, что там уничтожили часть его войска. Те из защитников, кто смог спастись, основали новое село на другом месте, назвав его так же – Яргун. Но через некоторое время его жители вновь переселились на свое исконное место. Затем лезгины восстали против русского императора. Чтобы подавить восстание, русские войска опустошили много лезгинских сел. Яргун опять сровняли с землей, но жители Яргуна в очередной раз восстановили его. Вот так яргунцы несколько раз на протяжении веков возрождали родное село.

ЛЕЗГИЯ. Да, богатая история... Теперь расскажи мне о сегодняшнем Яргуне.

САДИР. Наш красавец Яргун раскинулся в объятиях лесов, на склоне Шахдага. Село омывают воды Самура – на другом его берегу видны лезгинские села Дагестана. У нас сохранились многие старинные обычаи. Видела бы ты, как красиво у нас играют свадьбы, проводят праздники – Сифте ргал, Яран сувар! Если кто-то строит дом или выполняет какую-то трудоемкую работу, ему помогают всем селом. На наши танцевальные вечера – демы собирается и стар и млад. На демах юноши обычно приглядывают себе невест. (*Смеется, глядя на Лезгию*) Да что я все рассказываю! Лучше приезжай – увидишь все своими глазами.

ЛЕЗГИЯ. Пусть вернется отец – посоветуемся. Вчера звонил брат Мурадхан. Сказал, что отец приболел. Как только он поправится, мы приедем.

САДИР. Вам обязательно надо побывать на родине... (*Смотрит на часы*) Лезгия, очень жаль, но мне пора.

ЛЕЗГИЯ. Жаль, что ты так скоро уезжаешь.

САДИР. Будь моя воля, не уехал бы. Оставить тебя и уехать – пытка!

ЛЕЗГИЯ. Что я буду делать, когда ты уедешь?

САДИР. А я? Ты украла мой покой...

ЛЕЗГИЯ. У меня сердце разрывается от мысли, что ты скоро уедешь.

САДИР. Ты не поверишь, если я скажу, что до сих пор мне ни одна девушка не нравилась. Теперь же мои глаза видят только тебя.

ЛЕЗГИЯ. (*Шутливо*) Разве ученые видят что-то, кроме своих книг?

САДИР. Я никогда еще не встречал таких, как ты.

ЛЕЗГИЯ. (*Тихо*) И я не встречала таких, как ты...

САДИР. Ты настоящая лезгинка – прямолинейная, открыто

говоришь то, о чем думаешь. Меня восхищает твой характер. Трудно устоять перед красивой и умной женщиной, да еще и образованной... Ты именно такая – настоящая бике!

ЛЕЗГИЯ. Что означает это слово?

САДИР. Женщину, обладающую умом, житейской мудростью, духовной силой, лезгины называют «бике». О таких у нас сохранилось много былин и преданий. Например, после смерти кюринского хана Аслана ханством управляла его вдова Гюльсум бике. Она наладила связи даже с арабскими государствами! Бигимага бике, жена Юсуф хана, на собственные средства возводила мосты, прокладывала дороги, открыла медресе во многих селах. Серфинат бике из Мюшкюра сражалась с полчищами персов. А Тамчу бике из Кураха ранила самого Надир-шаха... А еще (*Улыбаются*) у лезгин много подобных тебе мулдин цуьквер⁹⁹.

ЛЕЗГИЯ. А что это?

САДИР. На склонах высоких гор простираются луга девственной красоты. Называются они «мул». Там растут неопишуемой красоты цветы, которым не страшны ни холод, ни ветер. Из них особенно красивы ириг, миг, цир, сейли, мулейли. Мулейли считают царицей этих цветов. О ней у нас бытует такое предание. В одном из лезгинских сел жила девушка по имени Лейли, красота которой славилась повсюду. Услышав о ее красоте, хан послал за ней гонцов. Но у девушки был возлюбленный, известный мастер, который оберегал ее. Когда гонцы вернулись ни с чем, разгневанный хан бросил мастера в темницу и сказал ему: «Если построишь для меня крепость со стенами небывалой высоты, то я тебя освобожу». Юноша дал согласие. Когда же он возвел крепость, то хан сказал ему: «Давай-ка взглянем на горы с ее высоты». Когда они поднялись на крепостную стену, коварный хан столкнул мастера в пропасть. Лейли увидела это и кинулась на поиски возлюбленного. Когда она осматривала окрестности с высокой скалы, хан послал

99. Мулдин цуьквер – цветы альпийских лугов.

слуг, чтобы они поймали ее и привели к нему. Лейли, поняв, что ей не спастись от них, взмолилась Аллаху: «Преврати меня в цветок!» И в тот же миг превратилась в цветок мулейли. А народ сложил песню о девушке с этим именем.

ЛЕЗГИЯ. Спой мне ее.

САДИР. Но у меня нет голоса...

ЛЕЗГИЯ. А ты спой, как можешь.

САДИР. *(Поет)*

*Дуъз дугуниз акъатнавай Мулейли,
Я гатфарин цуък беневиша, Мулейли.
Вахъ вил галаз эрзиман я, Мулейли,
Са геренда чи кІвализ ша, Мулейли.¹⁰⁰*

ЛЕЗГИЯ. Какая чудесная песня!

САДИР. Песня длинная. Я напел только то, что помню.

ЛЕЗГИЯ. И с тех пор никто не может сорвать этот цветок?

САДИР. Нет, никто не может. Он растет на высокой скале – до него трудно добраться. Но и невозможно не стремиться сорвать его.

ЛЕЗГИЯ. У лезгин много таких песен?

САДИР. Тебе, певице, грех не рассказать о них. У нас множество бесподобных песен и мелодий. Наша Рагимат Гаджиева, прозванная в народе «соловьем», пела сотни старинных песен.

ЛЕЗГИЯ. Как бы мне хотелось выучить эти песни и петь их для всего народа! Песни – гордость и опора народа.

САДИР. А как эти песни трогают сердце! «Полнолуние», «Высокие горы», «Магузар», «Эмирбек», «Загадур-зага», «Махи-Дилбер», «Пейкер баха», «Песня ночи»... Всех не счесть. Знаешь, кусарский композитор Фетуллах Рагимханов собрал в лезгинских селах более ста народных песен и перевел их в

100. В долине ровной распустилась Мулейли,
Роза золотая, царица цветов Мулейли!
Видеть тебя – желание заветное, Мулейли,
Загляни в мой дом, Мулейли.

ноты. (*Смотрит на часы*) Ну, милая лезгинка, за разговором я могу забыть, что опаздываю. Но я уезжаю с тревогой на душе: вдруг мы больше не увидимся?

ЛЕЗГИЯ. Что ты! Разве такое возможно?

САДИР. Сама же видишь, как в жизни порой все оборачивается... Кто бы мог подумать, что люди, впервые встретившись, могут почувствовать такое родство душ?

ЛЕЗГИЯ. Это и называется судьбой. Я всегда верила в судьбу.

САДИР. Грех не верить в такую судьбу! (*С улыбкой смотрит на Лезгию, потом на часы*) Опаздываю... Как только вы с отцом соберетесь приехать в Азербайджан, сообщи заранее, чтобы я мог вас встретить. Очень сожалею, что не сумел повидаться с твоим отцом. Обязательно приезжайте вместе.

ЛЕЗГИЯ. Конечно. Только ты пока ничего не говори своей маме. Пусть это будет для нее сюрпризом.

САДИР. Не беспокойся. Ты глянь, какой у меня кадык, выдающийся вперед. Думаешь, оттуда вырвется лишнее слово?

(Смеется, уходят)

Занавес.

Действие четвертое

Село Яргун Кусарского района, 1986 год.

Сцена первая

(Состарившаяся Яргунат сидит дома, на полу. За окном раздается голос Ярмета – он поет песню «Яргунат».)

(Дверь открывается, входит состарившийся Ярмет. Они долго смотрят друг на друга.)

ЯРМЕТ. *(Сдерживая слезы)* Яргунат!

ЯРГУНАТ. *(Дрожащим голосом)* О Аллах! Ярмет, это ты?
(Обессилив, опускается на пол)

ЯРМЕТ. *(Подходит и поднимает ее)* Это я, Яргунат. Я, Ярмет...

(Обнявшись, оба плачут. Раздается грустная мелодия.)

ЯРГУНАТ. Наконец-то ты вернулся! Когда я говорила, что ты вернешься, мне никто не верил. Но я знала, что ты жив. Только не могла понять, почему тебя не было так долго. Ты видишь, я не дала погаснуть очагу в твоём доме.

ЯРМЕТ. Вижу, Яргунат, вижу. *(Целует ей руки. Видит кольцо на ее пальце.)* Ты сохранила мое кольцо?

ЯРГУНАТ. Разве мы не обручились тогда?

ЯРМЕТ. *(Сдерживая слезы)* Твоя преданность оказалась безмерной. Я же причинил тебе только бесконечную сердечную боль.

ЯРГУНАТ. Почему ты так говоришь? Разве сам ты мало горе вынес? Вот, и поседел, как Шагдаг. Я твое сердце по глазам читаю. Тут не нужны лишние слова.

ЯРМЕТ. Как говорится, кто не знает горя, тот не поседеет.

ЯРГУНАТ. Это так, Ярмет. Видишь, какой я стала? Жизнь прожить – тоже счастье.

ЯРМЕТ. Дорогая, как же я виноват перед тобой!

ЯРГУНАТ. На все воля Аллаха. Ничего не поделаешь. Значит, не было нам судьбой предначертано прожить жизнь вместе.

ЯРМЕТ. Долгие годы ты снилась мне в моем доме. Но я думал, что это мои мысли заселяют мои сны. Оказывается, это сердце мне шептало...

ЯРГУНАТ. Ну что же ты стоишь? Присядь, отдохни с дороги. *(Оба садятся на ковер)* Рассказывай, я хочу наговориться с тобой. Где ты был так долго? Почему хотя бы не написал? Разве можно держать обиду на родину?

ЯРМЕТ. На родину я не держал обиды, но приехать не мог...

ЯРГУНАТ. Не мог написать хотя бы строчку? Что бы с тобой ни случилось, о родине ты не должен был забывать.

ЯРМЕТ. Ты права, Яргунат. Видимо, на то была воля Аллаха – жить вдали от родины. Я оказался на чужбине, был вынужден жить среди чужих людей. Всегда боялся, что и умру там.

ЯРГУНАТ. Как говорится, умерший на чужбине и в могиле будет плакать о родине...

ЯРМЕТ. Да, это так. Я был готов пожертвовать собой ради самого мелкого камушка на родной земле. Говорят, потерявший родину – лишается веры. Но я ее не лишился. Родина вселилась в мою душу. Я не смог ее забыть.

ЯРГУНАТ. Но ведь...

ЯРМЕТ. Умоляю, не мучь меня. Я все расскажу по порядку. Но сначала принеси мне кружку воды с нашего родника. Сердце мое горит, Яргунат!

(Яргунат приносит воду. Ярмет пьет.)

ЯРМЕТ. Воды всех родников на свете не смогут остудить мое сердце...

(Входят Садир и Лезгия. Лезгия обнимает Яргунат. Та с удивлением смотрит то на Лезгию, то на Садир.)

ЯРГУНАТ. *(Садир)* Сынок, это твой отец.

САДИР. *(Улыбаясь)* Я знаю, мама. *(Показывает на Лезгию)*

А это Лезгия.

ЯРМЕТ. Это моя дочь.

ЯРГУНАТ. Твоя дочь? *(Прослезившись, обнимает Лезгию.)*

ЛЕЗГИЯ. Садир мне о многом рассказал. Я знаю, что вам пришлось пережить. Вы теперь мама не только Садиру, но и мне.

ЯРГУНАТ. Доченька, да благословит тебя Аллах!

(Входят несколько мужчин и женщин. Они приветствуют Ярмета, произносят благопожелания. Появляется постаревшая Цавар. Она плачет.)

ЦАВАР. Брат, родной мой, ты приехал? Да благословит Аллах дороги, что привели тебя!

ЯРМЕТ. Цавар, это ты? *(Обнимает сестру, целует ее в лоб)*
Как же ты состарилась, сестренка...

ЦАВАР. И ты совсем другой, братец, седой уже... *(Плача, гладит Ярмета по голове)* Куда ты тогда ушел от нас? Разве можно уходить, оставив мать, бросив сестру? Тоска по тебе унесла маму в могилу. Яргунат иссохла по тебе. Но она всегда верила, что ты вернешься, где бы ты ни оказался – обязательно вернешься! Мы каждый божий день ждали тебя... *(Плачет.)*

ЯРМЕТ. Успокойся, сестренка, твой плач разрывает мне сердце...

ЯРГУНАТ. Цавар, не мучь себя, успокойся. Надо благодарить Аллаха, что Ярмет вернулся живым и здоровым... Жаль, что моя мама не увидела этого.

ЯРМЕТ. Как, тетя Эминат умерла?

ЯРГУНАТ. Да, недавно.

ЯРМЕТ. Да упокоит Аллах ее душу!

ЯРГУНАТ. Мы ждали тебя вместе с ней. Вместе вырастили Садира. Перед смертью, вспомнив о тебе, она сказала: «Когда-то я разлучила вас, взяла грех на душу, допустила несправедливость. Теперь я ухожу в мир иной. Если Ярмет когда-нибудь

вернется, попросите у него прощения за меня».

ЯРМЕТ. Что поделать? Аллах так распорядился нашими судьбами.

(Бинетуллах и Садул подходят к Ярмету.)

БИНЕТУЛЛАХ. Глазам не верю, Ярмет, неужели это ты?

ЯРМЕТ. Бинетуллах, ты жив?

БИНЕТУЛЛАХ. Как видишь.

ЯРМЕТ. Ну, парень, как ты вымахал!

САДУЛ. А ты думал, он всегда будет маленьким?

ЯРМЕТ. Садул, ого!.. Как тебе удалось вырваться из лап немцев?

САДУЛ. *(Обнимает Ярмета)* Следом за вами и мы устроили побег из концлагеря. Мне в ногу угодила немецкая пуля. До сих пор хромаю. Сельчане зовут меня Хромым Садулом.

(Пританцовывая, входит постаревшая Суна.)

СУНА. *(Поет)*

*Атана, атана,
Ярмет атана,
Ярметан кьушун
Тимил атана¹⁰¹.*

ЯРМЕТ. Суна, а ты ничуть не изменилась! Все такая же – с шутками да прибаутками.

СУНА. Да, я такая, с шутками-прибаутками. Давай-ка сестра расцелует тебя!

(Распахнув руки, подходит к Ярмету и обнимает его.)

ЯРМЕТ. Как хорошо, что вы все пришли! Знали бы вы, как мое сердце истосковалось по вам!

101. Пришел, он пришел,
Ярмет пришел!
Ярмет с собой
Войско привел!..

ЯРГУНАТ. Пройдемте на веранду. Бинетуллах! Там под навесом привязан черный барашек – зарежь-ка его.

БИНЕТУЛЛАХ. Сейчас!

Сцена вторая

(Яргунат с Ярметом беседуют, сидя дома.)

ЯРМЕТ. Никогда еще я не чувствовал себя таким несчастным, таким бессильным, Яргунат. Сердце мое разрывается, у меня не осталось больше сил...

ЯРГУНАТ. Успокойся...

ЯРМЕТ. Мне все кажется, что это происходит во сне. Никак не могу поверить, что ты действительно рядом. Мы вместе, но почему это не приносит нам счастья?

ЯРГУНАТ. Я думала, вот ты вернешься ко мне – и принесешь покой моему истерзанному сердцу. Оказывается, я обманывала себя. До сих пор я жила надеждой. А теперь не осталось и ее. В моем сердце пустота... Прости меня, но пока ты был далеко, ты был мне гораздо ближе, чем сейчас.

ЯРМЕТ. Будто огромный камень лежит у меня на сердце. Горечь убивает меня...

ЯРГУНАТ. Вот вернешься домой, к семье – рядом с женой тебя покинут эти горькие мысли...

ЯРМЕТ. Не говори так, Яргунат. Умоляю тебя, не произноси слов, которые рвут сердце... Ты же знаешь, как мне больно.

ЯРГУНАТ. Долгие годы каждое утро, когда я просыпалась, моим первым словом было «Ярмет». «Доброе утро, Ярмет!» – говорила я. Когда я болела и лежала в постели, я призывала не доктора, а тебя – мысли о тебе отгоняли все хвори. И в радости я вспоминала тебя: «А как там мой Ярмет?» Готова что-нибудь вкусное, обязательно думала о тебе. Каждую ночь я засыпала

вместе с тобой, тепло твоих рук согревало меня. Для тебя я сажала деревья в саду. Когда садилась ткать ковер, перед глазами вставал твой образ... Почему я говорю тебе обо всем этом? Все прошедшие годы я жила ради тебя. Я называла тебя солнцем, моим негаснущим солнцем, дарящим тепло... Но ты оказался холодным солнцем... Холодное солнце, которое не принесло тепла в мою жизнь, не сделало меня счастливой...

ЯРМЕТ. (Поет)

Я хъуьтГуьн Рагъ, я къайи Рагъ,

Вазни заз хъиз мекъи яни?

Алуда циф вилераллай,

Ви дердерни векъи яни?

РикIевайбур лугъуз тежез,

Вунни зун хъиз сузадаван?

Парад фена, тIимилд амаз,

Ви уьмуьрни къузадаван?

Я хъуьтГуьн Рагъ, я къайи Рагъ,

Ви чандани фул авани?

Вазни заз хъиз къариблукхда

Ялгъузвилин зул амани?¹⁰²

102. Солнце зимнее, солнце холодное,

И ты, подобно мне, остыло?

Тучи пеленой на глазах –

И тебя горе утомило?

И ты, подобно мне, стонешь,

Что в сердце, сказать не смея?

Много пройдено, мало осталось,

И твоя жизнь в тени заката.

Солнце зимнее, солнце холодное,

И ты душой продрогло?

И тебе, как мне на чужбине,

Одиночество осени выпало?

ЯРГУНАТ. Раньше ты не пел таких печальных песен...
(*Вздыхает*)

ЯРМЕТ. А ведь у меня и в мыслях не было, что ты одинока и ждешь меня. Мне представлялось, что ты жена Усмана, что у вас много детей. Я не знал, что из-за меня ты погубила себя. Вот так целая жизнь прошла впустую. (*Берет Яргунат за руку*)
Порой мне кажется, что Садир – наш с тобой сын.

ЯРГУНАТ. Все так говорят...

ЯРМЕТ. В нем я будто вижу себя...

(*Снаружи доносится песня Садира и Лезгии.*)

САДИР. (*Поет*)

*Чалал къвезва вири уба,
Муъгъуьббат гъикI ийин туба?
Хуър ксайла, вун чинеба
Ша иерди, Чар булахдал¹⁰³.*

ЛЕЗГИЯ. (*Поет*)

*Къамир вуна зи тIвар пара,
Йис алатрай, я зун кIура.
Твамир на зун сиве-сара,
Зун къведайд туш гьар булахдал¹⁰⁴.*

ЯРГУНАТ. Слышишь? Эта наша с тобой песня.

ЯРМЕТ. Да... Я благодарен Аллаху уже за одно то, что встретились наши дети. Ты береги Лезгию, мою кровинку, Яргунат.

103. Слухами полнится свет,
Но крепок любви обет.
Когда село уснет,
На светлый приходи родник.

104. Не поминай часто, не зови,
Молода я, ты пойми.
Осуждена буду я людьми.
Не хожу на всякий родник.

ЯРГУНАТ. В этом мире мне дорого все, что связано с твоим именем. Лезгия покорила мое сердце. Она как твоя, так и моя дочь. У нее твои глаза, твой характер. Ее нельзя не любить. Как красиво она танцевала «Лезгинку» на свадьбе! Все восхищались ею. Лезгия и Садир созданы друг для друга. Глядя на них, видя их счастье, забываешь о своем горе.

ЯРМЕТ. *(Вздыхает)* Яргунат, как бы я хотел родиться заново, прийти в этот мир еще раз!

ЯРГУНАТ. Чтобы все это еще раз пережить?

ЯРМЕТ. Нет, чтобы исправить все ошибки. И больше никогда не расставаться с тобой.

(Входит Лезгия)

ЛЕЗГИЯ. Сколько можно сидеть в темноте? Стол давно накрыт. Все ждут вас.

ЯРГУНАТ. Идем, доченька, идем... Пойдем, Ярмет, да благословит Аллах этот день.

Сцена третья

(Ярмет и Яргунат стоят у калитки.)

ЯРМЕТ. Лезгия и Садир ждут меня в машине. Через десять дней я отправлю их из Турции обратно.

ЯРГУНАТ. Иди, не медли. Доброго тебе пути.

ЯРМЕТ. Неужели мы больше не свидимся?

ЯРГУНАТ. Кто знает...

ЯРМЕТ. Вчера мы с Садиром были на кладбище. Рядом с могилами отца и матери я наметил место и для себя. Завещал, чтобы меня похоронили рядом с родителями.

ЯРГУНАТ. *(С горечью)* Вот ты какой! Опять забыл про меня. А меня с кем рядом похоронят?

(Ярмет прижимает ее к себе, плачет.)

ЯРМЕТ. Мои ноги не идут... Никак не идут...

ЯРГУНАТ. Ступай, пора. Да будет светлым твой путь. Будь счастлив со своей семьей. Холодным солнцем блеснув в моем небе, не принеси мне опять зиму... Кто сказал, что любовь – это теплое солнце? Я не верю этому. Она принесла мне ветер с градом, объяла холодом... Долгие годы меня сжигала любовь, и вот неожиданно я упала в пучину безнадежности... Но я не сдамся, я буду бороться за жизнь. Вот почему я молю Аллаха: верни мне прежнее терпение, верни мне мою любовь!

(Они обнимаются. Ярмет уходит. Плеснув ему вслед воды, Яргунат обессиленно прислоняется к стене. Издалека доносится песня «Яргунат».)

Занавес.

Немного о себе

Я родилась 30 марта 1953 года в селе Каладжух Кусарского района Азербайджанской Республики, в красивой, благодатной местности, где живут трудолюбивые, добродушные люди. Я росла своенравным ребенком. Хорошо помню, как однажды, играя в саду, упала в колодец. К счастью, угодила в ведро. И мама, выбежавшая на мой крик, вытянула меня наверх. Я, как ни в чем не бывало, залилась смехом, а мама долго не могла прийти в себя. Однажды я слетела вниз с черешневого дерева. Вновь пронесло: зацепилась платьем за сук и повисла. Ведь могло бы и плохо закончиться. А сколько у меня было друзей! От зари до зари мы носились по горам, по долам.

Мне было четыре года, когда мы переехали в Яргун, родное село родителей. Яргун – очевидец моего счастливого детства, где мои детские замыслы и желания начали обретать крылья, где пробудилась моя любовь к миру. Это райский уголок, окруженный лесистыми горами, где шум реки Самур не прерывается ни на минуту. Люблю вспоминать, как каталась на лошади отца, как играла на высоком гребне Келедхюр, откуда часами глядела на лезгинские села за Самуром в Дагестане. Мне не забыть, как односельчане устраивали помочи, вместе проводили народные праздники, играли веселые свадьбы. В те времена, как мне теперь кажется, люди отличались усердием и трудолюбием, они

были добрее, искреннее и щедрее, не знали, что такое зависть. Именно такими запечатлелись в моей памяти яргунцы. Через два года, когда мы переехали в районный центр, сколько светлых воспоминаний я увезла с собой! В большом двухэтажном доме, построенном отцом в райцентре, нас ждала новая жизнь. И мы, дети, безумно радовались. В ту пору я, конечно, и думать не могла, что полюблю Кусары так же сильно, как и родное село Яргун. Я тогда не могла представить себе, что и после того, как побываю во многих странах и увижу много незабываемых мест, Кусары останутся для меня ни с чем несравнимым краем.

Мой прадед Керим был садовником. Слава о выращенных им яблоневого, грушевого, черешневого садах разносилась далеко за пределами Яргуна. Поговаривают, что у него было необычное пристрастие – прививать плодовые сорта к дичковым в лесу. Люди собирали с них плоды, поминая дедушку добрым словом. Он был еще и целителем: собирал лекарственные растения, готовил из них снадобья и лечил людей.

Мой дед Аюб, сын Керима, тоже был садовником. В тридцать лет он ушел в мир иной, оставив пятерых маленьких сыночек. Сироты остались под присмотром его жены, моей бабушки Гурият. Старший из детей, 11-летний Каинбек, мой отец, стал опорой семьи. Он помог своим братьям встать на ноги. После того, как они получили образование, он и сам поступил в сельскохозяйственный техникум в городе Губа, в дальнейшем стал известным агрономом.

Трое братьев Керимовых – Каинбек, Абдулрагим и Гаджирагим – ушли на Великую Отечественную войну. Мой дядя Абдулрагим не вернулся с фронта, а дядя Гаджирагим после войны остался на Украине – женился там на украинке, спасшей ему жизнь.

В день, когда мой отец Каинбек вернулся с войны, в родном селе он столкнулся с сельчанами, которые возвращались с

кладбища, только что похоронив его мать Гурият. Этот случай оставил неизлечимую рану в его сердце: до самого конца жизни, вспоминая тот день, он не мог удержать слез. Он назвал свою младшую дочь Гурият, но произнести это имя у него язык не поворачивался, и он звал ее просто Бабу.

За боевые подвиги на войне отец был награжден многими орденами и медалями. Он был очень скромным человеком, не любил их носить на людях. Лишь один раз в году – 9 мая отец выходил из дома в парадной форме, надев все свои награды. В этот день он с особенной грустью вспоминал своих боевых товарищей и близких, погибших на войне.

Мой отец был в числе первых агрономов, кто начал разводить в Кусарском районе новые сады. Он также принимал активное участие в выращивании десятков старинных плодовых сортов. В Каладжухе, Яргуне и других селах имя моего отца до сих пор произносят с большим уважением. Я была свидетелем того, как отец переживал, когда в начале 90-х годов прошлого столетия в нашем районе стали выкорчевывать старинные яблоневые сады и заменять их пальметтными. Непредусмотрительные руководители района уничтожили результаты многолетнего труда кусарских садоводов, в том числе и моего отца. Спустя годы те же люди уничтожили и пальметтные сады... Все эти переживания сказались на его здоровье.

Моя мама Кюбра была учительницей. Она преподавала в средней школе лезгинский и азербайджанский языки. Это были трудные годы. Были люди, которые препятствовали преподаванию лезгинского языка. Но им не удалось добиться своего. Благодаря усилиям интеллигенции, в том числе и моей матери, лезгинский язык в районе преподается по сей день.

Мама знала много лезгинских народных песен и порой пела их красивым, нежным голосом. Мне нравилось слушать ее

голос, исходящий из глубины сердца. Именно он пробудил во мне любовь к нашим народным песням.

*Рагъ яни вун, варз яни вун?
Вун вуч ятIа лагъ.
Инсан икъван гуърчег жедан,
Аман, сад Аллагъ?¹⁰⁵*

Даже когда она уходила в мир иной, на устах у нее была песня:

*Пекдин кафандик кутуна,
Зун суарариз твах жегъилар.
Зи дуйньядик ви галама,
Сурак пенжер тур, кIани яр.¹⁰⁶*

В те времена я не понимала глубины наших народных песен. Но через годы, преподавая лезгинский язык и литературу на филологическом факультете Бакинского филиала Дагестанского государственного университета, я стремилась разъяснить студентам истинную мудрость лезгинского устного народного творчества, привить им любовь к ней, как некогда привила ее мне мать.

Моя бабушка по матери Гуланбиги – стройная, белолицая, красивая женщина, мой сердечный и неразлучный друг – жила в семье своего младшего сына Тагира. Дом бабушки, в окружении фруктовых деревьев и цветников, был любимым местом ее внуков и внучек, в которых она души не чаяла. В лес и в поле

105. Солнце ты, луна ли –
Как тебя назвать?
Какой же ты красивый,
О мой Аллах!

106. В саване шелковом,
Меня несите, молодцы.
Не нагляделась я на мир,
Окно проделайте в могиле...

она предпочитала ходить со мной. Все окрестные тропинки ей были знакомы, как линии собственной ладони. Она хорошо разбиралась в лекарственных растениях. Умелая мастерица, она и меня научила ткать ковры. Гуланбиги была верующей, по ее настоянию я выучила наизусть несколько сур из Корана. Когда моя любимая бабушка уснула вечным сном, я испытала невыносимую боль.

Мои родители были добросовестными и трудолюбивыми людьми, очень привязанными к своей семье, к родному очагу. Неутомимые в работе, подобно пчелам, они и в нас, шестерых своих детях, воспитали любовь к труду. Несмотря на то, что наша семья жила в райцентре, мы держали корову, имели огород. Могли быстро уложить целую машину дров в сарай, возвести большой стог сена, за день очистить огромную кучу кукурузных початков. Родители, как правило, делили поровну работу между детьми. Отец даже на тутовом дереве выделил для каждого по ветке: «Эта для Хагигат, та для Седагет, а это для Гюльшад, рядом – для Гурият, и вон та – для Малика, что дальше, для Алика». Родители во всем любили порядок и умели его поддерживать. Отец обеспечивал семью материально, а мама, кроме ведения домашнего хозяйства, занималась и нашим воспитанием, следила за нашей учебой.

В школу я пошла на год раньше своих сверстников. Увидев, что старшая сестра Хагигат собирается в школу, я напросилась тоже. Я знала буквы и умела считать, поэтому учительница Эрки взяла меня в свой класс. Она была замечательным педагогом, я же оказалась упрямой ученицей. Бывало, если мне не нравилось стихотворение, заданное выучить наизусть, вместо него я учила другое. Ни одно праздничное мероприятие в школе не обходилось без моего участия. Когда я читала стихи, в зале появлялось оживление, потому что я позволяла себе менять

некоторые строки, добавляя в них юмора, делая их более соответствующими празднику.

Научившись писать, я стала вести дневник. Каждый день делала записи о происходящем, хранила его в укромном месте. Я продолжала вести записи в дневнике и в студенческие годы. Порой эта привычка доставляла мне головную боль, ведь всегда находятся любители читать чужие записи. Как-то я наткнулась на родственницу, тайком читавшую спрятанную мной тетрадь. Рассердившись, я бросила в огонь все свои дневники, которые вела в последние годы. Сожаление о том поступке живет во мне и поныне. Вспоминая это, я и сейчас готова расплакаться...

Писать стихи я начала в пятом классе. Если бы по моей собственной неосторожности у меня не пропала тетрадка со стихами, о моем увлечении так никто и не узнал бы. Но увидев, что я плачу, наш классный руководитель потребовал у класса, чтобы тетрадь вернули. Однако она так и не нашлась. В шестом классе у меня опять пропала тетрадь со стихами. В этот раз я постеснялась об этом сказать. Но каким-то образом об этом узнала мама. На следующий день она повела меня в редакцию районной газеты «Гызыл Гусар». Когда через несколько дней в газете появилось мое стихотворение, мама радовалась больше всех.

В десятом классе я заняла первое место на республиканском конкурсе сочинений на тему «Родина моя – Азербайджан», объявленном газетой «Азербайджан гянжлери» (Молодежь Азербайджана). После этого мое имя стало часто появляться на страницах республиканских газет и журналов.

В 1969 году я поступила на факультет журналистики Азербайджанского Государственного Университета. В первый же день после занятий я отправилась в редакцию газеты «Азербайджан гянжлери». Там мне сказали: «Если ты в первый день занятий в университете, не пообедав, пришла в редакцию, из

тебя получится настоящий журналист!» И меня направили на «объект» с заданием написать статью. Когда на следующий день я принесла готовую статью, в редакции все приятно удивились. В тот же день я получила удостоверение внештатного корреспондента этой известной газеты и с того времени стала регулярно печататься.

Мои статьи на тему морали были востребованы. Я была одной из самых плодотворных молодых авторов. Когда я училась на пятом курсе, мне предложили работу одновременно несколько редакций. В ответ на требование редактора газеты «Совет кенди» (органа ЦК Компартии Азербайджана) прислать в редакцию кого-либо из студентов декан нашего факультета направил туда меня. Но увидев меня, редактор Фазиль Садыхов рассердился: «Нам требуется мужчина!» Я строго ответила: «А я думала, вам требуется журналист!» Он удивленно посмотрел на меня и, задумавшись, пояснил: «Наши журналисты часто выезжают в командировки в отдаленные районы. Это работа не для молодой девушки». «Когда я поступала на факультет журналистики, я обо всем этом знала», – оставив последнее слово за собой, я вышла из кабинета.

Однако через неделю меня пригласили в эту же редакцию на испытательный срок. Первые два месяца меня отправляли в командировки в самые отдаленные районы с непростыми заданиями. Писать приходилось о разном – животноводстве, строительстве, спорте. Прежде чем в очередной раз отправиться в район, я часами занималась в библиотеке, изучая проблемный вопрос предстоящей статьи. В итоге редактор всегда оставался доволен моей работой и меня, наконец, зачислили в штат.

В газете «Совет кенди» я проработала 17 лет без перерыва. В этом коллективе, где работали 30 журналистов, я одной из первых была удостоена премии «Золотое перо» Союза

журналистов Азербайджана. В последующие годы я получила также журналистские премии имени Гасанбека Зардаби, имени Мехсети Гянджеви, имени Натаван. А в 2006 году мне было присвоено звание заслуженного работника культуры Азербайджана.

В 1991 году мне предложили работу в органе республиканского парламента – газете «Азербайджан». Здесь я в течение четырех лет возглавляла отдел культуры. Потом работала заместителем редактора газеты «Гюнай».

В 1996 году я создала в Баку ансамбль лезгинской песни и танца «Сувар» и возглавляла его на протяжении двадцати лет. В 2012 году ансамбль удостоился почетного звания «Народный коллектив Азербайджана».

С 1997 года я работаю редактором газеты «Самур», где печатаются материалы на трех языках – лезгинском, азербайджанском и русском. С того времени «Сувар» и «Самур» я считаю своими детищами.

В жизни я добивалась всего с большими трудностями. И в творческой деятельности передо мной возникали самые непредвиденные преграды. Как-то я передала свои произведения одному известному лезгинскому писателю и попросила его оценить их. А он «потерял» мои тетради. И подобное происходило не единожды. Уж не припомню, сколько раз бесследно исчезали мои материалы в редакциях. А в те времена не было ксерокопий и компьютеров – все работы были рукописными.

Чтобы добиться издания своей первой книги, мне пришлось пройти через многие препятствия. Вот почему моя книга «Безмолвный крик» вышла только в 1985 году, через пять лет после ее включения в издательский план. К счастью, отзывы о ней были хорошими. Вторая книга, «Одной весенней ночью», появилась уже через два года. Читатели приняли их радушно, я получила сотни благодарных откликов. В газетах и журналах появились десятки положительных рецензий.

Работая в редакции, я одновременно поступила в аспирантуру, написала диссертацию на соискание звания кандидата философских наук, но так и не довела ее до защиты. На это были серьезные причины, о которых не хочется упоминать.

Дважды я принимала участие в республиканских парламентских выборах. Дважды выиграла выборы, однако депутатом не стала. . .

Долгие годы я писала на азербайджанском и русском языках. Мне казалось, что на родном языке я не смогу излагать свои мысли должным образом. В 1984 году, в возрасте 59 лет скончалась моя мама, что стало потрясением для нашей семьи. В день похорон, после того, как все разошлись, в родительском доме остались только отец и мы – шестеро детей. Вдруг с моих уст стали слетать четверостишья на лезгинском языке, в которых я оплакивала маму. Это были мои первые строки на родном языке.

А в 1992 году в Кусарах, на 60-летнем юбилее известного лезгинского поэта Лезги Нямета, я прочитала свое первое стихотворение на лезгинском языке «Лезгинкадал илига» («Сыграй лезгинку»). Когда я дочитала его, то с тревогой заметила, что зал безмолвствует. Эта тишина меня не на шутку встревожила. И тут зал взорвался аплодисментами. Люди стоя аплодировали мне. В тот день я поняла, что не могу не писать на родном языке. Ведь по-настоящему поэт раскрывается только в нем.

Быть писателем – дело нелегкое и безмерно ответственное. В наше время, к сожалению, ценителей художественного слова стало меньше. Поэтому я порой задаюсь вопросом: «Найдутся ли читатели у моих книг?» И задаваясь этим вопросом, на который не знаю ответа, я продолжаю писать, потому что не могу не писать.

С.КЕРИМОВА

Содержание

С любовью к родному краю3

Рассказы

Мужское слово10

День рождения20

Чарли28

Гнев змеи36

Повести

Судьбоносные мыши42

Несбывшиеся мечты65

Роман

Пропавший дневник85

Пьеса

Холодное солнце258

Немного о себе327

Седает Керимова

КОГДА ГРУСТЯТ ГОРЫ

Компьютерный дизайн: **Айнур Байбулатова**

Сдано в набор 10.05.2018.

Подписано к печати 07.06.2018.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура: Times New Roman

Объем: 21 п.л. Офсетная печать. Бумага офсетная.

Тираж 500.

Отпечатано в типографии ООО "RS полиграф"